

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский национальный технический университет

Кафедра «История белорусской государственности»

СОВЕТСКИЙ ЭТАП В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Сборник научных статей участников Республиканской
научно-теоретической конференции

Минск, 5 декабря 2019 г.

Минск
БНТУ
2019

УДК 378.62 (476) (091) (082)

ББК 63.3 (46 Бел) я43

С56

Редакционная коллегия:

член-корреспондент НАН Беларуси, заслуженный деятель науки
Республики Беларусь, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой «История белорусской государственности»

В. А. Бобков;

доктор исторических наук, профессор *В. А. Божанов;*

доктор исторических наук, профессор *Л. Н. Семенова;*

кандидат исторических наук, доцент *С. В. Боголейша;*

кандидат исторических наук, доцент *А. К. Дубовик*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. В. Шарано;*

доктор философских наук, профессор *В. П. Старжинский*

Материалы сборника могут быть использованы учеными, преподавателями, студентами как важный источник знаний по дисциплинам история Беларуси, политология, философия, идеология, геополитика, государственное строительство, право.

Ответственность за достоверность информации и использование законов об интеллектуальной собственности несут авторы материалов.

ISBN 978-985-583-484-8

© Белорусский национальный
технический университет, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Наша страна – Республика Беларусь – отметила 100-летие со дня образования БССР. На этом пути было много трудностей и успехов, удач и ошибок. Научные публикации отражают картину прошлого и настоящего, дают определенное представление о разных периодах исторического пути нашей Родины от Великой Октябрьской социалистической революции до современной Республики Беларусь.

БССР вписала яркие страницы в летопись нашей большой страны – СССР: и в первые годы социалистического строительства, и в годы Великой Отечественной войны, когда на оккупированной фашистами территории было развернуто всенародное партизанское движение и под ногами оккупантов поистине горела земля.

В Советском Союзе БССР была своеобразным островком передового опыта в промышленности, сельском хозяйстве. Особенно БССР выделялась сильным руководящим составом работников снизу доверху и разумной организацией работы по подбору, выдвижению, обучению и воспитанию кадров; морально-нравственной их чистоте, развитием критики и самокритики; проведением идеологической работы. БССР подпитывала кадрами разного уровня и ЦК КПСС, и Совет Министров СССР, и союзные министерства и ведомства. К нам постоянно ехали делегации со всего Советского Союза для изучения передового опыта. Изучая опыт БССР в различных сферах жизнедеятельности, можно открыть целый клад настоящих жемчужин и золотых россыпей, что полезно использовать в настоящее время.

Девяностые и двухтысячные годы – время строительства суверенной Республики Беларусь. Это время строительства Союзного государства Беларуси и России, Союза Независимых Государств, Евразийского экономического союза. Беларусь является также наблюдателем в Шанхайской организации сотрудничества. Участвуя в интеграционных объединениях, Беларусь ставит задачей не потерять «собственное лицо», сохранить государственный суверенитет.

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ КАК КЛАДЕЗЬ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ

Бобков В. А.

г. Минск, БНТУ

За постсоветский период советский опыт в партийной, государственной работе, управлении народным хозяйством и других сферах общественной жизни подвергнут неоправданной критике во всех бывших советских республиках и редко – справедливо. Критиковать, говорят, легко, а созидать гораздо сложнее. Прошло уже почти 30 лет с момента развала Советского Союза, но ни одна из бывших республик – ныне независимых государств не может похвастаться выдающимися достижениями хотя бы в какой-то области общественной жизни. А если все же глубоко разобраться в опыте советских лет и вдумчиво подойти к его оценке, то можно открыть целый кладезь настоящих жемчужин и золотых россыпей.

Большая доля этого кладезя была сконцентрирована в Советской Белоруссии. БССР особенно выделялась сильным руководящим составом работников снизу доверху и разумной организацией работы по подбору, выдвижению, обучению и воспитанию кадров, морально-нравственной их чистоте, развитию критики и самокритики, организации партийной, государственной и идеологической работы на научных основаниях. БССР подпитывала кадрами разного уровня и ЦК КПСС, и Совет Министров СССР, и союзные министерства и ведомства. Не бахвалясь, а с чувством национальной гордости можно сказать, что Советская Белоруссия была в СССР своеобразным островком передового опыта, для изучения которого постоянно ехали и ехали делегации из всего Советского Союза.

В советское время в Беларуси считалось, что успешная работа любого коллектива на 50 % зависит от его материально-технических возможностей, а вторую половину успеха составляет умное и умелое руководство, т.е. организаторские способности, управленческое мастерство кадров [1, с. 33].

Накопленный в советские годы бесценный опыт в наше время используется далеко не в полной мере, а нередко и вовсе забыт. Возьмем, например, опыт подбора, расстановки и выдвижения работников, работы с резервом, обучения и воспитания кадров. В советское время наработана обширная теоретическая база и эффективная практика сочетания многоопытных руководителей и молодых перспективных работников, где первым лицом в организации

являлся опытный, зрелый руководитель, а молодой специалист – его заместителем. Руководитель морально отвечал за деловую и идейную подготовку своего зама, которого по мере его готовности выдвигали на вышестоящую должность. Ко времени своего ухода на пенсию руководитель трудового коллектива обязан был подготовить себе достойную замену. За этим строго следили партийные комитеты.

Эффективная теория и практика наработаны и в деле умелого сочетания мужской и женской прослойки в среде руководящих кадров. Не было погони за увеличением числа женщин-руководителей, но способных женщин-организаторов, женщин-воспитателей замечали и продвигали по служебной лестнице.

В деле обучения и воспитания кадров наша республика славилась наставничеством, содержательными практическими семинарами, научно-практическими конференциями. Беларусь постоянно ехали делегации из других союзных республик, в том числе из России, Молдовы, Казахстана, Армении, Литвы, Латвии, чтобы изучить прогрессивный опыт работы с кадрами. Формы и методы работы того времени были настолько привлекательными и успешными, что их копировали во многих странах Запада, а «наставничество» попросту позаимствовали у нас и назвали «коучингом». Кстати, наставничество повсеместно используется в современном Китае. В последние два-три года этой форме кадровой работы уделяется исключительное внимание в России.

Напомним, как это было в советское время. Обучение кадров на передовом опыте имело 2 развитые формы: коллективную и индивидуальную (наставничество). Наставниками были К.П. Орловский, В.Л. Бедуля, В.А. Ралько, М.Ф. Лавринович, В.М. Калачик и многие другие белорусские руководители, которых почти в лицо знал весь Советский Союз. У каждого из них была своя школа учеников. Каждая такая школа наставничества имела свои характерные черты: стиля, деловитости, образа мышления – по подобию руководителя. А суть наставничества в том, что молодого руководителя направляли на неделю-месяц к опытному передовому руководителю. Прикомандированный следовал за ним, как тень, наблюдая за каждым его шагом, манерой общения с подчиненными и вышестоящим начальством, стилем работы, характером, умением решить поставленную задачу. И, как губка, впитывал все [1, с. 34]. Здесь невольно напра-

шивается вопрос: а кто сегодня знает о путях к успеху современных Орловских, Ралько, Лавриновичей – может их нет? Закономерность исторического развития опровергает такое предположение: каждое время рождает своих героев.

Не менее успешно использовалось коллективное обучение руководителей на семинарах передового опыта в областях и районах. Опыт изучали в обязательном порядке, планоно, регулярно и детально – в партийной, советской, профсоюзной, комсомольской, хозяйственной практике. В передовую организацию систематически направлялись делегации с последующим отчетом: что видели, что позаимствовали, какие заметили недостатки и т.п.

Третья важная форма – научно-практические конференции. В семидесятые - девяностые годы прошлого столетия их планировали и ежегодно проводили райкомы, горкомы, раз в 2-3 года обкомы партии. К ним целый год готовились кадры, сверяли теорию с практикой, учились анализировать практическую работу, видеть в ней позитив и недочеты, критически относиться к ним и искать пути исправления. В таких конференциях обязательно участвовали ученые, что во многом создавало сплав теоретических знаний и практического опыта.

Научно-практические конференции проводились некоторыми органами исполнительной власти в девяностые и двухтысячные годы. Когда Минск возглавлял Михаил Яковлевич Павлов, здесь были ежегодные, масштабные международные конференции, проводимые Минским научно-исследовательским институтом социально-экономических и политических проблем. До 400 участников: ученые, руководители городских служб, мэры и вице-мэры городов со всего мира. Дискутировались внутригородские проблемы, стратегии развития города, место и роль Минска в мировом городском сообществе, стиль и методы управления минских руководителей. И было заметно, как наша столица становилась видным европейским городом и своеобразным центром городской науки, как успешно решались проблемы развития Минска, что было отмечено ООН в 2006 г. Не менее серьезное значение придавалось пропаганде передового опыта. Когда листаешь периодическую печать советского периода, то находишь целую плеяду героев своего времени, путь к успеху которых описан подробнейшим образом: формы, методы, стиль работы – бери и пользуйся этим опытом. О передовом

опыте, наставничестве постоянно публиковались статьи в журналах, издавались тематические библиотечки, целые серии брошюр! Мне довелось выпустить массу таких брошюр о передовом опыте в партийной, советской, профсоюзной, идеологической работе. И это не было какой-то показухой и формальностью. Потому, что была четкая и ясная позиция ЦК: не изучаешь новшеств, не внедряешь их в собственную практику – ты плохой работник и будешь освобожден от должности.

В последнее десятилетие советского периода автор статьи по поручению ЦК Компартии Беларуси изучал и обобщал опыт работы Брестского горкома партии, который возглавлял интереснейший человек – Владимир Петрович Самович. Он отличался большой эрудицией, широким кругозором, стремлением разобраться в деталях любого дела, умением работать с людьми, организованностью, системностью, принципиальностью и высокой личной скромностью. А труды Маркса и Ленина знал не хуже доктора наук. Кстати, будучи в должности первого секретаря горкома партии, он выкраивал время и работал над кандидатской диссертацией по партийному строительству. Через четыре года успешно защитил её.

Мало сказать, что Владимир Петрович интересовался передовым опытом партийной и советской работы. Он его внимательнейшим образом изучал, фильтровал, внедрял приглянувшееся в практику горкома и того же требовал от подчиненных. Характерен стиль его работы с подчиненными – он часто поручал им изучить статью или брошюру об опыте работы, а затем на совещании или семинаре коллективно обсуждали ее, дискутировали, договаривались, что взять на вооружение, а что неприемлемо. На этих обсуждениях, дискуссиях росли горкомовские кадры и впоследствии выдвигались на работу в обком партии, в облисполком, первыми руководителями в трудовые коллективы. Таким образом политический лидер не только пропагандировал передовой опыт, но и формировал творческий стиль работы у подчиненных.

Подобным образом набирались ума, опыта, деловой хватки многие молодые директора предприятий, председатели колхозов и директора совхозов, секретари партийных комитетов и председатели райисполкомов, министры.

А как в условиях инновационного развития Беларуси не почерпнуть из советского прошлого опыт научного подхода в работе,

научной организации труда? Эти категории тесно связаны с такими проблемами, как глубина анализа, системность в работе, стиль и эффективность работы руководителя. Ведь инновационное общество – общество знаний требует соответствующего стиля, форм, методов работы, научных способов анализа, познания действительности и формирования перспективных планов на будущее. Здесь недопустимы поверхностность, верхоглядство, авторитарные оценки и суждения, администрирование – всё, что далеко от конкретно-исторической действительности. В этом плане не требуется даже глубокого анализа современной практики, чтобы прийти к выводу: в постсоветские годы мы потеряли этот важный золотник. Можно сказать и иначе: в государственном секторе мы просто не осваиваем данный сегмент в управленческой работе, в работе с кадрами.

А как было в советское время? Надо заметить, что в различные периоды было по-разному. Особое внимание научной организации труда уделялось в 20 - 30 - е, 60 - 70 – е гг. прошлого столетия. Приведем пример. Центральный Комитет РКП (б) в 1924-1925 гг. вскрыл в ряде мест отрицательные явления, которые были вызваны чрезмерным увлечением проведения различного рода собраний и заседаний, неравномерным распределением нагрузки между коммунистами. Заседательская болезнь получила довольно широкое распространение и привела к ненужной трате сил и времени на подготовку многочисленных резолюций, докладов и речей. Изучение сложившегося положения на примере Донецкого, Самарского, Нижегородского, Киевского, Тверского, Владимирского и ряда других губкомов выявило неоправданную перегрузку партийных кадров. Почти 40 процентов ответственных работников заседали не менее 5 раз в неделю. 50 процентов посещали от 5 до 10 заседаний, остальные – более 10 заседаний в неделю. В среднем каждый ответственный работник затрачивал на заседания еженедельно 17 часов. Если учесть, что на дела по должности уходило в день от 6 до 10 часов и на самообразование – около 4 часов, то серьезную озабоченность вызывала проблема сохранения работоспособности кадров. Выяснилось, что 37,3 процента работников могут использовать для сна и отдыха менее 7 часов в сутки.

Комиссия по изучению бюджета времени при ЦК РКП (б) разработала мероприятия, которыми предусматривалось проводить на средних предприятиях в общей сложности не более 10-12 основных

собраний и заседаний в месяц, в том числе одно собрание ячейки и одно собрание цеховых организаторов или другого актива; по профсоюзной линии – не более одного общего собрания в две недели, одного собрания делегатов и производственного совещания в месяц; по линии комсомола – одно собрание ячейки в 3-4 недели.

При этом запрещалось проводить собрания и заседания, начиная с 3 часов субботы до 10 часов утра понедельника. Политучеба проводилась не чаще одного раза в неделю. Каждый коммунист должен иметь в среднем по 8-10 часов в неделю для чтения общественно-политической литературы и газет. Было рекомендовано сократить до минимума число комиссий, ликвидировать параллелизм при создании их партийными, профсоюзными, комсомольскими и другими организациями [2, с. 46-47].

Добиваясь четкого определения и выполнения функциональных обязанностей работниками аппарата, овладения ими научной организацией труда, ряд партийных комитетов Беларуси в семидесятые годы XX века значительно упорядочили проведение совещаний и заседаний, сократили их количество, продолжительность по времени. Некоторые взяли за правило регулярное составление календарных планов мероприятий. Такие планы стали составляться советскими и хозяйственными органами, общественными организациями, что усилило их координирующее влияние и сократило заседание, бумаготворчество.

Начиная со второй половины восьмидесятых годов, все партийные комитеты Компартии Белоруссии строили работу аппарата на основе регламента, определяющего порядок и методологию планирования, подготовку пленумов, заседаний бюро партийных комитетов, собраний партийного актива, осуществление контроля за выполнением решений, организацию работы с кадрами, деятельность аппарата в первичных парторганизациях, проведение совещаний, семинаров и др.

Руководство Центрального райкома партии Гомеля, например, придавало важное значение слаженной работе отделов, рациональной организации труда сотрудников аппарата, распределению обязанностей между ними с учетом опыта, профессиональной подготовки и способностей каждого. В частности, предусматривалось, что значительную часть рабочего времени (не менее двух дней в неделю, а позже – не менее четырех) сотрудники аппарата должны

проводить в первичных партийных организациях, ежемесячно принимать участие в подготовке и проведении двух и более партийных собраний. Еженедельно, в понедельник, на совещании аппарата заведующие отделами информировали о том, кто из работников аппарата и с какой целью находился в первичных парторганизациях, какую работу и оказал помощь [3, с. 37].

В годы перестройки партийные комитеты Беларуси, как и в целом страны, стали больше внимания уделять организации отдыха руководителей, связывая это с научной организацией труда и эффективностью работы. Полагаем, что и данный опыт весьма полезен сегодня. Не щадя здоровья людей, мы не ускорим наше социально-экономическое и духовное развитие. Кавалерийским наскоком, повседневным перенапряжением сил такие высоты не взять. Наоборот, подорвем ускорение: для решения больших и сложных задач нужно крепкое здоровье. Хороший руководитель не тот, кому не хватает рабочих дней, а тот, кто умеет в рабочее время успешно добиться поставленной цели. Где же выход? В уплотнении рабочего времени, четкой организации своего труда и подчиненных, приема людей, работы с документами, выездов на места и т.д. Было бы полезно возродить в стране движение за научную организацию труда.

Таким образом, исторический опыт Советской Беларуси, с одной стороны, является своеобразным мостиком к жизненному опыту наших отцов и дедов, которые оставили нам в наследство блестящие образцы труда, дает определенное представление о разных периодах в жизни страны. С другой стороны, он учит эффективным формам и методам работы, которые при творческом использовании способны ускорить наше движение вперед. Наставничество ценно практическим обучением организаторским способностям, стилю работы и воспитанием. Научно-практические конференции органично соединяют теорию с практикой, учат отличать перспективные пути к успеху от ложных. Опора на науку дает возможность видеть в работе шире, дальше и «пахать» глубже. Пропаганда опыта позволяет ускорить движение, не изобретать велосипед заново.

Развитая критика и самокритика подсказывают: нельзя обольщаться достигнутыми успехами, а следует постоянно стремиться к большему. Они являются надежным лекарством от бюрократизма, коррупции, чванства, вседозволенности и других человеческих пороков; помогают утверждать в обществе справедливость, честность,

порядочность, моральную чистоту. Научная организация труда дает кадрам дополнительные возможности для эффективной работы, помогает уйти от излишнего бумаготворчества и заседательской суеты, а сосредоточиться на главных вопросах.

Если же сложить это все вместе и добавить к существующей практике, мы вдохнем много новых сил и возможностей, и страна определенно почувствует это в решении сложных задач нашего времени. К тому же названный опыт поистине во всех смыслах бесценный, а способные кадры, как известно, решают все. В последнее время на это постоянно обращает внимание А.Г. Лукашенко при назначении новых кадров руководителей.

Использованные источники и литература

1. Бобков, В.А. Беларусь как социально-гуманитарный проект в глобальном мире / В.А. Бобков // Беларусь в условиях глобализации и интеграции. Материалы Международной научной конференции. – Минск: БНТУ, 2018. – С. 28–45.

2. Беляков, В.К. Организация удесятеряет силы / В.К.Беляков, Н.А.Золотарев – М., 1975, – 190 с.

3. Бобков, В.А. Возрождение духа ленинизма / В.А. Бобков – М.:Политиздат, 1989, – 399 с.

КУЛЬТУРНАЕ БУДАЎНІЦТВА Ё ЗАХОДНЯЯ БЕЛАРУСІ ПАСЛЯ ЁЗ'ЯДНАННЯ З БССР

Багдановіч А. І.

г. Мінск, БНТУ

Палітычныя, эканамічныя і сацыяльныя працэсы, што адбываліся ў Заходняй Беларусі, даследаваны ў айчынной гістарыяграфіі даволі добра. Горш, на наш погляд, гісторыкамі вывучаліся культурныя працэсы, асабліва ў кароткі прамежак часу з верасня 1939 па чэрвень 1941 г.. У дадзеным артыкуле мы прааналізуем некаторыя аспекты культурнага будаўніцтва ў заходніх абласцях пасля іх ўз'яднання з БССР.

Становішча Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы было абумоўлена Рыжскім мірным дагаворам ад 18 сакавіка 1921 г., па якому да Польшчы адышла значная частка заходнебеларускіх зямель

(Гродзенская губерня, усходнія раёны Віленскай і заходнія раёны Мінскай губерні). Тут пражывала каля 4,7 мільёнаў чалавек, пераважную большасць якіх складалі беларусы. Па Рыжскаму дагавору ўрад Польшчы гарантаваў беларускаму і ўкраінскаму насельніцтву права на свабоднае развіццё культуры, мовы і адпраўленне рэлігійных абрадаў [1, с. 325]. Аднак гэтыя гарантыі засталіся толькі на паперы. Да 1939 г. былі зачынены амаль усе беларускія школы, спынілася выданне беларускіх газет і часопісаў, забаранялася ўжыванне беларускай мовы ў школах, дзяржаўных установах і органах мясцовага самакіравання.

У адпаведнасці з пактам аб ненападзе паміж СССР і гітлераўскай Германіяй ад 23 жніўня 1939 г. [2, с. 3-4] Заходняя Беларусь і Заходняя Украіна былі прызнаныя сферай інтарэсаў СССР. Гэтыя дакументы, а таксама дагавор аб дружбе і мяжы, падпісаны 28 верасня 1939 г. ужо ў ходзе нападу Германіі на Польшчу [2, с. 6-8], аб'ектыўна садзейнічалі аднаўленню нацыянальна-тэрытарыяльнай цэласнасці беларускага народа, парушанай Рыжскім мірным дагаворам ад 17 верасня 1939 г., калі германскія войскі падыходзілі да межаў Заходняй Беларусі, а жыццёва важныя цэнтры Польшчы былі ўжо занятыя немцамі, Чырвоная Армія пачала свой вызваленчы паход па тэрыторыях Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Да 25 верасня ўся тэрыторыя Заходняй Беларусі была цалкам занятая савецкімі войскамі.

Людзі сустралі чырвонаармейцаў хлебам і соллю, прызнаючы ў іх сваіх вызваліцеляў аб чым сведчаць шматлікія дакументы і ўспаміны. Яны пачалі самаарганізоўвацца – выбіраць сялянскія камітэты і мясцовыя саветы, дапамагаць усталяваць новую ўладу. Асаднікі, паліцыя і польская адміністрацыя былі арыштаваны і раззброены. У гарадах і сельскіх гмінах наладжваліся праца прадпрыемстваў, медыцынскае абслугоўванне насельніцтва, фарміравалася новая сістэма адукацыі – ішло адкрыццё школ на беларускай і рускай мовах, забароненых у буржуазнай Польшчы. На далучаных заходніх тэрыторыях былі створаны пяць абласцей: Брэсцкая, Беластоцкая, Баранавіцкая, Вілейская і Пінская [3, с. 446].

У першыя ж дні тут разгарнулася актыўнае культурнае будаўніцтва. З усходніх абласцей Беларусі быў накіраваны шматлікі культурны дэсант. У гарадах і вёсках заходніх абласцей былі арганізаваны выступленні шматлікіх творчых калектываў Беларусі.

Так, калектыў Мінскага тэатра юнага глядача з 18 па 28 кастрычніка 1939 г. даў 21 спектакль і 16 канцэртаў на выбарчых участках і ў воінскіх часцях Брэст-Літоўска. У гэты ж перыяд па маршруце Лунінец-Кобрын-Пінск выступаў Палескі драмтэатр з Гомеля. З пастаноўкамі “Тэўе-малочнік” і “Гершэле Астраполер” у Гродне, Беластоку, Пінску і Кобрыне выступілі дзве брыгады яўрэйскага тэатра, якія далі 16 спектакляў. 13 канцэртаў далі сімфанічны аркестр і хор Белдзяржфілармоніі ў Беластоку, Ваўкавыску, Вілейцы і Баранавічах. Самадзейныя калектывы з Рэчыцы і Хойнікаў, мінскіх чыгуначнікаў і чэкістаў складам каля 130 чалавек выступалі ў Беластоку, Лідзе, Ваўкавыску. Дакументы сведчаць аб велізарнай увазе да правядзення культурна-масавых мерапрыемстваў сярод насельніцтва заходніх абласцей. Не было ніводнага населенага пункта, дзе б не выступалі тады альбо прафесійныя, альбо самадзейныя калектывы.

Новыя гарызонты адкрыла вызваленне Заходняй Беларусі перад вядомым майстрам харавых спеваў Рыгорам Шырмай. Ужо 1 кастрычніка 1939 г. ён атрымаў мандат на стварэнне прафесійнага калектыву. Рыгор Раманавіч згуртаваў вакол сябе таленавітых выканаўцаў, у тым ліку былых удзельнікаў віленскіх хораў, і пачаў мэтанакіраваную працу з імі ў Беластоку. У канцы 1940 г. Беларускаі ансамбль песні і танца пад яго кіраўніцтвам выступіў у Мінску, а ў маі 1941 г. – на Дэкадзе беларускага мастацтва ў Маскве, адкуль калектыў пачаў сваё канцэртнае турнэ па Савецкаму Саюзу, ад Калініна да Ташкента. Вайна застала ансамбль у Арле. З гэтага часу і да вызвалення Беларусі ад фашыстскай акупацыі яго доляй сталі выступленні і канцэрты на франтах Вялікай Айчыннай вайны [4, с. 240-241]

Урад БССР прыняў шэраг рашэнняў аб стварэнні розных устаноў культуры і мастацтва. Так, у горадзе Беластоку да 10 студзеня 1940 г. было прапанавана арганізаваць абласную філармонію з сімфанічным аркестрам у складзе 45 чалавек, ансамблем беларускай песні і танца ў складзе 50 чалавек і аддзяленнем Белдзяржэстрады, у Баранавічах – ансамбль цыганскай песні і танца, у Гродне – яўрэйскі тэатр мініяцюры і абласны хор у складзе 35 – 40 чалавек, у Брэсце – аддзяленне Белдзяржэстрады.

Да пачатку 1940 г. адчынілі свае дзверы навучальныя ўстановы для творчай моладзі, гэта музычнае вучылішча ў Брэсце, музычнае і

мастацкае вучылішчы ў Беластоку а таксама шматлікія музычныя школы ў Баранавічах, Беластоку, Брэсце, Вілейцы, Гродне, Кобрыне, Лідзе, Маладзечне, Пінску, Слоніме. Праца па стварэнню мастацкіх і музычных навучальных устаноў была даручана Саюзу кампазітараў Беларускай ССР. Брыгада кампазітараў у складзе Аладава, Палонскага, Падкавырава і інш. была камандзіравана ў Заходнюю Беларусь і правяла там сходы і рэгістрацыю музычных работнікаў (кампазітараў, дырыжораў, аркестрантаў, салістаў, інструменталістаў і вакалістаў). Іх намаганнямі ў Беластоку былі арганізаваныя сімфанічны і духавы аркестры, музычная школа, канцэртна-эстрадная група, пяць канцэртных музычных ансамбляў для кіно і рэстаранаў. Былі уладкаваны на часовую працу многія аркестранты, ансамблі і канцэртныя групы.

Гэтая ж брыгада ў Брэсце, Пінску, Гродне арганізавала канцэртныя аркестры (духавыя, сімфанічныя, народных інструментаў), музычныя школы, яўрэйскі харавы ансамбль, выдзеліла сродкі на дапаможнікі і музычныя інструменты, ажыццявіла запіс народных песень для далейшай творчай працы і г.д. [5, спр. 256].

Да 1 лютага 1940 г. былі створаны абласныя драматычныя тэатры: у Беластоку – на беларускай і польскай мовах; у Брэсце – два аблдрамтэатры на рускай і яўрэйскай мове; у Гродне – беларускі аблдрамтэатр і абласны тэатр лялек; у Пінск быў пераведзены Заслаўскі беларускі калгасна-саўгасны тэатр, рэарганізаваны ў аблдрамтэатр; у Баранавічы пераведзены Рагачоўскі беларускі калгасна-саўгасны тэатр, які гэтак жа стаў абласным драматычным тэатрам. Усяго ў гарадах і вёсках Заходняй Беларусі ў перадваенныя гады працавалі пяць абласных драматычных тэатраў, 100 кіна-тэатраў, 92 дамы культуры, 220 бібліятэк.

Мясцовым органам улады – аблвыканкамам заходніх абласцей БССР – і ўпраўленню па справах мастацтваў пры СНК БССР было дадзена даручэнне ўзяць на ўлік і арганізаваць ахову мастацкіх каштоўнасцяў, якія ёсць у былых памешчыцкіх маёнтках, а найбольш каштоўныя прадметы выяўленчага мастацтва, якія знаходзіліся ў былых памешчыцкіх маёнтках, замках і грамадскіх установах, вывезці ў карцінную галерэю БССР у Мінску. У замку Радзівілаў у Нясвіжы было прапанавана арганізаваць гістарычны музей, перадаўшы яго ў вядзенне ўпраўлення па справах мастацтваў пры СНК БССР [5, спр. 254].

Дзеячы культуры з першых дзён усталявання савецкай улады ў Заходніх абласцях Беларусі сталі самастойна ствараць свае саюзы і аб'яднанні. У Беластоку былі створаны оргбюро пісьменнікаў Заходняй Беларусі і аддзяленне беларускай літаратуры, на чале якога стаў вядомы пісьменнік Піліп Пестрак. Па дакладной запісцы старшыні праўлення Саюза пісьменнікаў БССР М. Лынькова ў ЦК КП(б)Б, у Заходняй Беларусі налічвалася 76 пісьменнікаў, з іх 22 беларусы, двое рускіх, пяцёра палякаў і 47 габрэяў. Палова з іх – бежанцы з этнічнай Польшчы і Вільні. М. Лынькоў даў характарыстыку: Максіму Танку, Піліпу Пестраку, Наталлі Арсеньевай, Эфраіму Каганоўскаму і шэрагу іншых пісьменнікаў як вельмі таленавітым. Ён звяртаўся ў ЦК КП(б)Б з просьбай аб аказанні дапамогі заходнебеларускім пісьменнікам на суму 101 тысяча 900 рублёў [5, спр. 115]. На жаль, лёс многіх дзеячаў культуры Заходняй Беларусі быў трагічны, што было звязана з сталінскімі рэпрэсіямі, якія пачаліся ў 1940 г.. Па сённяшні дзень яшчэ дакладна не ўстаноўлена колькі іх было арыштавана і выслана ў Сібір на пасяленне або ў канцлагеры.

Матэрыяльнае становішча пісьменнікаў Заходняй Беларусі таксама было вельмі складаным і нават цяжкім. Іх творы амаль не публікаваліся ў буржуазнай Польшчы, Некаторыя з пісьменнікаў, такія як М. Танк, П. Пестрак, за сваю падпольную камуністычную дзейнасць сядзелі ў турме. Але і Савецкай уладай ім была аказана толькі мінімальнае дапамога. Тым не менш іх творы адразу ж з'явіліся ў перыядычных выданнях Савецкай Беларусі, што паспрыяла паляпшэнню іх дабрабыту. Ва ўсіх творчых саюзах былі створаны партыйныя арганізацыі, якія адразу ж сталі праводзіцца мерапрыемствы па ідэалагізацыі творчых работнікаў. У Беластоцкае аддзяленне пісьменнікаў прыезджалі выкладчыкі з Мінска і чыталі лекцыі пра сацыялістычны рэалізм, аб адносінах да класічнай спадчыны, аб прынцыпах савецкай крытыкі, аб станоўчым героі ў савецкай літаратуры і г. д. Праца ў Беластоцкім аддзяленні Саюза пісьменнікаў была пастаўлена з размахам, з улікам звыклых для таго часу метадаў палітычнага выхавання: вывучаўся “Кароткі курс гісторыі ВКП(б)” І. Сталіна, праводзіліся сходы секцый паэтаў і празаікаў, дзе ладзілі чытку новых твораў. Аднак спецыялістаў па сацыялістычнаму рэалізму Беластоцкаму аддзяленню СП БССР відавочна не хапала, і літаральна за некалькі месяцаў да вайны

П. Пестрак звяртаўся да Аляксандра Фадзеева, які быў у той час старшынёй Саюза пісьменнікаў СССР, з просьбай прыслаць адпаведнага лектара. Але ў сувязі з пачаткам вайны Масква не паспела яго накіраваць [4, с. 221].

Такім чынам, культурнае будаўніцтва ў Заходняй Беларусі разгарнулася адразу ж пасля таго, як Чырвоная Армія заняла яе тэрыторыю і вялося па ўсіх напрамках культурнай дзейнасці: навука, адукацыя, літаратура, друк, музыкальнае, тэатральнае і выяўленчае мастацтва, кіно, бібліятэчная справа і г.д. Уся культурна-асветніцкая дзейнасць грунтавалася на ідэалагічных прынцыпах сацыялістычнага рэалізму, якія ўжо ўкараніліся і панавалі ва ўсходняй частцы Беларусі. Яны былі зарыентаваныя на выхаванне новага чалавека, адданага ідэалам камуністычнай партыі і перамогі сацыялізму ва ўсім свеце.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Хрестоматия по истории БССР. 1917 – 1983 / А.П. Игнатенко [и др.]; под общ. ред. А.П. Игнатенко – 2 изд. – Минск: Университетское, 1984. – 453 с.

2. Политический архив XX века. Секретные документы из особых папок // Вопросы истории. – 1993. – №1. – С. 3 – 22.

3. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. / рэдкал.: П. Брыгадзін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: РІВШ БДУ, 1995–2002. – Ч. 2: Гісторыя Беларусі XIX – XX стагоддзі: Курс лекцый / П. Брыгадзін [і інш.]. – 2002. – 656 с.

4. Ершова, Э.Б. Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии (1917–1941) / Э.Б. Ершова – Россия молодая, 1994. – 280 с.

5. Пастанаўленні Камітэта па справах мастацтваў БССР. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 4. – Вопіс 27. Спр. 254-256.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОЙ ССР В ОБЛАСТИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Боголейша С. В.

г. Минск, БНТУ

Внутриполитическое положение Литовско-Белорусской ССР слабо освещено в исторической литературе. Малоизученными являются социально-экономические и национально-культурные преобразования. Как и другие направления правительственной политики, они не имели самостоятельного содержания и контролировались правительством РСФСР. Литовско-Белорусская ССР обладала лишь номинальным суверенитетом и не успела сформироваться как государство со всей атрибутикой: органы власти находились в стадии формирования, местный аппарат был слабый, не были четко определены границы, не была принята Конституция, белорусско-литовская армия просуществовала только три месяца, территория государства стала ареной боевых действий польско-советской войны и была захвачена поляками.

Формирование органов власти началось с формирования государственного аппарата и определения границ республики. 27 февраля 1919 г. был создан ЦИК советов рабочих, мало-земельных и безземельных крестьянских и красноармейских депутатов ССРЛиБ во главе с К. Циховским, который стал высшим государственным органом власти республики. Также было сформировано советское рабоче-крестьянское правительство Литвы и Беларуси – Совет народных комиссаров ССРЛиБ во главе с В. Мицкявичюсам-Капсукасам. В состав республики вошли Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская губернии и часть Сувалкской губернии, на которых проживало свыше 6 млн человек. Столицей ЛитБел стал г. Вильно [8, с. 24, 33] Центральными отраслевыми органами государственного управления в ЛитБел были народные комиссариаты (наркоматы) иностранных дел (нарком В. Мицкявичус-Капсукас), внутренних дел (З. Алекса-Ангаретис), юстиции, военных дел (И. Уншлихт), народного просвещения (Ю. Лещинский), финансов, путей сообщения, земледелия, труда, социального обеспечения, продовольствия, здравоохранения, почт и телеграфов, госконтроля (С. Берсон), Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) [4, с. 177].

В административном плане территория ЛитБел разделялась на уезды, власть которых была подчинена СНК. Исключением стали Минская губерния и Виленский уезд Виленской губернии, где действовал Минский Губернский Военно-революционный комитет, отдельная административно-территориальная единица на правах губернии с центром в Минске, созданная 25 февраля 1919 г. во главе с И. Саватеевым, который был подчинен правительству ЛитБел [5, с. 159]. Мингубревком во время формирования республиканских органов власти, действовал довольно самостоятельно, оперативно решал неотложные вопросы защиты и другие проблемы государственной жизни (организацию сельскохозяйственного производства, промышленности, торговли, социального обеспечения, национально-культурного строительства).

Республиканские органы власти провели ряд мероприятий в области государственного строительства. Были приняты Инструкции о волостных, городских и уездных советах, декреты об организации советской милиции и суда, уравнивания женщин в правах с мужчинами, упразднении сословий и титулов.

В процессе формирования государственного аппарата, центральных и местных органов власти руководство республики сталкивалось с острым кадровым дефицитом. Кроме того, чем дальше от центра, тем слабее была советская власть и влияние правительства ЛитБел. Об этом свидетельствуют следующие примеры. «Ошмяны. Сознание населения слабое, агитаторов недостаток. В волостях контрреволюция берет верх Ковенский уезд. Настроения населения, особенно крестьян, враждебны к советской власти. Причина – хулиганское поведение наших частей, оперирующих против немцев...» [2, с. 411-412]. В связи с этим руководство республики проводило различные мероприятия по укреплению государственного аппарата, борьбе со злоупотреблениями. Однако во многих случаях власть правительства ЛитБел была номинальная, а многие принципиальные решения, касающиеся Литвы и Беларуси, ЦК РКП(б) утверждал самостоятельно, не посоветовавшись с местными коммунистами и часто не предупредив последних.

Многие задачи для жизнеспособности государства нужно было решать правительству Литовско-Белорусской ССР в сфере экономики. В результате многолетних военных действий сельское

хозяйство и промышленность пришли в упадок. С установлением советской власти были проведены значительные преобразования: началась политика военного коммунизма, были национализированы все фабрики и заводы, чьи хозяева сбежали за границу, также были национализированы предприятия, банки, транспорт. К июлю 1919 г. только на территории Беларуси были национализированы 182 предприятия. Земельный фонд, леса, недра, воды были объявлены общегосударственной собственностью. 11 января 1919 г. вводилась разверстка государственной заготовки хлеба и других продуктов для снабжения Красной Армии, рабочих и служащих.

29 января 1919 г. с целью решения продовольственной проблемы и подрыва экономического состояния зажиточных слоев населения вся буржуазия, а также зажиточное крестьянство были обложены “чрезвычайным революционным налогом”. Однако постоянно ощущался финансовый дефицит, правительство Литовско-Белорусской ССР регулярно направляло в Москву просьбы о выделении материальной помощи. Поэтому в литературе можно найти много примеров значительной финансовой поддержки, которую РСФСР оказывала ЛитБел. Например, только в марте – начале апреля 1919 г. правительство Литовско-Белорусской ССР получило от РСФСР кредит в размере 180 млн руб. на расходы по руководству. Большая часть средств выделялась на военные нужды [5, с. 206]. Трудности существовали и с обеспечением населения продуктами питания. Промышленные и продовольственные товары распределялись по карточной системе и в виде пайка. Частная торговля запрещалась, а зажиточные крестьяне должны были сдавать излишки продуктов государству. Сбор продуктов проводился путем принудительной продразверстки. Правительство Литбела отказалось от передачи крестьянам изъятых земель и стремилось на базе бывших помещичьих земель создать совхозы, коммуны и сельхозартели [7, с. 383]. Такая аграрная политика правительства республики была ошибочной и вызвала у крестьян неудовольствие деятельностью правительственных учреждений, что отрицательно сказалось на ходе боевых действий в период польского наступления весной 1919 г.

Главным внешнеполитическим приоритетом ЛитБел являлось развитие тесных связей с Советской Россией. Со стороны РСФСР республика получала военную, дипломатическую, экономическую и

моральную поддержку и находилась фактически в зависимости от советского партийного руководства. Также наблюдалось активное экономическое сотрудничество с Советской Украиной, откуда ввозилось зерно, мука, крупы, масло, сахар, а взамен отдавали лен, бумагу, древесину, фанеру, кожу, обувь [8, с. 83]. С другими советскими республиками связи были довольно скромными.

Вторым важным вопросом, от которого зависело дальнейшее развитие республики, являлся вопрос об организации армии и ее боеспособности. Угроза со стороны Польши была очень реальна. В феврале 1919 г. польские войска начали наступление в направлении Барановичей и Пинска, а также по реке Неман между Каунасом и Гродно, территория Литовско-Белорусской ССР стала театром военных действий. В связи с этим, Реввоенсовет РСФСР 13 марта 1919 г. переименовал Западную армию, которая располагалась на пути продвижения противника, в белорусско-литовскую, которая оставалась частью единых вооруженных сил Красной Армии [1, с. 43]. Вместе с тем военный комиссариат ЛитБел не являлся руководящим органом обороны, не распоряжался военными силами на фронте, о чем в своей статье «Восемь месяцев Советской Белоруссии» написал В. Г. Кнорин.

8 апреля 1919 г. декретом ЦИК ЛитБел в государстве было объявлено военное положение. В военном плане наблюдалась полная зависимость Литовско-Белорусской ССР от Советской России. В Москве решались вопросы о вооружении, количестве солдат и т.д. Командующие Западным фронтом назначались высшим партийно-советским и военным руководством РСФСР и были ответственны перед ним. Военное положение на территории Литвы и Беларуси было очень тяжелым, не хватало штыков, шашек, обмундирования, плохим было материально-бытовое обеспечение советских войск. Все это крайне негативно влияло на боеспособность и морально-боевой дух. Вообще надо отметить, что вооруженные силы, которые находились на территории Беларуси и Литвы, значительно уступали войскам Польши.

24 марта 1919 г. СНК ЛитБел принял декреты о военной службе и трудовой повинности. Службе в армии подлежали граждане от 18 до 40 лет, независимо от служебного состояния и образования [7, с. 383]. Одновременно военные органы получили право привлекать к оборонительным работам всех трудоспособных мужчин. Однако

создать боеспособную армию, которая могла бы противостоять интервентам, руководство ЛитБел и Западного фронта не смогло. Главные силы Красной Армии воевали с армиями Колчака и Деникина, а польско-советский фронт большевики считали второстепенным.

17 апреля 1919 г. началось наступление на Вильнюс – столицу республики, которая 21 апреля была оккупирована. 19 апреля 1919 г. в 5 часов утра на экстренном заседании СНК ЛитБел был создан Совет обороны в составе В. Мицкявичюса-Капсукаса (председатель), И. Уншлихта, М. Калмановича, в мае дополнительно включили В. Кнорина и Е. Боша. Совету обороны была передана вся полнота военной и гражданской власти на территории Литовско-Белорусской ССР, этот чрезвычайный орган сконцентрировал в своих руках вопросы обороны, решал другие неотложные дела, принимал меры по поддержанию порядка. Однако попытки организовать сопротивление полякам были безуспешными. Потеря Вильнюса полностью дезорганизовала власти ЛитБел, началась волна репрессий против сторонников советской власти, поиск виновных. Жертвами стали как члены руководства республики (нарком госконтроля С. Берсон), так и рядовые активисты.

25 апреля 1919 г. на заседании ЦК КП(Б)ЛиБ было принято решение об усилении борьбы с внутренней контрреволюцией и спекуляцией. Еще одной серьезной проблемой армии ЛитБел было дезертирство. Летом 1919 г. бегство красноармейцев с фронта приобрело массовый характер. Только в одной Минской губернии насчитывалось почти 33 тыс. человек дезертиров. Дезертиры значительно ослабляли советскую власть в крае. В боях войска белорусско-литовской армии понесли значительные потери, местами до 1/3 своих бойцов и половины командного состава [2, с. 416-417]. Проводимые властями ЛитБел мероприятия не смогли остановить наступление польских войск и защитить страну от захвата. В военном плане ЛитБел была довольно слабым образованием, что заметно проявилось в малоопытности военного руководства ЛитБел, недостатках военного командования Западного фронта и привело к поражению советских войск

Сложные обстоятельства требовали реорганизации центральных органов власти. 19 апреля 1919 г. СНК ЛитБел постановил передать

всю полноту гражданской и военной власти Совету обороны ЛитБел. В связи с угрозой захвата Вильнюса 21 апреля 1919 г. органы власти Литовско-Белорусской ССР переехали в Двинск, а 28 апреля в Минск, ставший новой столицей республики. 19 мая 1919 г. СНК и ряд наркоматов республики эвакуировались в Бобруйск. Произошла дезорганизация правительственного аппарата. В Минск не вернулись многие партийные и советские работники, снова создавать правительственный аппарат уже не имело смысла. Комиссариатами стали отделы Мингубревкома, руководство которыми взяли на себя народные комиссариаты республики. Преобразованные в комиссариаты отделы губревкома стали органами государственного руководства для всей неоккупированной территории Литовско-Белорусской ССР [6, с. 54]. По инициативе Совета обороны ЛитБел, ВЦИК РСФСР 1 июня 1919 г. принял постановление о военном союзе советских республик России, Украины, Литвы и Беларуси. Создание военного союза было продиктовано необходимостью совместного ведения освободительной войны. Это означало отход от национально-территориального принципа в военном строительстве [3, с. 120]. Были объединены военные организации и военное командование, советы народного хозяйства, финансы, железнодорожное управление, комиссариаты труда. Руководство всем этим сконцентрировалось в единых коллегиях при правительстве РСФСР. 21 июня ЦИК ЛитБел одобрил этот договор. Вооруженные силы республики вошли в состав Красной Армии, белорусско-литовская армия была переименована в 16-ю армию Западного фронта. К середине лета 1919 г. поляки заняли большую часть Литовско-Белорусской республики. До июля 1919 г. польские войска оккупировали территории Беларуси и Литвы. 8 августа 1919 г. польские войска захватили Минск и в сентябре продвинулись к линии Двинск – Полоцк – Лепель – Борисов – Бобруйск – р. Припять [7, с. 383]. Дальнейшее существование ССР Литвы и Беларуси и её центральных органов не имело смысла.

Очень непоследовательной в Литовско-Белорусской ССР была и национально-культурная политика. 21 марта 1919 г. СНК ЛитБел издал декрет о равенстве национальностей края во всех сферах общественной и государственной жизни – управления, просвещения, социального обеспечения. Однако из шести газет, издававших-

ся в ЛитБел советскими властями, только одна выходила на белорусском языке.

Разрозненные свидетельства, встречающиеся в исторической литературе, не позволяют сделать глубокие выводы о политике правительства ЛитБел в сфере культуры и образования. Для подготовки партработников при ЦК КП(б)ЛиБ в Вильнюсе 15 апреля 1919 г. была открыта Коммунистическая школа, которая после оккупации Вильнюса продолжала работу в Минске. В июне 1919 г. там проходили обучение курсанты от Минской, Мозырской, Бобруйской, Слуцкой, Гродненской, Несвижской, Лунинецкой партийных организаций. Лекции в школе читали: В.С. Мицкявичюс-Капсукас по истории крестьянского и рабочего движения, К. Г. Циховский по земельной политике, В. Г. Кнорин по политэкономике [8, с. 44]. 1 мая 1919 г. началась подготовка и проведение так называемых «ударных» дней и недель. Для этого под руководством А. Р. Червякова было образовано бюро для проведения «Дня советской пропаганды».

Власти ЛитБел приняли Декрет о равноправии всех местных языков. Пять языков – литовский, русский, польский, белорусский и еврейский – были объявлены государственными языками. Все законы, постановления и распоряжения, которые ограничивали права национальностей, были отменены. Однако на практике принцип равенства народов и их языков неоднократно нарушался, что признавали и сами основатели ЛитБел. В большей степени использовался русский язык, как общепонятный всем областям Литовско-Белорусской ССР [8, с. 80]. В апреле 1919 г. церковь была отделена от государства, а религия провозглашена частным делом граждан.

После образования Литовско-Белорусской ССР для организации руководства системой народного образования в Вильнюсе был создан Народный комиссариат просвещения ЛитБел. В его подчинение перешел Минский губернский комиссариат народного просвещения, который с 29 марта 1919 г. начал называться губернским отделом народного образования. 24 марта 1919 г. был издан декрет об обязательном бесплатном обучении детей и молодежи в возрасте от 7 до 18 лет. С целью подготовки и переподготовки учителей в Минске с февраля по май 1919 г. были организованы специальные курсы. Кроме того, в Минске и

Молодечно были проведены учительские съезды [9, с. 66]. Была восстановлена система высшего образования. 13 марта 1919 г. на базе закрытого Вильнюсского университета был создан всеобщий университет труда в составе трех отделов: общеобразовательного, научного и специального. На создание университета был выдан 1 млн руб. [9, с. 67].

В апреле 1919 г. комиссия Наркомпроса приняла решение о восстановлении Горе-Горецкого института на базе земледельческой школы и ремесленного училища. В Минске работал педагогический институт, в котором обучалось 160 студентов. Однако в связи с оккупацией территории ЛитБел деятельность культурно-просветительных учреждений приостановилась. После захвата Минска польскими войсками Народный комиссариат просвещения был эвакуирован в Смоленск, а затем в Рославль, где вынужден был прекратить свою деятельность. Декретами от 25 и 26 марта 1919 г. создавались историко-этнографический музей и музей прикладного искусства в Вильнюсе. В Минске был создан областной белорусский музей. Также при Наркомате просвещения была учреждена Археологическая комиссия, руководившая центральным книгохранилищем, библиотекой, Центральным архивом и историко-этнографическим музеем [9, с. 68].

На территории Литовско-Белорусской ССР центральные органы ЦК КП (б)Либ издавали газеты «Звезда» на русском языке, «Млот» на польском, «Коммунистос» на литовском, «дер Штерн» на еврейском. Власти ЛитБел неприязненно относились к белорусской культуре. Белорусы были лишены возможности развивать национальную систему образования, создавать общественные организации, издавать печатные органы на родном языке. 24 февраля 1919 г. был прекращен выпуск белорусской газеты «Денница» в Москве, однако новая коммунистическая газета на белорусском языке непосредственно на территории Беларуси выпущена не была. В марте 1919 г. также был упразднен Белнацком.

Таким образом, Литовско-Белорусская ССР оказалась нежизнеспособным государственным образованием, которое не соответствовало коренным интересам ни белорусского, ни литовского народов. В военном и экономическом отношениях Литовско-Белорусская ССР полностью зависела от Советской России. Все

принципиальные решения в обязательном порядке утверждались в ЦК РКП(б). Полноценный государственный аппарат создан не был, что во многом было обусловлено советско-польской войной. Очень непоследовательной была и социально-экономическая политика, поэтому многие слои населения не стали опорой советской власти. Трудно найти примеры равноправного отношения к белорусам и литовцам в составе ЛитБел. В Вильнюсе, столице государства, издавались газеты и журналы на литовском, русском, польском, идиш языках и ни одного издания на белорусском. Это свидетельствует об отсутствии белорусского, национального элемента в составе литовско-белорусского государства. Неудачными были попытки использования средств дипломатии, ведь фактически главы государства послушно выполняли политику советской России.

Использованные источники и литература

1. Борьба за Советскую власть в Литве (1918 – 1920 гг.). Сборник документов. – Вильнюс: Микнис, 1968. – 475 с.

2. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пач. XXI ст. / [А.А. Каваленя і інш.]. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск, 2011. – Кн.1.– 583 с.

3. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў / Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь [і інш.]; [склад.: У. М. Міхнюк, Рэдкал.: І.І Антановіч (старшыня) і інш.] – Т. 1. (1917–1922 гг.). – Мінск: БелНДДАС: Выдавецкі цэнтр БДУ, 1997. – 395 с.

4. История белорусской государственности / Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Минск: Белорусская наука, 2018. – Т. 3: Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). – 639 с.

5. Круталевич, В.А. История Беларуси: Становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В.А. Круталевич – 2-е изд., доп. – Минск: Право и экономика, 2003. – 592 с.

6. Круталевич, В.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) / В.А. Круталевич, І.А. Юхо –2-е изд., доп. – Мінск: “Беларуская навука”, 2010 – 238 с.

7. Ціхаміраў, А. Літоўска-Беларуская Савецкая Сацыялістычная рэспубліка / А. Ціхаміраў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997 – Т. 4. – С. 382-384.

8. Ціхаміраў, А.В. Міжнародныя аспекты фарміравання беларускай дзяржаўнасці ў 1914-1921 гг. / А. Ціхаміраў // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе. Материалы международной научной конференции 24-25 мая 2002 г. – Мінск: “Адукацыя і выхаванне”, 2002. – С. 116-125.

9. Шкляр, Е.Н. Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией (1919–1920 гг.) / Е.Н. Шкляр. – Мінск: Госиздат БССР, 1962. – 178 с.

ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В БЕЛАРУСИ (1917–1921 гг.)

Божанов В. А.

г. Минск, БНТУ

Не решив ни одной насущной проблемы страны (продолжение мировой войны «до победного конца», неспособность передать крестьянам землю, галопирующая инфляция, безработица, обнищание населения), Временное буржуазное правительство в считанные месяцы не только потеряло авторитет среди населения России, но и вызвало к себе негативное отношение со стороны различных слоев страны. Особенно радикальные настроения, перерастающие в революционный натиск, складывались среди солдат на фронте. Российская социал-демократическая партия большевиков под руководством В.И. Ленина сумела понять и выразить эти настроения и оказалась в числе авторитетных политических сил России. Это наглядно выразилось в значительном усилении к осени 1917 г. влияния большевиков в Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и создании на промышленных предприятиях вооруженных отрядов Красной гвардии.

На 25 октября (по старому стилю) 1917 г. был назначен II съезд Советов. Под влияние Ленина ЦК большевиков посчитал это событие благоприятным для взятия власти в России. Используя момент максимальной растерянности Временного правительства, отсут-

ствии поддержки со стороны фронтовых частей, большевики по четко разработанному плану быстро и практически бескровно в ночь с 24 на 25 октября штурмом взяли правительственную резиденцию – Зимний дворец – и арестовали Временное правительство. Утром 25 октября съезд Советов был поставлен перед фактом решения вопроса о власти. Делегаты легитимизировали большевистский переворот и придали ему советскую форму: было принято постановление о переходе власти к советам, избран Центральный Исполнительный Комитет, утверждено правительство из числа большевиков во главе с В.И. Лениным – Совет Народных Комиссаров. Съезд принял декреты о мире и о земле, которые вызвали широкую поддержку населением новой власти. В несколько месяцев Советская власть утвердилась по всей России.

В тот же день, 25 октября 1917 г., Минский Совет в приказе № 1 объявил о взятии власти в городе и окрестностях [7, с. 190]. В ноябре 1917 г. состоялись три съезда советов: съезд советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, третий съезд советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, второй съезд армий Западного фронта. Они избрали Областной исполнительный комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облисполкомзап) и его исполнительный орган – Областной Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта. Этим же решением был утвержден административно-хозяйственный статус Беларуси как Западной области в пределах Советской России [1, с. 189-190].

В то же время, как отмечает Вацлав Игнатовский, в Беларуси Октябрьская революция, решив социальный вопрос, должна была столкнуться и столкнулась с национальным вопросом [3, с. 177]. Национальную позицию занял Всебелорусский съезд, который собрался в декабре 1917 г. В принятом делегатами съезда постановлении отмечалось: «закрепив свое право на самоопределение, завоеванное Российской революцией, и подтверждая демократический республиканский строй в пределах Белорусской земли для сохранения целостности Беларуси в составе Российской федеративной демократической республики, постановил выдвинуть из своего состава орган краевой власти в лице I Всебелорусского Совета Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов, которому вручить руководство Беларусью даже до созыва Белорусского Учредитель-

ного Собрания» [Цит. по: 4, с. 189]. Местной Советской власти в лице Облисполкома Западного фронта и его комиссаров съезд не признал. В ответ Облисполкомзап объявил работу Всебелорусского съезда прекращенной. Таким образом, замечает В. Игнатовский, национальное движение в Беларуси оторвалось от социальной революции. Белорусские большевики категорически стояли на позиции того, что всякое национальное движение является буржуазным. Объективная демократическая тенденция в тех конкретных исторических условиях не была осмыслена большевиками Северо-Западного комитета РСДРП и Облисполкомзапа [2, с. 344].

Авторы коллективной монографии Института истории НАН Беларуси «История белорусской государственности» считают, что объективных причин для разгона съезда у руководства Облисполкомзапа и Совнаркома Западной области и фронта не было [4, с. 348]. Они ссылаются на мнение непосредственных участников тех событий А. Червякова, Д. Жилуновича, Я. Дыло и даже В. Кнорина, которые позже высказали свое сомнение в необходимости проведения этой акции. Они считали, что опираясь на левое крыло съезда и повлияв на тех, кто колеблется, можно было сдерживать правых и найти компромиссное решение с существующей властью в стране.

Таким образом, делают вывод авторы монографии, I Всебелорусский съезд стал неординарным событием для белорусского народа. Впервые в новейшей истории Беларуси он засвидетельствовал о начале усвоения белорусским обществом его государственно-политических интересов и превращении белорусского вопроса в самостоятельный политический фактор. Разгон съезда означал, что дальнейший поиск компромиссного разрешения вопроса государственно-политического самоопределения Беларуси между национально-демократическими силами и существующими органами советской власти был невозможен [4, с. 351].

Часть делегатов съезда преобразовала президиум съезда в Совет съезда, избрала его исполком. Исполнительному Комитету Совета I-го Всебелорусского съезда было поручено заняться белорусизацией Советов на местах и взять власть в Беларуси в свои руки, когда для этого будут благоприятные обстоятельства. В это время в результате сорванных мирных переговоров между Германией и Советской Россией немецкие войска перешли в наступление и 21 февраля были уже в Минске. В этот же день Исполком I Всебелорус-

ского съезда поспешил воспользоваться ситуацией и издал Первую Уставную грамоту к народам Беларуси, объявил себя временной властью в Беларуси и сформировал правительство – Народный секретариат Беларуси во главе с И. Воронко, в состав которого вошли представители Белорусской социалистической громады, эсеров, сионистов-социалистов. К немецкой военной администрации Народный секретариат высказал признание и лояльность.

3 марта 1918 г. правительство Советской России заключило мирное соглашение с Германией. Откупной ценой для России этого соглашения стали белорусские земли западнее линии Двинск – Свентяны – Лида – Пружаны – Берестье, попавшие под немецкую юрисдикцию. Договаривающиеся стороны грубо попирали интересы белорусского народа, сделали белорусские земли предметом произвольного манипулирования в своих интересах. Ответом на столь оскорбительное отношение к Беларуси стало принятие 9 марта 1918 г. Исполкомом Всебелорусского съезда 2-й Уставной грамоты. Беларусь объявлялась Народной Республикой в границах расселения и количественного преобладания белорусского населения. Однако Вторая Уставная грамота, которая объявила БНР, ничего не сказала о ее суверенитете, территории и отношениях с соседними странами. К тому же нависла угроза нового раздела белорусских земель, теперь уже в результате сговора между Германией и Польшей. Газета «Гоман» с обидой и возмущением писала в то время: «Нас режут вновь и вновь – по берестейскому договору, по новой оккупации, по последнему дополнительному условию, по возможно новому. Нет слов: Беларусь, попав в сферу интересов Германии и России, может надеяться получить независимость только тогда, если бы это сошлось с интересами этих держав, или, может быть, если бы того захотела сторона, которая имеет возможность диктовать свои условия. В этот момент положение сложилось для нас непредсказуемо» [Цит. по: 8, с. 193].

25 марта 1918 г. была принята Третья Уставная грамота. Этим документом Белорусская Народная Республика объявлялась независимым и свободным государством. Народному Секретариату поручалось обратиться к заинтересованным сторонам с предложением пересмотреть условия Брестского мира. Только независимое государство могло на законной основе потребовать вывода иностранных войск со своей территории, возвращения отобранных земель.

В течение всего 1918 г. Рада БНР настойчиво пробовала добиться от немецкого правительства признания государственной независимости. Правительство Советской России, как, кстати, и Германское правительство, несмотря на объявленные декларации, стремились реализовать в первую очередь собственные геополитические интересы, и менее всего их беспокоили интересы белорусского народа. К тому же БНР была объявлена на территории, где вся власть принадлежала немецкой оккупационной администрации. Но бесспорным остается то, что самим фактом создания БНР вопрос о праве белорусской нации на самоопределение был поставлен в плоскость практической реализации. Это была первая попытка возродить национальную государственность на белорусской земле, что принципиально повлияло на положительное решение российских большевиков по созданию белорусского государства. После ухода немцев территория была занята Красной Армией, правительство БНР вынуждено было эмигрировать на Запад.

Следует отметить, что даже при минимальных возможностях БНР оказала заметное влияние на развитие просвещения и культуры на оккупированных землях Беларуси [1, с. 196]. По приблизительным данным, здесь работало от 150 до 350 школ. Подготовка учителей велась в Свислочской семинарии и Минском пединституте. В апреле 1918 г. была основана Минская высшая музыкальная школа, которая вскоре преобразовалась в Белорусскую консерваторию. В апреле 1918 г. создана подготовительная комиссия для открытия Белорусского университета в Минске, в которую вошли А. Смолич, М. Довнар-Запольский, Я. Карский и др. По инициативе И. Луцкевича в 1918 г. было создано первое белорусское научное учреждение – Белорусское научное товарищество в Вильно. Издавались белорусские книги, журналы и газеты.

В условиях немецкой оккупации Рада БНР и Народный Секретариат являлись по существу единым политическим центром в Беларуси, который активно действовал, пробовал защищать интересы белорусского населения на международной арене, насколько это было возможно. Вместе с тем в условиях немецкой оккупации наполнить реальным содержанием объявленную независимость было невозможно. БНР в 1918 г. так и не стала полнокровным субъектом международных отношений [4, с. 195].

Комиссия ВЦИК РСФСР предложила создать Западную область (Западную коммуну) в составе Смоленской, Витебской, Могилев-

ской, Черниговской, Минской, Виленской и Ковенской губекрний с областным центром в Минске. На таких позициях стояло и руководство Северо-Западного обкома РКП(б), облисполкома и СНК Западной области и фронта. Они считали Беларусь территориальной единицей РСФСР. Их взгляды формировались под влиянием идеи мировой социалистической революции и в самоопределении народов, образовании национальных государств, границах они видели препятствие на пути к ней. Они аргументировали это тем, что белорусы якобы не являются самостоятельной нацией, поэтому принцип самоопределения им не подходит.

Другую позицию занял Белорусский национальный комиссариат (Белнацком), созданный 31 января 1918 г. при Народном комиссариате по делам национальностей. Руководители Белнацкома А. Червяков, Д. Жилунович и другие считали необходимым создание Белорусской Советской Республики. 21–23 декабря 1918 г. в Москве состоялась I конференция белорусских секций РКП(б), которая признала необходимым провозглашение Белорусской советской республики и создание Временного рабоче-крестьянского правительства Беларуси. В этой связи 24 декабря ЦК РКП(б) принял решение о провозглашении Белорусской советской республики. Активность деятелей Белнацкома (Белорусский национальный комиссариат – структурное подразделение Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР) и белорусских секций РКП(б) во главе с Д. Ф. Жилуновичем стала одним из факторов, повлиявших на изменение позиции ЦК РКП(б) в белорусском вопросе. 30 декабря 1918 г. в Смоленске начала работу VI Северо-Западная конференция РКП(б). Она объявила себя I съездом Коммунистической партии большевиков Беларуси. В ночь с 1 на 2 января 1919 г. был подписан Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси, согласно которому провозглашена Советская Социалистическая Республика Беларусь (ССРБ). Сформировано правительство, которое возглавил Д. Ф. Жилунович. 3 февраля была принята Конституция государства.

В провозглашенную республику были включены пять губерний, однако вскоре три губернии отошли к России и Беларусь осталась в пределах Минской и Гродненской губерний. С уходом немецких оккупантов с территории Беларуси (в связи с революцией в Германии) агрессивные намерения проявила Польша. Ее правящие круги

вознамерились воссоздать Великую Польшу в границах Речи Посполитой 1772 г. Первые бои в феврале 1919 г с красноармейскими частями Советской России позволили полякам перейти в наступление. В этих условиях I съезд Советов Беларуси (2-3 февраля) и Первый съезд Советов Литвы (18–19 февраля) приняли Декларации о слиянии республик. 27 февраля 1919 г. в Вильно состоялось объединенное заседание центральных исполнительных комитетов Беларуси и Литвы. На нем было провозглашено образование Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (ЛитБела) со столицей в Вильно. Совет Народных Комиссаров ЛБССР возглавил В. Мицкявичюс-Капсукас, а объединенный ЦИК – К.Г. Циховский. Территория ЛитБела первоначально охватывала Виленскую и Минскую губернии, а также часть Ковенской и Гродненской губерний. Однако уже 19 апреля 1919 г. польские части заняли Вильно, 8 августа Минск. На этом история ЛитБела фактически прекратилась.

Во время советско-польской войны Беларусь стала объектом территориальных претензий сразу четырех государств – Советской России, Польши, Литвы и Латвии. Причем дележ происходил без участия белорусов, в опоре на силу, военно-стратегическое преимущество. Так, заключая 12 июля 1920 г. мирный договор с Литвой – потенциальным союзником Польши в войне, Советская Россия, чувствуя недостаток сил и стремясь обезопасить себя перед решающим наступлением на Польшу, была готова удовлетворить территориальные запросы Литвы. Советская Россия уступила Литве значительную часть Гродненщины и Виленщины. Передавались Гродно, Лида, Ошмяны, Поставаы и др. города и местечки. За Литвой оставались Браславские озера и озеро Нарочь.

Особенности послевоенной ситуации в Беларуси были связаны с тем, что за годы Первой мировой войны, германской и польской интервенции хозяйство Беларуси было почти все разрушено. Серьезными оказались территориальные потери Беларуси. По Рижскому мирному договору Россия «отписала» Польше почти половину территории Беларуси – около 100 тыс. кв. км с населением более трех миллионов человек. Три белорусские губернии РСФСР аннексировала в свой территориальный состав. И лишь шесть уездов – Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Мозырский, Минский и Слуцкий – входили в провозглашенную 31 июля 1920 г. во второй раз ССРБ. Ее территория составляла теперь 52, 4 тыс. кв. км, а население – 1,54 млн. чел.

Июльское 1920 г. наступление Красной Армии принесло освобождение всей территории Беларуси от польской оккупации. По поводу возрождения белорусской государственности возникли разногласия. Одни (члены ЦК КП(б) Литвы и Беларуси В. Кнорин, Р. Пикель, И. Рейнгольд и др.) предлагали культурно-национальную автономию в границах Минской губернии как составную часть Российской Федерации. Другие члены ЦК КП(б) Литвы и Беларуси во главе с А. Червяковым настаивали, чтобы ЦК РКП(б) признал необходимым восстановление Беларуси на советской основе. Вторая позиция победила. В результате 31 июля 1920 г. на совместном заседании Белвоенревкома, ЦК КП(б) Литвы и Беларуси, профсоюзов, Бунда была принята «Декларация об объявлении независимости Советской Социалистической Республики Беларусь». В ней устанавливалось, что всю власть на территории Беларуси сосредотачивает в своих руках Военно-революционный комитет. Позже предполагалось созвать Всебелорусский съезд Советов для окончательного решения вопроса о власти. Территория Беларуси ограничивалась шестью повітамі Минской губернии, что было закреплено и в мирном договоре между Россией и Польшей (без участия представителей Беларуси) 18 марта 1921 г. Территория Западной Беларуси (Виленищина, Гродненщина и часть Минщины) по договору отошла к Польше. Во время польско-российских переговоров туда приехали и представители белорусов: с одной стороны, представители правительства Белорусской Народной Республики, с другой – Советской Беларуси. Как известно, ни одни, ни другие на переговоры допущены не были [6]. «Наша ніва» писала в то время с горечью, что «калі мы не зможам зрабіць Беларусь беларускай, то маскалі будуць заўсёды старацца зрабіць яе маскоўскай, палякі – польскай, літвіны – літоўскай як па культуры і духу, так і па языку» [5].

Попытки части населения и политических сил выступить за утверждение независимой от России Беларуси в ее этнографических границах успехом не увенчались.

Использованные источники и литература

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці у канцы XVIII-пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 584 с.

2. Ігнатоўскі У.М. Караткі нарыс гісторыі Беларусі. / У.М. Ігнатоўскі: 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1991. – 190 с.
3. Известия ЦК КПСС. 1990. № 5
4. Наша ніва. 1920. 12 лістапада
5. Наша ніва. 1920. 16 лістапада
6. Наша ніва. 1920. 16 лістапада
7. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1 / Беларус. энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоу (галоуны рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 2001. – 592 с.

ПРОЕКТ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА КАК ОТРАЖЕНИЕ БОРЬБЫ МЕЖДУ СОЮЗНЫМ ЦЕНТРОМ И РЕСПУБЛИКАМИ

Василевич Г. А.

г. Минск, БГУ

Работа над проектом нового Союзного договора в течение 1990–1991 гг. шла очень трудно. В этот период развернулась «война законов» между центром и республиками. Показателен в этом плане следующий пример. 7 мая 1991 г. Президиум Верховного Совета нашей республики принял постановление «О действии Указа Президента СССР от 12 апреля 1991 г. «О чрезвычайных мерах по обеспечению материальными ресурсами предприятий, объединений и организаций», которое в силу своей неординарности заслуживает особого внимания. Президиум Верховного Совета республики проанализировал создавшуюся ситуацию, в том числе и с точки зрения права, и, исходя из интересов населения республики, принял неординарное решение: на территории БССР приостанавливается действие статей 1 и 3 Указ Президента СССР от 12 апреля 1991 г., а Президиум обращается к Президенту с предложением пересмотреть названные выше статьи. Руководителям предприятий и организаций рекомендовано принять дополнительные меры к выполнению требований республиканского законодательства по защите потребительского рынка, а Госарбитражу БССР и другим органам – обеспечить защиту предприятий и организаций в соответствии с законодательством Белорусской ССР. Несколько ранее подобное решение принял Президиум Верховного Совета Украинской ССР.

По данным правоохранительных органов за пять месяцев действия Закона Белорусской ССР «О временных мерах по защите по-

требительского рынка Белорусской ССР» на контрольно-пропускных пунктах сотрудниками милиции проверено около 500 тысяч транспортных средств. Задержано товарно-материальных ценностей на 6,5 млн. рублей, в том числе сложной бытовой техники – на 3,4 млн. рублей, одежды – на 592 тыс. рублей, строительных материалов – на 306 тыс. рублей, мебели – на 111 тыс. рублей, обуви – на 19 тыс. рублей, продовольственных товаров – на 30 тыс. рублей. Из них по решениям народных судов конфисковано на 3,4 млн. рублей и реализовано населению – на 3,2 млн. рублей. На нарушителей Закона наложено штрафов на сумму свыше 2,6 млн. рублей, из них взыскано 172 тыс. рублей.

Проект Союзного договора в ноябре 1990 г. был опубликован в печати. Он состоял из преамбулы и трех разделов: основные принципы; устройство Союза; органы власти и управления. В разделе о принципах закреплялось, что каждая республика – участница Договора – суверенное государство, обладающее всей полнотой государственной власти на своей территории. Предполагалось, что Союз – также суверенное государство. В качестве союзных органов власти и управления виделись двухпалатный Верховный Совет, Президент СССР, Вице-президент СССР, Совет Федерации, создаваемый под руководством Президента СССР в составе Вице-президента СССР и глав союзных республик, Кабинет Министров, Конституционный Суд, союзные суды.

Опубликованный проект получил не только поддержку, но и критику. В частности, он, по оценке М. Шафира и А.Козлова, как бы не замечал принятых республиками деклараций о государственном суверенитете, кроме того, не ясно, какие вопросы находятся в совместной компетенции Союза и республик, а какие – в компетенции только республик [1, с. 4].

Ряд республик, прежде всего прибалтийских, в соответствии с их курсом на восстановление полной независимости в процессе обсуждения положений этого важного документа не участвовали.

Съезд народных депутатов принял постановление, которым утвердил общую концепцию нового Союзного договора и определил порядок его заключения. Признано целесообразным, чтобы организацию дальнейшей работы над проектом нового Союзного договора, определение порядка его заключения осуществлял Подготовительный комитет в составе высших должностных лиц субъектов

федерации – республик и автономных образований, Президента СССР, Председателя Верховного Совета СССР и Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР. При разработке текста проекта следовало основываться на представленной Съезду общей концепции, а также концепциях, имеющихся у субъектов федерации, с учетом предложений и замечаний, высказанных народными депутатами СССР и общественностью.

Съезд народных депутатов СССР, рассматривая заключение нового Союзного договора как важнейший фактор нормализации обстановки в стране, консолидации общества, обратился к представительным органам государственной власти субъектов федерации с призывом обеспечить подготовку и заключение Союзного договора.

Однако можем отметить, что существенного резонанса принятое Съездом постановление не получило. Сошлюсь на выступление заместителя Председателя Верховного Совета Молдовы В. Пушкаша на пятой сессии парламента Молдовы. В нем сообщалось о том, что «представители Молдавии связывались с руководством других республик и выясняли их позицию. Уже к концу 1990 года картина выглядела следующим образом. «Прибалтийские республики и Грузия, к которым присоединилась сейчас и Армения, высказались против Союза. Республики Центральной Азии выступают за обновленную федерацию, каждая из них имеет при этом собственную позицию. К примеру, Верховный Совет Казахстана рассмотрел проект договора на сессии. Депутаты единодушно признали необходимость нового Союзного договора. Форма и процедура его заключения, по их мнению, могли бы быть определены после заключения горизонтальных договоров со всеми республиками. В Узбекистане концепция Союзного договора рассмотрена на заседании Президиума Верховного Совета. Этот вопрос будет рассмотрен на сессии после IV Съезда народных депутатов СССР. Узбекистан считает, что подписание договора не должно ущемлять его государственный суверенитет. Он предлагает в предварительном порядке делегировать Центру решение таких вопросов, как оборона страны, транспорт, связь. Киргизия и Туркмения рассмотрят проект Союзного договора на сессиях Верховных Советов. Они склонны высказаться за обновленную федерацию. Азербайджан также рассмотрит проект Союзного договора на сессии Верховного Совета. Соответствующее решение будет принято парламентом или в рамках референдума. Белоруссия рассмотрит проект Союзного договора так-

же на сессии. По мнению Председателя Верховного Совета, республикам должен быть предоставлен максимум прав и полномочий с тем, чтобы суверенитет и независимость государств стали действительностью. Недавно сообщалось, что Белоруссия назначила уполномоченных от республики для участия в подготовке Союзного договора. Россия рассмотрела проект Союзного договора на сессии Верховного Совета. Принято решение о продолжении участия ее представителей в разработке Союзного договора. Россия рассматривает Союз в виде Союза суверенных государств, обновленной федерации. Парламент Украины не дал пока никакой оценки опубликованному проекту Союзного договора. По словам Председателя Верховного Совета Украинской ССР, отношение к проекту нового Союзного договора не может быть однозначным. Парламент республики принял решение не заключать никакого договора, пока не будет принята новая Конституция Украины. Лишь после этого можно будет говорить о том, какими могут быть ее отношения с центром. Украина, ее парламент не высказались против нового Союзного договора, но и не участвовали в его подготовке. Украина считает, что это должен быть договор между суверенными государствами» [2].

12 июня 1991 г. Верховный Совет БССР принял постановление «О проекте Союзного договора». Белорусский парламент принял к сведению информацию заместителя Председателя Верховного Совета Белорусской ССР В.И. Шолодонова о подготовке проекта Союзного договора и определению порядка его заключения образованной Постановлением Верховного Совета Белорусской ССР от 19 февраля 1991 г. Комиссии по подготовке проекта Союзного договора. Он одобрил основные положения проекта Договора о союзе суверенных республик, подготовленного полномочными представителями республик, доработанного на заседании Совета Федерации СССР и Подготовительного комитета в июне 1991 г.

Комиссии Верховного Совета Белорусской ССР по подготовке проекта Союзного договора и определению порядка его заключения было поручено обобщить предложения и замечания постоянных комиссий Верховного Совета Белорусской ССР, народных депутатов, трудящихся Белорусской ССР и учитывать их в процессе согласования окончательной редакции проекта Союзного договора.

О готовности БССР заключить Договор свидетельствовало поручение Верховного Совета Председателю Верховного Совета Бело-

русской ССР Дементю Н. И. подписать Союзный договор от имени Белорусской Советской Социалистической Республики. В процедуре подписания Договора следовало принять участие членам комиссии Верховного Совета Белорусской ССР по подготовке проекта Союзного договора и определению порядка его заключения.

Основная проблема в работе над проектом Союзного договора заключалась не в юридической «шлифовке» текста, а в определении концепции договора, в достижении консенсуса по ключевым вопросам. Центр уже слабо управлял страной. При подготовке проекта даже звучали предложения, что он будет лучше подготовлен, если в этом процессе примут участие только республики (без участия представителей СССР). Интересно, что очень часто обращались к опыту заключения Договора об образовании СССР 1922 г. Вспомнился в печати и украинский вариант Договора об образовании СССР 1923 г. [3].

Задавали тон в процессе выхода республик из состава СССР прибалтийские государства, которые использовали различные механизмы. Так, в октябре 1990 г. в латвийском парламенте были сделаны важнейшие после принятия Декларации о независимости шаги. Верховный Совет изменил кворум для принятия решений, что позволило больше не оглядываться на меньшинство.

Отныне для принятия законов в Латвии достаточно, чтобы за них проголосовало большинство участвовавших в голосовании депутатов, но не менее одной трети от общего числа народных депутатов Латвии. Конституцию можно было изменить, если «за» проголосовало не менее двух третей от числа, участвовавших в голосовании депутатов. Достаточно, чтобы это большинство превышало половину от общего числа народных избранников Латвии. Убрав «помеху» в лице оппозиции, парламент в считанные минуты принял ряд важнейших законов. В частности, собственностью Латвии объявлено все находящееся на ее территории имущество. Право собственности других государств (это относится и к Советскому Союзу), их физических и юридических лиц в Латвии определяют ее законы, а также заключенные международные договоры. Изменения по вопросам прокурорского надзора означали, что отныне высший надзор за соблюдением законов на территории Латвийской республики осуществляет ее Генеральный прокурор. В частности, осужденные Верховным Судом, как пояснил председатель комиссии А. Эндзиньш, не могут более

апеллировать к Верховному Суду СССР. Последней инстанцией в решении хозяйственных споров становился Госарбитраж Латвийской республики, который должен руководствоваться прежде всего Декларацией о независимости. Принятые решения имели судьбоносные последствия, поскольку парламент фактически лишился политического центра и стремительно перемещался к самому радикальному крылу политического спектра республики [4].

Таким образом, как справедливо отмечалось, «доминирующей в 1990 г. тенденцией в изменении национально-государственных отношений в СССР являлось стремление союзных республик к утверждению своего суверенитета вплоть до деклараций о непринадлежности к СССР».

8 июля 1991 г. в Ново-Огарево прошла встреча руководителей девяти союзных республик и Президента СССР, где главной темой обсуждения был Союзный договор. Было достигнуто соглашение по основным положениям Договора.

М. Горбачев на пресс-конференции после встречи отметил, что всех объединило чувство общей ответственности. Как пафосно отмечалось в печати, достигнутое в Ново-Огарево соглашение продемонстрировало одно важное политическое качество: способность сплотиться не только перед лицом грозящей опасности, но и в виду возможного благоприятного развития событий. Перспектива эффективного международного сотрудничества в деле вывода страны из экономического пике и перехода к рынку побудила лидеров девяти республик проявить черты, не очень характерные для политиков нового поколения. Принципиальная способность договариваться, вырабатывать согласованную позицию обнаружена однозначно.

Поздно вечером 14 июля 1991 г. миллионы телезрителей в информационной программе увидели и услышали пресс-конференцию участников очередного раунда переговоров в Ново-Огарево, которые перед тем обсуждали концепцию будущего Союзного договора. Все выступившие руководители семи бывших республик, а ныне суверенных государств однозначно заявили, что Союз образован будет. Главным был вопрос, в каком виде может быть заключен Союз и что из себя он будет представлять?

Обсуждались, по сути дела, три концепции Союза: Союз как федеративное государство; Союз как конфедерация; и третья, это Союз без указаний на то, что он из себя будет представлять.

Выбрали второй вариант: конфедеративное государство. Одни участники переговоров отстаивали конфедерацию без какого-либо общегосударственного устройства, другие склонялись к федеративному государству. В итоге выработался вот этот компромиссный вариант [5]. Конфедерация – это союз государств, федерация – союзное государство.

Процесс создания Союзного договора, как мы отмечаем, шел трудно. Консультации, начатые в Кремле в июне 1990 г. представителями республик и Союза и продолжавшиеся довольно интенсивно в Петрово-Дальнем и в Морозовке, завершились не менее напряженным трудом Подготовительного комитета в Ново-Огареве, где был согласован проект Договора Союза суверенных государств, предложенный вниманию Верховных Советов республик и Союза.

Верховный Совет СССР и высшие органы государственной власти республик обсуждали общую концепцию нового Союзного договора и выдвигали по ней множество своих идей, предложений и замечаний.

На утреннем заседании 11 июля 1991 г. союзный парламент приступил к рассмотрению проекта Договора Союза суверенных государств. С докладом на сессии Верховного Совета СССР «О проекте договора Союза суверенных государств» выступил Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р.Н.Нишанов. Он подчеркнул, что основные идеи, принципы и положения представленного проекта Союзного договора сформулированы при самом активном и равноправном участии представителей республик и Верховного Совета СССР, его комитетов и комиссий. Это важно отметить, ибо нередко пытаются навязать мысль о том, что подготовительная работа проведена якобы кулуарно, секретно, а проект подготовлен узкой группой анонимных авторов. Действительно, можно подтвердить, что работа над проектом Союзного договора шла открыто. От БССР ее вел В. И. Шолодонов, заместитель Председателя Верховного Совета.

Он отметил, что центробежные тенденции, новый взгляд на историю, новое видение того, как должны строиться отношения между союзными республиками, поставили в качестве одного из первоочередных вопросов о новой правовой базе существования СССР. Более года длилась работа над поиском путей радикального обновления отношений между союзными республиками. Референ-

дум 17 марта 1991 г. выявил общую волю народа. Однако в ряде республик доминировали иные настроения. Поэтому Верховный Совет СССР 12 июля 1991 г. принял обращение к Верховным Советам Грузии, Литвы, Молдовы, Латвии, Армении, Эстонии, народным депутатам этих республик. В нем говорилось: «Подготовка нового Союзного договора вступила в завершающую стадию. В результате длительных дискуссий, коллективных обсуждений и поисков создан проект Договора о Союзе суверенных государств, основанный на новых принципах и ценностях: правах и свободах человека и гражданина, народов и этнических сообществ, государственном суверенитете республик и дружбе между ними. Исторически сложилось так, что не одно столетие республики жили в общем государственном пространстве, вследствие чего сформировалась между всеми народами страны целостная система многообразных взаимозависимостей. Конечно, правящие круги, в том числе и после революции, да и второй мировой войны, нанесли народам немало обид и зла, не позволили в полной мере реализовать их возможности. Стремлением вырваться из такого положения, качественно изменить всю жизнь, и вызваны те процессы, которые идут в стране. Объединяет не только общее прошлое, но и цели обновления, которые ныне стоят перед каждым народом и каждым человеком. Можно иметь свое мнение о путях достижения созидательных целей, можно спорить о методах и средствах движения к ним, но это не мешает нам быть вместе, сотрудничать, делиться ресурсами и опытом. Выбраться из кризисного состояния, мы можем только объединенными усилиями, признавая, естественно, независимость и самобытность жизненного уклада каждого народа. Мы – соседи, проникнутые друг в друга, и уйти от этого объективного факта нельзя».

Проект предусматривает название: Союз Советских Суверенных Республик (СССР). Таким образом, в названии Союза опускается определение «социалистических».

Примеру союзных республик последовали и некоторые автономные республики. Верховные Советы Татарской АССР и Якутской АССР объявили о суверенитете своих республик. Более того, на их территории местные законы по юридической силе выше законов СССР и РСФСР. Автономные области и округа требовали уравнивания в правах с республиками. Вообще же к началу 1991 г. из 16 автономных республик, входящих в состав РСФСР, 11 приняли

декларации о государственном суверенитете. Они поступили примерно так же, как Башкирия, которая согласно поощряющему заявлению Б.Ельцина объявила себя решением Верховного Совета автономной республики Советской Социалистической Республикой Башкортостан [6].

Такой тенденции способствовали и слова Б.Н.Ельцина, который, еще, будучи Председателем Верховного Совета РСФСР, во время посещения Башкирии в августе 1990 г. на вопросы о суверенизации республик и регионов ответил: «Берите ту часть суверенитета, какую сможете проглотить».

Обратим на статью Председателя Верховного Совета Башкирии М.Рахимова. Отстаивая суверенитет Башкирии и приводя аргументы в пользу преобразования этой автономной республики в союзную республику, он в то же время выступил в поддержку СССР, критикуя при этом Б.Н.Ельцина, который хотел существенно уменьшить значение центра, что было движущей силой войны законов. При этом, уступая в качестве союзным, республиканские законы содержали больший объем льгот, однако не определяли источники их финансирования [7].

Руководствуясь общими принципами демократии, гуманизма, социальной справедливости и исходя из уроков собственной истории, Съезд народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. принял Декларацию прав и свобод человека. Имея определенное сходство со Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., она представляет все же более объемный по своему содержанию документ, в котором зафиксирован основной комплекс прав и свобод – личных, политических, социально-экономических.

Начало 90-х годов было периодом не только распада политической системы, но и, как мы уже отмечали, кризиса в экономической, социальной, духовной сферах. Именно в этот период многие нынешние миллиардеры «сколотили» свои состояния или заложили для этого основу.

В 1990–1991 гг. республика и белорусский народ пережили еще много событий: коллапс экономики, взвинчивание цен, инфляцию, «прихватизацию», ГКЧП, приостановление деятельности КПСС-КПБ и др., беловежские соглашения [8].

Использованные источники и литература

1. Шафир М., Козлов А. Новый Союзный договор: каким ему быть. – Социалистическая законность. 1990. – № 12. – С. 3-5.
2. Советская Молдова. –1990, 20 декабря
3. Забытый проект. – Коммунист Украины.– 1991.– № 4.–С. 5–13.
4. Литвинова И. Внесение изменения в Конституцию. – Известия. – 1990, 25 октября
5. Конфедеративное государство: что создаем на этот раз? – Известия – 1991, 18 ноября.
6. Советская Россия. – 1991, 13 февраля
7. М. Рахимов. Что же удалось «проглотить» – Известия.– 1991, 13 февраля
8. Василевич, Г.А. Белорусское государство на рубеже веков / Г.А. Василевич. Минск: ИООО «Право и экономика». – 2006. – 468 с.

ПОЛИТИКА И НАУКА В БССР КОНЦА 1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг. В ОТРАЖЕНИИ ЭГО–ДОКУМЕНТОВ

Глеб М. В.

г. Минск, Институт истории
Национальной академии наук Беларуси

Вопрос о степени воздействия политических, социальных и культурных контекстов на процесс научного познания, долгое время являвшийся предметом дискуссий среди представителей различных направлений в истории науки и технологий, разрешился признанием роли такого воздействия [1]. Актуальным остается исследование конкретных механизмов, факторов нематериального характера, способных влиять на такие краеугольные элементы научной деятельности как ее институциональные основы, содержание, мобильность в сфере науки и т.д.

В центре внимания данной статьи находится изучение направлений влияния государственной и партийной политики в БССР на процесс становления и развития первых белорусских научных учреждений – Института белорусской культуры (Инбелкульт) и Белорусской академии наук (БАН). Исследование построено на особом виде источников – эго-документах. В эту категорию включены документы, в которых, согласно определению основателя

данного направления исследований Жака Прессера, «эго, намеренно или случайно, раскрывается или, наоборот, скрывается» [2]. В фондах Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси), Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук эго-документы сосуществуют с массивом официальных документов, что позволяет верифицировать и персонализировать историю белорусской науки.

Отличительной чертой советской науки являлся плановый подход, о чем свидетельствуют пятилетние и годовые планы работ организаций. В Институте белорусской культуры первый пятилетний план датировался 1928 – 1933 гг. Формирование как пятилетних, так и индивидуальных плановых заданий сотрудников в подавляющем большинстве случаев производилось руководителем структурного подразделения либо ученым, стоявшим во главе научной школы. Например, работой кафедры антропологии в Институте белорусской культуры руководил профессор Александр Карлович Ленц. В то же время, задачи работы кафедры должны были соотноситься с потребностями народного хозяйства БССР. Согласно запросу Народного комиссариата труда БССР, белорусским антропологам предлагалось изучить проблему зависимости трудоспособности от антропологических показателей [3, л. 2]. В результате, научная тема кафедры на 1928 – 1933 гг. включила как выявление расового и биологического типа белорусов, так и определение характерных черт, отделявших их от других народностей [4, л. 132]. В 1929 г. были проведены антропологические экспедиции по исследованию крестьян-белорусов, проживавших в районе городов Полоцка и Слуцка [3, л. 134]. Интересна мотивация запланированной А. Ленцем на 1929–1930 гг. командировки в Париж. Согласно заявлению в Президиум БАН от 24 апреля 1929 г., ученый собирался изучать вопрос брахицефалии, в том числе и потому, что ее доминирование у белорусов вызывало заинтересованность Академии наук СССР [5, л. 176].

В 1930 – 1931 гг. волна политических обвинений против национал-демократизма затронула и работы кафедры антропологии. Исследование белорусского народа как отдельного типа, имеющего определенную самобытность, стало ассоциироваться с политическим заказом нацдемов [6, л. 39]. Заведующему кафедрой антропологии А. Ленцу в обширном письме в Президиум БАН пришлось

оправдывать проведенные экспедиции и теоретические наработки [7, л.165– 71]. Он писал о том, что в ходе экспедиции в Полесье антропологи не установили особенностей, свидетельствующих о чистоте белорусского типа [7, л. 166]. Итоги упоминавшейся выше Полоцкой экспедиции, как подчеркивал А. Ленц, не только не подтвердили, а, наоборот, опровергли идею самобытности белорусского народа [7, л. 166]. Таким образом, из-за смены политического курса государственный заказ на исследования, полученный в конце 1920-х гг., в начале 1930-х гг. вынудил ученого оправдывать ранее проведенные научным подразделением БАН разработки.

Эго-документы позволяют осветить моменты, связанные с социальной структурой научных институтов и доказать, что возможность стать ученым в БССР определялась как способностями отдельно взятой личности, так и общественно-политическими требованиями к соискателям данной позиции. Формально эти требования не отражались в официальных документах научных учреждений, однако представления о них можно составить из косвенных свидетельств, представленных, в том числе, в эго-документах.

23 октября 1929 г. Президиумом БАН были уволены четыре сотрудника академии наук: ученый специалист словарной комиссии М. Байков, ученый специалист Института научного языка Л. Цветков, научный сотрудник кафедры этнографии А. Шлюбский, научный сотрудник Еврейского сектора И. Равребе. Общая для всех сотрудников формулировка причины увольнения носила политический характер [5, л. 38]. На последующем заседании Президиума БАН от 19 ноября 1929 г., она была детализирована. В отношении А. Шлюбского было отмечено создание и распространение «реакционных по содержанию анкет» и появление компрометирующих данных о нем в печати [5, л. 51]. Однако в письме академику Е. Ф. Карскому сам А. Шлюбский несколько иначе трактовал основания своего увольнения. Он считал, что причинами его отставки стали: отсутствие поддержки с его стороны резолюции, осуждавшей академиков Академии Наук СССР, отказ подписаться на 3-й заем индустриализации и негативная реакция на заметку в настенной газете [8, л. 8–9]. Отметим, что в официальных документах БАН не сохранилось данных о существовании данной резолюции. Ее упоминание, однако, говорит о поддержке частью ученых БАН позиции властей по делу академиков АН СССР, отказавшихся в январе

1929 г. избрать трех кандидатов-коммунистов в действительные члены Академии, и попавших за это под огонь критики.

В качестве причины увольнения М. Байкова в ноябре 1929 г. указывалось, что ученый является чуждым по своему социальному происхождению [5, л. 51]. О том, что происхождение ученого в изучаемый период рассматривалось крайне тщательно, свидетельствует ряд других эго-документов. Например, заявление картографа Геологического института Я. Пикулика в ячейку КП(б)Б БАН от 29 июля 1929 г. содержало подробные доказательства того, что он не является домовладельцем. Заявление было составлено в ответ на обвинения в наследовании частной собственности [5, л. 231–232]. В документы Президиума БАН за 1929 г. включены справка и письмо в редакцию газеты «Чырвоная змена» сотрудника класса истории С. Борковского [5, л. 31–32]. Ученого, по его собственному признанию, часто путали с его тезкой С. Борковским, отец которого был священнослужителем. Письмо в редакцию и представленная справка Слуцкого городского совета призваны были доказать тот факт, что отец сотрудника БАН был ремесленником, не занимался наймом рабочей силы и практически не имел собственности. Эта картина соответствовала образу выходца из рабочих масс. Привлечение данной категории людей на работу в БАН становится одним из приоритетов кадровой политики в начале 1930-х гг. Данные о социальном происхождении являлись неотъемлемой частью заявлений о приеме на работу, автобиографий, личных листков, опросных листов кандидата на зарубежную научную командировку, о чем свидетельствуют документы ЦНА НАН Беларуси.

При анализе автобиографий одним из наиболее интересных моментов является взаимосвязь персонального нарратива с коллективным контекстом. При этом автобиографии, по мнению швейцарского исследователя эго-документов Каспара фон Грейерца (Kaspar von Greyerz), создают собственный дискурс [9]. Справедливость этого утверждения можно продемонстрировать на примере эго-документов белорусского политического деятеля, писателя и публициста Я. Лёсика. В 1928 г., наряду с другими кандидатами в первые действительные члены Академии, им была представлена автобиография, написанная собственноручно. Это подтверждается сличением почерка с открыткой Я. Лёсика академику Е.Ф. Карскому от 15 марта 1926 г. [10, л. 1]. Данные, приведенные Лёсиком, отличаются от информации в более поздних

статьях по истории академической науки [11]. В частности, в биографиях Я. Лёсика о его учебе в Молодеченской учительской семинарии в 1898–1899 гг., затем в Новгород-Северском городском училище до 1902 г. Однако в автобиографии ученый указывает, что он отучился в учительской гимназии Молодечно в течение 3 лет и ссылается на тот факт, позволяющий датировать окончание его учебы: отчисление на третьем году обучения из-за протеста против молебна по убитому министру Н.П. Боголепову [12, л. 151]. Таким образом, согласно данным автобиографии, Я. Лёсик был отчислен из Молодеченской учительской семинарии не ранее марта 1901 г. Затем, как указывает ученый, он поступил в Глуховский учительский институт, находившийся на Украине. Однако из этого института он также был отчислен, но уже за то, что «...ня мог скончыць навуку да прызыву ў салда-ты» [12, л. 151].

Рознятся и данные, касающиеся преследований будущего академика за политическую деятельность. Согласно имеющимся биографиям, в 1907 г. Я. Лёсик сбежал из-под стражи и был вновь арестован и сослан в Сибирь лишь в 1911 г. В то же время, в автобиографии ученый подчеркивает, что он был сослан в Сибирь в 1908 г., сопровождая этот факт уточняющим комментарием о том, что он пробыл на поселении ровно 10 лет. Отметим, что в целом автобиография Я. Лёсика достаточно короткая, и ограничивается двумя основными датами: об обучении и высылке. Таким образом, формируется своеобразная структура представлений о человеке, который, несмотря на преследования властей, смог получить образование, однако не смог реализоваться как специалист по причинам политического характера. Я. Лёсик полностью опускает те моменты своей биографии, которые могут нанести ущерб этому образу. Так, в частности, отсутствуют данные о его работе в Белорусской социалистической громаде, в Белорусской раде, во Всебелорусском съезде 1917 г., о его отношении к Белорусской народной республике.

Деятельность научного учреждения в определенных обстоятельствах способна обуславливать различные направления его работы. Эго-документы ученых, работавших в Институте белорусской культуры и Белорусской академии наук на рубеже 1920-х – 1930-х гг. демонстрируют значительное влияние общественно-политических процессов, проходивших в это время в БССР, на развитие науки. Они позволяют раскрыть механизмы влияния как непосредственно

на личность ученого (прием на работу и увольнение), так и на его исследовательскую деятельность (государственный научный заказ, политическая оценка полученных результатов).

Использованные источники и литература

1. Donovan, A., Oppenheimer, C., Bravo, M. Social studies of volcanology: knowledge generation and expert advice on active volcanoes / A. Donovan, C. Oppenheimer, M. Bravo // *Bulletin of Volcanology* – 2012 – 74 (3) – P.677-689; Collins, H., Evans, R. Why Democracies Need Science / H. Collins, R. Evans. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 200 p.

2. Деккер, Р., Баггерман, А. Жак Прессер и традиция еврейской автобиографии в Нидерландах / Р. Деккер, А. Баггерман // *Неприкосновенный запас*. – 2019. – № 2. – С. 238 – 256.

3. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (далее – ЦНА НАН Беларуси). Фонд 67. Оп. 1. Д. 36.

4. ЦНА НАН Беларуси. Фонд 67. Оп. 1. Д. 33.

5. ЦНА НАН Беларуси. Фонд 1. Оп. 1. Д. 2.

6. ЦНА НАН Беларуси. Фонд 1. Оп. 1. Д. 9.

7. ЦНА НАН Беларуси. Фонд 1. Оп. 1. Д. 410.

8. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПбФ АРАН). Фонд 292. Оп. 2. Д. 158.

9. Greyerz, K. Ego-Documents: The Last Word? / K. Greyerz // *German History*. – 2010. – Vol. 28. – № 3. – p. 273–282.

10. СПбФ АРАН. – Фонд 292. Оп. 2. Д. 77.

11. Язеп Юр'евіч Лёсік [Электронный ресурс] // База данных «Имя в белорусской науке». – Режим доступа: <http://csl.basnet.by/anews1.asp?id=72768>. – Дата доступа: 12.06.2019; Лесик Язэп / Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталин. репрессий / сост. и авт. предисл. Н. В. Токарев; ред. А. С. Махнач. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 120 с. – С. 66 – 67.

12. ЦНА НАН Беларуси. Фонд 67. Оп. 1. Д. 28.

СОЦРЕАЛИЗМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ БЕЛАРУСИ 1930-х – 1950-х гг. XX века.

Давидович А. В., Киселева С. А.

г. Минск, БНТУ

С началом политики перестройки резкой критике и отторжению стали подвергаться произведения советского искусства, созданные в стиле социалистического реализма. В некоторых случаях это было справедливо, но в то же время отвергались достижения и успехи советского искусства.

Стиль социалистического реализма наиболее ярко проявился в изобразительном искусстве. Хотя соцреализм связывают в первую очередь с советским искусством, начал он формироваться в Великобритании и Франции во II половине XIX в. В начале XX века этот стиль получил развитие в России, куда переместился центр революционной борьбы. Основные принципы стиля – правдивость и конкретно-историческое отображение действительности в её революционном развитии. Искусство создало новый образ героя – борца за революционные идеалы. Термин «социалистический реализм» впервые появился 23 мая 1932 г. в «Литературной газете». Связано это с принятием постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г., а основателем соцреализма считают писателя М. Горького.

Искусство Беларуси в 1920-1930-е гг. прошло те же этапы становления и развития, что и искусство СССР. Но в этих процессах существовали и свои особенности. Художественное образование в Беларуси начинает формироваться только в 1920-е годы. В Могилеве, Витебске, Минске открылись художественные студии. Центром белорусского искусства в этот период стал Витебск. Здесь работали Ю. Пэн, М. Шагал, К. Малевич, М. Добужинский. В городе было открыто учебное заведение, которое со временем получило название «Витебский художественный техникум».

Возникли различные объединения художников. Основное противостояние наблюдалось между сторонниками реалистического искусства и авангарда. Они вступали в борьбу идей о судьбе станкового искусства, отдавая предпочтение монументальным агитационным формам. В Витебске было создано одно из крупнейших объединений «Утвердители нового искусства» (УНОВИС, 1919–1920 гг.), которое возглавил К. Малевич [1, с. 40].

Большую роль в создании нового реалистического искусства сыграла Ассоциация художников революционной России (АХРР), основанная в 1922 г. и реорганизованная в 1928 г. в Ассоциацию художников революции (АХР). Эта организация ставила задачу создания «героического реализма» как фундамента будущего мирового искусства. Основное место в искусстве «ахровцев» занимала историко-революционная тема, отражавшая государственную политику в искусстве. Белорусские художники также были вовлечены в эту организацию. В 1927 г. при Витебском художественном техникуме было создано объединение молодежи Ассоциации художников революции во главе с П. Гавриленко [3, с. 42].

В 1927 г. группировки объединились в первую организацию художников Беларуси – Всебелорусское объединение художников (ВОХ). Председателем ВОХ был избран скульптор А. Грубе, секретарем – художник М. Станюта. Объединение создало филиалы в Москве, Ленинграде, Гомеле, Витебске, Могилеве. В газете «Звезда» от 18 февраля 1927 г. сообщалось, что утвержден устав организации. В нем отмечалось: «Цель объединения – собрать разрозненные художественные силы БССР, широко разработать вопросы белорусского искусства и содействовать Наркомпросу Белоруссии в организации выставок, студий и т.д.» [6, с. 289].

В 1928 г. ВОХ реорганизуется и создается второе объединение – Революционная ассоциация художников Беларуси (РАХБ). В его состав вошли скульпторы А. Бразер, А. Грубе, молодой художник И. Ахремчик, который учился в Москве [2, с. 71].

Значительное внимание в 1920-е г. уделялось выставочной работе. Самая ранняя художественная выставка состоялась в Минске в 1921 г. В выставке приняли участие художники - реалисты Я. Кругер, Д. Полозов. Авангардное искусство было представлено работой М. Филипповича «Супрематизм. Конструкция плоскостей». В 1925 г. состоялась I Всебелорусская художественная выставка, подготовленная художественной секцией Инбелкульта. II Всебелорусская выставка, организованная в 1927 г. Всебелорусским объединением художников, была посвящена 10-й годовщине Октябрьской революции. В работе III (1929 г.), IV (1931 г.) и V (1932 г.) Всебелорусских художественных выставок приняли участие представители всех художественных групп и объединений. На этих выставках четко было видно, что художникам сложно показать новое отношение к труду, энтузиазм и сплоченность людей [1, с. 184].

Эти проблемы во многом были связаны с системой художественного образования в Беларуси. На рубеже 1920–1930-х гг. во всех сферах образования получил распространение «коллективный метод» обучения. В подготовке художников это означало принижение творческой индивидуальности, значительное снижение уровня подготовки студентов. Белорусские художники постепенно преодолели эти недостатки к середине 1930-х г.

В начале 1930-х г. обострилось противостояние между Российской ассоциацией пролетарских художников (РАПХ), которая боролась за «чистоту пролетарского искусства» и другими художественными объединениями. Эта ситуация и новый этап развития советского общества явились причинами принятия ЦК ВКП (б) 23 апреля 1932 г. постановления «О перестройке литературно-художественных организаций». Принято решение объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти, в единый Союз советских писателей; провести аналогичные изменения по линии других видов искусства [3, с. 407-408]. Этим постановлением были ликвидированы все существовавшие в 1920-е годы художественные группировки и создана единая организация – Союз художников СССР. На I Всесоюзном съезде писателей (1934 г.) М. Горький дал определение «метода социалистического реализма» как изображение современной жизни с позиций «социалистического гуманизма». На многие десятилетия утвердилось официальное идеологическое направление в искусстве, отвергавшее всякое инакомыслие.

В 30-е гг. художники окончательно отказались от авангардного и модернистского искусства. Большое внимание они уделяли историческому жанру. Основное внимание художники сосредоточили на темах гражданской войны: И. Ахремчик «Вступление Красной Армии в Минск в 1920 г.» (1935 г.), П. Гавриленко «Разоружение корниловцев. Гомель 1917 г.» (1940 г.), З. Мирингоф «Солдаты Западного фронта у М.В. Фрунзе» (1940 г.). Воссоединению Западной Белоруссии с БССР посвящена картина М. Монозана «Встреча советских танкистов в Западной Белоруссии» (1940 г.) [4, с. 34].

Более успешно белорусские живописцы проявили себя в жанре портрета. В период с 1917 по 1940 гг. портрет в белорусском искусстве занимал значительное место. Наиболее значимыми из них являются работы Н. Тарасикова «Портрет академика Никольского»

(1940 г.) и «Портрет комсомолки» (1937 г.). И. Ахремчик создал серию портретов деятелей белорусской культуры: театрального деятеля В.И. Голубка (1931 г.), поэта А.И. Александровича, художника Ю. Пэна (1938 г.). Во второй половине 1930-х годов в портретном жанре работали Е. Тиханович («Портрет летчика», 1935 г.), Е. Зайцев («Чапаев», этюд к дипломной картине, 1937 г.), В. Руцай («Автопортрет», 30-е гг.). Художники уделяют значительное внимание образу В.И. Ленина и его соратников. Портреты В.И. Ленина создают В. Волков, Ю. Пэн, Я. Крегер. В 1930-е гг. к этой теме обращаются и молодые художники.

В 1930-е гг. в белорусском искусстве продолжала развиваться тема пейзажа. Художники изображали не только природу, но и труд людей, покоряющих или преобразующих природу. Спокойную белорусскую природу показали В. Кудревич в картинах «Утро весны» (1924 г.), «Над Свислочью» (1927 г.), «У мельницы», Н. Дучиц «Окраины Минска» (1922 г.). Создает прекрасные пейзажи В. Бельницкий-Бируля. В 1930-е гг. традиционный пейзаж уступает место индустриальному пейзажу, который занимает ведущее место в этом жанре: «Углубление реки Орессы» (1932 г.) В. Кудревич; «Экскаватор на осушении болот» (1938-1939 гг.). Н. Дучиц создает большие полотна, в которых изображает природу и людей: «Большой гидроторф (1939 г.). В лучшей работе А. Шевченко «Плотогонь» (1932 г.) показано единство природы и человека.

Становление скульптуры в белорусском искусстве началось только после гражданской войны. В Витебском художественном техникуме было открыто скульптурное отделение, просуществовавшее до 1932 г. Им руководил М.А. Керзин, который приехал в Беларусь в начале 1920-х годов. Значительные скульптурные работы в 1920-1930-е гг. создали А. Бразер и А. Грубе. Большое внимание они уделяли портретам революционных и политических деятелей. А. Грубе создал скульптуру В.И. Ленина для Минского комвуза (1925 г.), памятники В.И. Ленину в Борисове (1935 г.) и Ф.Э. Держинскому в г. Держинске (1933 г.). Наиболее известная работа А. Бразера – скульптура С.М. Кирова (1937-1940 гг.). Наиболее ярко революционная тематика представлена в скульптурном оформлении Дома правительства в Минске, строительство которого началось в 1932 г. Бронзовый памятник В.И. Ленину у Дома правительства (1934 г.) выполнен ленинградским скульптором М.Г. Манизером. Скульптуры и рельефы

для интерьеров создал М. Керзин (бюсты К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина). К этой работе были привлечены молодые скульпторы: З. Азгур, А. Бембель, А. Глебов.

В 1939 – 1940 гг. все внимание белорусских художников было сосредоточено на подготовке к декаде белорусского искусства в Москве (июнь 1940 г.). Скульпторы создали образы советских руководителей: А. Орлов «И.В. Сталин и Г.К. Орджоникидзе на Западном фронте», З. Азгур «Скульптура И.В. Сталина», А. Грубе «В.И. Ленин на трибуне». Эти работы являются ярким примером политического заказа и развития стиля соцреализма в белорусском искусстве. Значительное внимание скульпторы уделяли строителям социалистического общества. Характерные работы созданы А. Грубе («Трактористка», 1938 г.), З. Азгуром (бюст знатного овцевода Барушкова, 1940 г.), А. Орловым («Пограничник и колхозница», 1939 г.). Однако наиболее значимыми работами, которые сохраняют свою актуальность до настоящего времени, были скульптурные портреты деятелей белорусской культуры. Портреты очень выразительны, передают теплоту и симпатию авторов к своим моделям. Это работы А. Бразера (портрет народного артиста СССР С.М. Михоэлса, 1935 г.), М. Керзина (портрет народного артиста БССР Г. Григониса, 1941 г.), З. Азгура (портрет народного артиста СССР М.Ф. Рафальского, 1935 г., народной артистки СССР Л.П. Александровской, 1939 г., писателя Змитрока Бедули, 1941 г.) [1, с. 200]. Даже краткий анализ белорусского искусства 1930-х гг. показывает, что художники и скульпторы были вынуждены работать по идеологическому заказу. Несогласных подвергали жесткой и иногда несправедливой критике. 1 марта 1936 г. газета «Правда» в передовой статье «О художниках-пачкунах» подвергла критике художников, которые якобы своим оформлением запачкали изданные сказки С. Маршака и К. Чуковского. Однако вопрос ставился значительно шире, с политическим уклоном. В статье отмечалось, что это сделано не от бездарности, а умышленно – в стиле как бы детского примитивизма [6, с. 316]. При такой оценке творчества уделом одних художников было безвестность, забвение, а творчество востребованных авторов сопровождали порой фальшь и заведомая ложь.

В непростой политической и творческой ситуации в декабре 1938 г. состоялся I Съезд художников БССР. На съезде было избрано правление Союза художников БССР, но окончательно он офор-

мился в 1940 г. К этому времени 35 живописцев, скульпторов и графиков стали первыми членами Союза художников БССР. Важным событием в культурной жизни республики было открытие в 1939 году Государственной картинной галереи (первый директор Н.П. Михолап). В её коллекцию вошли полотна не только белорусских и русских художников, но и мастеров западноевропейского искусства.

Годы Великой Отечественной войны стали тяжелейшим испытанием для всего белорусского народа. Более половины состава союза художников БССР воевало на фронте. В их числе А.И. Кроль, С.Д. Ли, М.И. Манасзон, Н.Л. Тарасиков. На фронте погибли скульптор А.И. Жоров и художник Ш.В. Пикус, в концлагерях – скульпторы А.М. Бразер и А.Н. Орлов, в фашистском гетто – художник З.И. Мирингоф [7, с. 28, 193, 375]. Белорусские художники и скульпторы продолжали работать на фронте, в тылу, на оккупированной территории. Выходят плакат-газеты «Раздавим фашистскую гадину» и «Партизанская дубинка», которые сыграли большую роль в организации борьбы против нацистских оккупантов [2, с. 115].

Находясь на фронте или в партизанском отряде, художники писали портреты героев войны, отражали фронтовой быт: работы И. Давидовича «На запад» (1943 г.), «У Днепра» (1944 г.), «Портрет капитана Шилова» (1943 г.). Особое место принадлежит партизанской теме: работы художников Н. Обрыньба «Партизаны в засаде» (1943 г.), Е. Зайцева «В партизанском штабе К. Заслонова» (1943 г.), Р. Кудревича «Продукты партизанам» (1943 г.). Бюсты героев войны создали З. Азгур (генерал Родимцев, летчик Молодчей, партизан Сильницкий), А. Бембель (летчик Н. Гастелло), А. Грубе (генерал Доватор).

В годы войны организуются выставки белорусского изобразительного искусства в Москве. Помощь в этой работе оказывали художники В. Бельницкий-Бируля и Ф. Модоров. Наиболее значимой была выставка, посвященная 25-летию БССР (1944 г), организованная сотрудниками Белорусской картинной галереи в залах Третьяковской галереи. В ней приняли участие 30 живописцев, скульпторов, графиков. Патриотический подъем, стремление художников внести свой вклад в освобождение Родины, позволили создавать произведения, в которых нет надуманного пафоса, идеологического давления. В последующие десятилетия тема войны стала одной из ведущих в творчестве белорусских художников.

Сравнительно короткий период между окончанием Великой Отечественной войны и смертью И.В. Сталина был наполнен противоречивыми по своей политической значимости событиями: с одной стороны, радость Победы, социальный оптимизм, надежда на смягчение политического климата, энтузиазм народа в обновлении страны и т.д., с другой – начало «холодной войны», продолжение культа личности Сталина, борьба с инакомыслием.

Художникам была свойственна распространенная тогда почти театральная героизация образа, определенная репортажность и трафаретность. Поэтому большую роль в их полотнах играли атрибуты профессий: писатель должен был изображаться обязательно за рабочим столом, учёный со стеклянной колбой, рабочий – около станка и т.д. После Победы в стране продолжался культ личности И.В. Сталина. С его именем связывались все важнейшие события послевоенного времени. Образ И.В. Сталина стал образом великого стратега строительства коммунизма, продолжателя дела В.И. Ленина в достижении расцвета страны. За редким исключением, художниками страны создавались величавые, парадно-официозные полотна с определенным перечнем атрибутов, присущих Сталину: ордена и знаки отличия, белый китель генералиссимуса, поднятая рука вождя, застывшая в жесте, указывающем путь и т.д.

У белорусских художников этого времени встречаются, правда, более скромные по масштабу полотна с похожими сюжетами: Е. Зайцев «И.В. Сталин в Минске. К возрождению», И. Давидович «И.В. Сталин» и «Слава великому Сталину», В. Цвирко «Письмо Ленину. Дума о народе» и другие.

В конце 40-х–начале 50-х годов скульптура существовала в тех же рамках официального соцреализма. Она почти утратила свою специфику как вид искусства. Форма работ была настолько невыразительной, что уже ничего не могла показать, и потому главный упор скульпторы должны были делать на сюжеты: З. Азгур «В.И. Ленин с девочкой», А. Бембель «За Советскую Родину», С. Адашкевич «За мир» и другие. Утрачивался интерес скульпторов к работе в материале. На выставках того времени преобладали гипсовые бюсты и фигуры. Необходимость общества в создании монументов, посвященных подвигу народа в годы войны, способствовала дальнейшему развитию жанра скульптуры в республике. Одной из лучших работ этого плана стала скульптурная композиция

А. Бембеля «Н. Гастелло» с её выразительностью силуэта. После смерти Сталина начался период политической «оттепели», критики культа личности и проб демократизации общества. Важную роль в этом процессе сыграли решения XX съезда КПСС и выступления на нём.

Таким образом, развитие искусства в 30-е – 50-е годы в республике носило противоречивый характер. Классовый подход, идеологизация, ограничения прав интеллигенции на свободу творчества в определенной мере сдерживали развитие национальной культуры. Но именно этот период в результате плодотворной деятельности творческой интеллигенции были достигнуты большие успехи, создавшие базу для развития современного белорусского искусства.

Использованные источники и литература

1. Гісторыя беларускага мастацтва: у 6 т. Т. 4: 1917 – 1941гг. / Рэдкал. С. В. Марцэлеў (гал.рэд) і інш; Рэд. тома Л. М. Дробаў, В. Ф. Шматаў. – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 352 с.
2. Орлова, М. А. Искусство советской Белоруссии / М. А. Орлова. – М.:Изд. Академии художеств СССР, 1960.– 480 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. 1929-1932. – 9-е изд. доп и испр. – М.: Политиздат, 1984. – 446 с.
4. Дробов, Л. Н. Живопись Советской Белоруссии (1917 – 1975 гг.) /Л. Н. Дробов; под ред. А.С. Лиса. – Минск.: Вышэйшая школа, 1979. – 304 с.
5. Грамыка, М. 3 семафорам шмат інтымнасці / М. Грамыка // Беларуская думка. – 2006. – № 9. – С. 178-179.
6. Лыч, Л., Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск: НКФ “Экоперспектива”, 1996. – 453 с.
7. Беларускі саюз мастакоў: Энцыкл. давед. / Аўт.-склад. Б.А. Крэпак і інш. – Мінск: ВТАА “Кавалер Паблішэрс”, 1998. – 664 с.
8. Галубовіч, А. ”Вялікі стыль” у беларускім плакаце /А. Галубовіч // Роднае слова. – 2011. – № 2. – С. 105-107.
9. Фунтова, Д. А. Соцреализм как культурный концепт: генезис и современная интерпретация / Д. А. Фунтова // Вестник культуры и искусства. – 2017. – № 4 (52). – С.122-126.
10. Гаральский, Анджей. Теория творчества: пер.с польского / А. Гаральский. – Сп.б.: Невский простор, 2004. – 203 с.

11. Баранаў, К. У. Выяўленчае мастацтва Беларусі / К.У. Баранаў // Народная асвета. – 1995. – № 8. – С. 88-96.

12. Навіцкі, У. Супярэчлівасць культурнага жыцця Беларусі ў сярэдзіне 50-х–сярэдзіне 80-х гг. / У.Навіцкі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 2. – С. 105-113.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОЙ ВСЕБЕЛОРУССКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКИ 1930 г.

Денисов А. В.

г. Минск, БНТУ

Первая Всебелорусская сельскохозяйственная и промышленная выставка 1930 г. в Минске явилась знаковым событием в жизни Советской Беларуси. Необходимо заметить, что в БССР мероприятие подобного масштаба и уровня больше не проводились в довоенный период. До сегодняшнего дня феномен Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки (далее – Всебелорусская выставка) остается практически не исследованным, отсутствуют серьезные комплексные работы. Рассматривались лишь некоторые аспекты, связанные с подготовкой и проведением Всебелорусской выставки [1].

Сельскохозяйственные выставки в Российской империи устраивались в интересах крупных землевладельцев и потребителей сельскохозяйственного сырья, акционерных компаний, крупных земельных арендаторов. С установлением советской власти и относительной нормализации экономической жизни сельскохозяйственные выставки стали открываться вновь. Вместе с тем они утратили коммерческий потенциал и лишились рыночной составляющей. Их основной целью стала пропаганда достижений сельского хозяйства и промышленности, а также обмен опытом.

В 1920-х и 1930-х гг. в СССР сельскохозяйственные выставки имели четкую классификацию. По территориальному признаку они подразделялись на внутрихозяйственные, районные, областные (краевые), республиканские и всесоюзные. По тематике они делились на общие и отраслевые. Наиболее значительной в 1920-х гг. была Первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, которая прошла в Москве в 1923 г. На вы-

ставке достижениям народного хозяйства ССРБ был выделен отдельный павильон [2].

Активное государственное и экономическое строительство в 1920-х в Беларуси, создание систем науки и образования, политика белорусизации и коренизации, укрупнение территории Беларуси в 1924 и 1926 гг. стимулировали проведение специализированных выставок регионального масштаба [3, 4]. В БССР во второй половине 1920-х гг. возникает потребность в проведении сельскохозяйственной выставки республиканского масштаба. Решение о проведении Первой Всебелорусской сельскохозяйственной выставки было принято Центральным исполнительным комитетом БССР в ноябре 1927 г. [5, л. 37–38]. Было определено время проведения – лето–осень 1930 г.

Первоначально выставка именовалась как «Первая Всебелорусская выставка сельского и лесного хозяйства», но позже было принято решение изменить официальное название на «Первая Всебелорусская выставка сельского хозяйства и промышленности» [6, л. 2]. Подготовка и проведение Всебелорусской выставки было поручено СНК БССР и Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ) БССР. 22 декабря 1928 г. был утвержден состав Главного выставочного комитета (далее – Главвыстком) [7, л. 1–2]. В него вошел 41 человек. Председателем был выбран председатель СНК БССР Н. Н. Голодед, его заместителями народный комиссар земледелия БССР Д. Ф. Прищепов и председатель Госплана БССР С. Б. Карп. В комитет вошли представители от Народного комиссариата земледелия, Академии наук, БГУ, ЦК ЛКСМБ, Белорусского сельскохозяйственного банка и других структур. Помимо Главвысткама была сформирована дирекция Всебелорусской выставки. Председателем дирекции был назначен А. В. Дубина, заместителем – Л. В. Толкач [7, л. 4].

На первом заседании Главвысткама 10 января 1929 г. было определено место проведения выставки. С учетом масштабов запланированного мероприятия, решено было провести Всебелорусскую выставку под Минском в урочище Большая Слепянка по Борисовском тракту (Северо-Восточное направление). Выделенная территория выставки составила 75 га, позволяла построить на ней павильоны с экспонатами, а климатические условия и почва способствовали размещению образцовых севооборотов. На выбор повлияло и отно-

нительно близко расположение важных научно-исследовательских организаций (Научно-исследовательский институт сельского и лесного хозяйства имени Ленина, Центральная опытная картофельная станция, Минская опытная болотная станция, опытная свиноводческая станция в Малой Слепне). Кроме этого, к общей территории относилось сосновое Слепянское лесничество, рыбное хозяйство с четырьмя прудами. Этот состав территории обеспечивал возможность представить почти все отрасли сельского хозяйства и сельскохозяйственные объекты в натуральных условиях [7, л. 14].

Дирекции выставки было поручено составить проект положения выставки, план территории [7, л. 14]. Также дирекции было поручено составить план и бюджет Всебелорусской выставки (первоначально в пределах 700 000 руб.) [7, л. 16]. Для подготовки экспонатов при выставочном комитете было образовано 11 специальных отделов [7, л. 17].

В начале 1929 г. Московским архитектурным обществом (МАО) по поручению главного выставочного комитета был объявлен Всесоюзный конкурс на составление проекта застройки участка для Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки в Минске [8].

СНК БССР постановил ограничить расходы суммой в 1 млн руб. (600 000 руб. из госбюджета и 400 000 из средств ведомств и организаций, которые принимали участие в выставке). Из этой суммы СНК постановил 300 000 руб. потратить на строительство в 1929 г., а остальные средства освоить в первой половине 1930 г. [9, л. 16].

Помимо финансовых и технических вопросов, в конце 1928 и 1929 г. шла активная разработка концепции Всебелорусской выставки, которая должна была выполнить идеологическую и пропагандистскую функцию. Один из вариантов этой концепции гласил: «Всебелорусская сельскохозяйственная и промышленная выставка будет во многом отличаться от обычного типа выставок. Во-первых, цель выставки – совершенно отлична от целей Западных буржуазных. Не цель рекламы, не цель ярмарки, не цель коммерческого соревнования индивидуальных хозяйств и фирм преследует Всебелорусская выставка, а цель ГРАНДИОЗНОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ – ОТЧЕТА о значительных достижениях всего коллектива рабочих и крестьян БССР в области сельского хозяйства и промышленности за период десятилетней самостоятельности и национальной

независимости Советской Белоруссии. Выставка имеет цель коллективной школы, которая в короткое время в наиболее ярких примерах покажет итоги строительства, дает новый стимул к коллективному соревнованию отдельных районов и организаций БССР в их работе по осуществлению социалистического переустройства и подъема народного хозяйства и белорусской культуры...» [10, л. 90–94].

Окончательный вариант Положения о Первой Всебелорусской выставке сельского хозяйства и промышленности был принят СНК БССР 12 июля 1929 г. [11, с. 67–71]. Из анализа документа видно, что при его подготовке за основу было взято Положение ВЦИК РСФСР о Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промысленной выставке 9 марта 1922 г. [2].

Именно для реализации просветительско-агитационных целей выставки было принято решение о централизованной организации экскурсий со всей территории БССР с охватом не менее 12 % от всех крестьянских дворов. Первоначально было запланировано задействовать в экскурсиях 80 000 человек. Расходы на проезд (при условии 50 %-ой скидки), проживание и питание экскурсантов на протяжении трех дней были рассчитаны в размере 10 руб. на одного человека. Кроме этого, для размещения экскурсантов было предложено построить несколько просторных барачных и столовых [7, л. 189–191]. Но Народный комиссариат финансов посчитал итоговую сумму (880 000 руб.) неподъемной и предложил сократить количество участников до 60 000, с условием, что большую часть расходов возьмут на себя колхозы, совхозы и предприятия (полная оплата – только на «бедняцкую» часть – не более 15 000 чел.) с расчетом расходов 5 руб. на проезд в обе стороны и 1 руб. на питание. Общая сумма расходов должна была составить не более 100 000 руб. [7, л. 206].

Функция разработки была передана одному из проектных бюро государственного строительного треста ВСНХ Беларуси «Белгосстрой». Автором генерального плана застройки территории, а также проектов 12 главных павильонов стал известный белорусский архитектор А. А. Денисов. Этот план с некоторыми дополнениями был утвержден строительной комиссией при Главвысткоме 13 мая 1929 г. [7, л. 157–160].

Из-за затягивания сроков строительства конкретная дата открытия Всебелорусской выставки долгое время оставалась неясной. Од-

ним из вариантов был «Праздник урожая» в БССР – 14 октября 1930 г. [5, л. 37–38.]. Но эту дату посчитали неудачной, поскольку похолодание и дожди в это время года могли осложнить работу выставки. Первоначально проведение выставки было связано с годовщиной освобождения Беларуси [12, л. 33-34]. Поэтому открытие было назначено к 11 июля 1930 г. Эта дата являлась главным праздником в БССР в 1920-1930-х гг., к ней приурочивалось открытие новых учреждений, домов и больниц. Вместе с тем летом–осенью 1929 г. Главвыстком и СНК не были уверены том, что к 11 июля 1930 г. удастся полностью завершить все подготовительные работы.

Первая Всебелорусская выставка планировалась как мероприятие республиканского масштаба общего типа. Ее главной задачей была всесторонняя демонстрация достижений сельского хозяйства и промышленности за 10 лет существования Советской Беларуси, демонстрация природных богатств республики, ознакомление с результатами социалистического строительства как граждан БССР, так и гостей из других союзных республики и зарубежных стран, обмен опытом и установление хозяйственных связей с другими республиками СССР, осуществление масштабной просветительской, агитационно-пропагандистской работы среди населения БССР. Выставка должна была продемонстрировать триумф молодого белорусского государства. При подготовке выставки правительство БССР и ответственные институты придавали большое значение именно демонстрации экономических успехов советского строя и подтверждения правильности выбранного курса. Территория выставки с ее павильонами, севооборотами, а также прилегающая к ней инфраструктура, подчинялись политической и идеологической линии.

Для реализации этой задачи руководством республики был организован Главный выставочный комитет, Дирекция выставки и специализированные отделы. На местах были сформированы местные выставочные комитеты. Средства на организацию и проведение выставки выделялись из государственного и местных бюджетов, а также профильных организаций. После проведения выставки ее территория с павильонами передавалась научно-исследовательским институтам и хозяйственным организациям.

Использованные источники и литература

1. Зыбин, С. Ю. Подготовка Витебщины к Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставке в Минске в 1930 г. // Пути, тенденции и направления развития социальной сферы: материалы междунар. науч.– практ. конфер., Витебск, 23 мая 2008 года. – Витебск, –2008. – С. 84–86.

2. Материалы к Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. – Омск, – Омское губернское земельное управление, 1922. – 28 с.

3. Программа и правила Борисовской окружной сельскохозяйственной, лесной и кустарно-промышленной выставки, устраиваемой в гор. Борисове (Старо-Борисов) окружным земельным отделом с 12 по 19 сентября 1926 г. – Борисов, 1926. 15 с.

4. Программа и правила Бобруйской окружной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, устраиваемой в гор. Бобруйске Окружным Земельным отделом с 10 по 20 сентября 1926. – Бобруйск, 1926. 18 с.

5. НАРБ. Фонд 6. Оп. 1. Д. 1277.

6. НАРБ Фонд 7. Оп. 1. Д. 423.

7. НАРБ.Фонд 7. Оп. 1. Д. 576.

8. Московское архитектурное общество по поручению Главного выставочного комитета 1- й Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки в городе Минске объявляет Всесоюзный открытый конкурс(при свободном участии в соревновании всех желающих) на составление проекта зданий застройки участка для 1-й Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки в гор. Минске. – М., 1929. 20 с.

9. НАРБ. – Фонд 6. Оп.1. Д 2027.

10. НАРБ – Фонд 48. Оп. 1. Д. 3659.

11. Сяргейчык, М. П. Першая Усебеларуская выстаўка сельскае гаспадаркі і прамысловасці. – Менск: БДВ, 1930. – 70 с.

12. НАРБ. – Фонд 6. Оп. 1. Д. 1459.

ПАДАТКААБКЛАДАННЕ ПРЫВАТНЫХ ПРАМЫСЛОВЫХ ПРАДПРЫЕМСТВАЎ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ПЕРЫЯД НЭПА

Доўнар Л. А.

г. Мінск, БНТУ

Падатковая палітыка ў адносінах да прыватнай вытворчасці адлюстроўвала эканамічны курс савецкай дзяржавы ў сферы падаткаабкладання. Савецкая ўлада магла стымуляваць або выцяг-няць прыватны капітал з пэўных галін вытворчасці з дапамогай дыферэнцыяцыі ставак падаткаў па сацыяльных катэгорыях прыватных вытворцаў, падатковымі льготамі, уключаючы поўнае вызваленне ад падаткаў, змяненнем базы падаткаабкладання і ўвядзенне новых відаў падаткаў. Падаткі ў перыяд НЭПа не толькі папаўнялі дзяржказну, але і служылі “палітычнай зброяй націску пралетарыату на адноўленую буржуазію” [7, с. 24]. З дапамогай падаткаў дзяржава магла падтрымаць або ліквідаваць пэўныя эканамічныя з’явы і працэсы гаспадарчага жыцця. Такая магчымасць падатковай палітыкі актыўна выкарыстоўвалася савецкай уладай у адносінах да саматужнікаў і рамеснікаў у 1920-я гг.

Дзякуючы НЭПу, у савецкай краіне даволі хутка сфарміравалася сістэма, калі амаль усе тавары шырокага ўжытку ствараліся і рэалізаваліся прыватнымі асобамі, бо дзяржаўны сектар эканомікі знаходзіўся толькі на этапе станаўлення. Сумны вопыт нацыяналізацыі прымусіў прадпрымальнікаў асцерагацца ўкладваць сродкі ў развіццё сваёй вытворчасці. Гандаль быў менш рызыкаўны і дазваляў атрымаць хуткі прыбытак пры мінімальным інвестыцыях. Попыт на прамысловыя тавары перавышаў прапановы, таму гандляры маглі значна павышаць прадажныя цэны. Для выхаду з крызіснага становішча эканомікі, дзяржава пачала стымуляваць пераход прыватнага капіталу з гандлёвай дзейнасці ў прамысловую.

Аднак савецкая ўлада лічыла неабходным, з аднаго боку, падтрымаць дзейнасць прыватных вытворчых прадпрыемстваў, а з другога – не дапусціць, каб яны сталі канкурэнтнай перашкодай на шляху станаўлення дзяржаўнай прамысловасці. Дадзеная мэта ажыццяўлялася шляхам падатковай палітыкі. Сістэма падаткаабкладання, сфарміраваная ў другой палове 1921 г., налічвала 35 прамых падаткаў і 17 ускосных. Перавага прамых падаткаў тлумачылася тым, што іх спаганялі непасрэдна з даходаў падатка-

плацельшчыкаў, а гэта давала дзяржаве больш магчымасцей рэгуляваць назапашэнні ў “буржуазных элементаў”.

Самымі значнымі для прадпрымальнікаў былі два агульна-дзяржаўныя прамыя падаткі: прамысловы і падаходны. Прамысловы падатак быў уведзены на Беларусі дэкрэтам СНК ССРБ ад 1 ліпеня 1921 г. Яго павінны былі плаціць і дзяржпрадпрыемствы, аднак на працягу 1921-1925 гг. ад 96,8 % да 88,7 % агульнай сумы гэтага падатку спаганялася непасрэдна з прыватных вытворцаў і гандляроў [9, с. 43]. Прамысловы падатак складаўся з куплі патэнта і выплаты параўнальнага збору. Патэнтам называлі дакумент на права прадпрымальніцкай дзейнасці ў сферы гандлю ці прамысловасці, а параўнальны збор складаў пэўны працэнт ад абароту прадпрыемства.

Патэнт куплялі два разы за год. Першае паўгоддзе доўжылася з кастрычніка бягучага года па 31 сакавіка наступнага, другое працягвалася з 1 красавіка па 31 верасня аднаго года. Вызначалі тры віды патэнтаў: на гандаль, на прамысловасць і на асабісты занятак. Самымі дарагімі з’яўляліся гандлёвыя патэнты, бо гандаль хутчэй прыносіў прыбыткі і быў больш распаўсюджаны. Кошт патэнта вызначаўся па разраду прадпрыемства. Разрад гандлёвага прадпрыемства залежаў ад умоў і формы гандлю: рознічная, магазінная ці рынкавая, а вось разрад вытворчага прадпрыемства вызначаўся выключна колькасцю наёмных рабочых. Па такой прыкмеце прамысловыя прадпрыемствы з 1921 г. па 1924 г. падзяляліся на 12 разрадаў. Калі ўладальнік вытворчага прадпрыемства наймаў 1 – 3 рабочых, то купляў прамысловы патэнт першага разраду. Наяўнасць 4-6 рабочых адпавядала другому разраду, 7-10 работнікаў – трэцяму, 10-15 – чацвёртаму, 16-20 – пятаму і г. д. [4, с. 51].

Адсутнасць наёмных работнікаў на прыватным вытворчым прадпрыемстве давала права яго ўладальніку купляць ільготны патэнт на асабісты занятак. Рамеснікі, якія працавалі адны ў неабсталяваным памяшканні, куплялі патэнт на асабісты занятак першага разраду. Пры наяўнасці спецыяльнага абсталяванага памяшкання патрабаваўся патэнт на асабісты занятак другога разраду, а за выкарыстанне дапамогі членаў сваёй сям’і – трэцяга [4, с. 510]. Першапачаткова дзяржава стымулявала развіццё больш буйных прадпрыемстваў з наёмнымі рабочымі, таму для іх патэнты менш раслі ў цане. Так, пераход прадпрыемства з першага разраду ў другі

павышаў кошт прамысловага патэнта ў 2 разы, з другога ў трэці – ў 1,5 разы, а за кожны наступны разрад трэба было плаціць толькі ў 1,3 разы болей [5, с. 51]. Такім чынам, на прамысловае прадпрыемства, дзе працавала дзесяць работнікаў, можна было наймаць дапаўняльную колькасць рабочых з параўнальна невялікімі падатковымі стратамі, чым на саматужнае прадпрыемства з трыма работнікамі. У той жа час, рамесніку было цяжка ператварыцца ў прамыслоўца, бо кожнае павышэнне разраду патэнта на асабісты занятак павялічвала яго кошт у 3 разы. У пачатку 1920-х гг., прыватныя прамысловыя прадпрыемствы развіваліся якасна, а рамесніцкія – колькасна. Так, за 1922 г. у гарадах і мястэчках Беларусі 4 076 чалавек купілі прамысловыя патэнты і 858 набылі патэнты на асабісты занятак [6, с. 371]. У 1923 г. у Беларусі было набыта 10 938 прамысловых патэнтаў, на асабісты занятак – 6 857 патэнтаў [3, с. 26-28]. У 1924 г. у Беларусі налічвалася 7 924 уладальнікаў прамысловых прадпрыемстваў, якія купілі патэнты 2-5 разрадаў, 28 625 саматужнікаў, якія набылі патэнты першага разраду, і 8 343 рамеснікаў, якія мелі патэнты на асабісты занятак [10, с. 78].

З дапамогай патэнтнага збору дзяржава імкнулася садзейнічаць больш-менш раўнамернаму развіццю саматужнай і рамеснай прамысловасці, бо цана патэнта залежыла ад месцазнаходжання прадпрыемства. Самыя дарагія патэнты былі ў Мінску. У Мінскім павеце і ў Бабруйску можна было набыць патэнт у 1,5 разы танней. Прадпрымальнікі з Барысава, Слуцка і Мазыра за патэнт плацілі ў 2 разы менш, чым мінчане. На астатняй тэрыторыі Беларусі патэнт каштаваў у 3 разы менш за мінскі [4, с. 51]. Так падтрымлівалася развіццё прамысловасці ў правінцыі.

Від і разрад патэнта залежыў толькі ад умоў вытворчасці. Тым не менш, прадпрымальнікаў нярэдка прымушалі купляць дарагія прамысловыя патэнты, спасылаючыся на высокую даходнасць іх прадпрыемстваў. Рашэннем з'езда беларускіх фінінспектараў ад 6-8 верасня 1922 г., шаўцы былі пазбаўлены права купляць патэнты на асабісты занятакі. Афіцыйнае тлумачэнне выглядала так: “Нават шаўцы-адзіночкі маюць вельмі добры заробак, таму было б несправядліва, у адносінах да іншых, вызваляць іх ад пакупкі прамысловага патэнта” [4, с. 70]. Млыны, алейні, зерняцёркі і сукнавалкі былі самымі даходнымі прадпрыемствамі сельскай мясцовасці. Таму на пасяджэнні ЦВК ССРБ ад 18 студзеня 1923 г. было вырашана, што

“прыватныя млыны, алейні, зерняцёркі і сукнавалкі трэба аблагаць патэнтным зборам на два разрады вышэй, чым той, які адпавядае колькасці наёмных рабочых на прадпрыемстве” [2, с. 121].

Такім чынам, патэнтны збор не толькі замацоўваў права на прыватную вытворчасць, але і дакладна падзяляў усе прыватныя прадпрыемствы на рамесныя, саматужныя і прамысловыя. Для першых патэнты былі больш таннымі, аднак іх уладальнікам было цяжэй удаканалваць вытворчасць ці карыстацца дапамогай, бо павелічэнне разрады рамесніцкай майстэрні выклікала трохкратны рост цаны патэнта. Для саматужнікаў і прамыслоўцаў наадварот – чым большы разрад прадпрыемства, тым менш павялічвалася цана патэнта.

Другая частка прамысловага падатку – параўнальны збор. У сярэднім, ён складаў 3 % ад абароту прадпрыемства, пад ім разумелася цана ўсёй вырабленай прадукцыі ці аказаных паслуг. Гэты паказчык фінансавыя інспектары вызначалі так званым “нарматыўным метадам”. Спачатку ўстанаўлівалі памер прадукцыйнасці ў грашовым эквіваленце ў разліку на аднаго работніка. Патрэбную інфармацыю магчыма было набыць у прафсаюзах, статыстычных бюро або проста спытаць “дасведчаных людзей”.

Працэс вызначэння абароту прадпрыемства выглядаў наступным чынам. Напрыклад, шавец вырабляў абутак са свайго матэрыялу. Высветліўшы, што адзін шавец гэтай мясцовасці ў сярэднім робіць тры пары ботаў у тыдзень, коштам па 20 руб. кожная, інспектар вылічваў абарот яго прадпрыемства як $20 \times 3 \times 4 \times 6 = 1440$ руб. Пры наяўнасці аднаго наёмнага рабочага адпаведна 2 880 руб. Калі меліся два наёмныя работнікі, абарот складаў толькі 3 600 руб.. Лічылася, што цяпер гаспадар не мог працаваць поўны рабочы дзень, бо ён больш займаўся пошукам кліентаў і пакупкай сыравіны. Наяўнасць у шавецкай майстэрні трох наёмных работнікаў прадугледжвала выключэнне ўладальніка майстэрні з разліку. Абарот у гэтым выпадку вызначаўся як $3 \times 1440 = 4\,320$ руб. [9, с. 11]. На працягу 1922 г. параўнальны збор на ўсе прыватныя прадпрыемствы павялічыўся ў два з паловай разы [8, с. 493].

Ва ўсіх падатковых акругах былі распрацаваны свае нормы валавага абароту для кожнага віду вытворчасці. Улічваючы іх, падатковы інспектар сам вызначаў абарот канкрэтнага прыватнага прадпрыемства. Самыя нізкія нормы абаротаў прыватных прадпрыемстваў былі ўстаноўлены ў Слуцкай акрузе, а самыя высокія – у

Мінскай [3, с. 525]. Сярэдні абарот гарадскога прыватнага прадпрыемства ў 1922 г. складаў 13 512 руб., а параўнальны збор – 443,89 руб. Прыкладна столькі плацілі гадзіншчыкі, уладальнікі майстэрняў па пашыву дамскага адзення, кавалі, пекары і мылавары. У Мінску самае значнае месца займалі ювеліры з сярэднім абаротам па 24 933 руб. і параўнальным зборам па 3 777 руб. У астатніх гарадах найбольшы абарот мелі гарбарныя майстэрні. Сярэдні гарбар за сезон прадаваў прадукцыі на 22 191,6 руб. і плаціў у якасці падатку 745 руб. Большасць прадпрымальнікаў сельскай мясцовасці мелі абарот удвая ніжэйшы за гарадскіх. У сярэднім, ён складаў 6100 руб., а параўнальны збор адпаведна – 195 руб. [8, с. 114]. Выключэннем былі млынары і смалакуры. Сярэдні абарот у кожнага з іх дасягаў 80 тыс. руб. [8, с. 114].

У сувязі з пераходам рахункаводства на чырвонцы, сярэдні памер параўнальнага збору прыватнага прадпрыемства на Беларусі ў 1923 г. налічваў 22,7 залатых руб. У 1924 г. ён узрос на 17,4%. Найбольшае павелічэнне было ў Мінскім і Бабруйскім паветах: з 27 залатых руб. да 39,3 залатых руб. ці на 39,3 % [9, с. 44].

У 1921–1922 гг. магчымасць дзяржаўнага рэгулявання прыватных накапленняў была абмежавана, бо памер параўнальнага збору не залежыў ад формы ўласнасці прадпрыемства. Новае палажэнне аб прамысловым падатку ад 18 студзеня 1923 г. ліквідавала гэты недахоп [1, с. 85].

Для дзяржаўнай і кааператыўнай вытворчасці была ўстаноўлена льготная стаўка ад 0,25 % да 0,5 %. Відавочна, што прыватная вытворчасць была пастаўлена ў менш спрыяльныя ўмовы. Гэта рабілася для таго, каб саматужнікам і рамеснікам стала больш выгадна ўступаць у вытворчыя кааператывы, дзе яны аказваліся пад больш пільным кантролем савецкай улады.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Архипов, В. А. Борьба партии большевиков против капиталистических элементов в промышленности и торговле / В.А. Архипов, Л. Ф.Морозов. – М: Изд – во ВПШ и АОН, 1978. – 203 с.

2. НА РБ Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 21.
3. НА РБ Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 120.
4. НА РБ Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 240
5. НА РБ Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 307.

6. НА РБ Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 475.
7. НА РБ Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 803.
8. НА РБ Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 971.
9. НА РБ Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 1732
10. НА РБ Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 2668

ПРОФСОЮЗЫ БЕЛАРУСИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Дубовик А. К., Дубовик Е. А.

г. Минск, БНТУ

Место и роль профессиональных союзов в обществе зависят от типа политической системы, политики правящей партии и государства как основного политического института, состояния самих профсоюзов. Изучение исторического опыта профсоюзов Беларуси имеет теоретическое и практическое значение. Знание истории помогает понять закономерности функционирования профсоюзов в современном обществе, обеспечивает преемственность в развитии профсоюзного движения. Многие формы и методы деятельности профсоюзов прошли в период существования БССР проверку временем и могут применяться в нынешних условиях с учетом новых реалий и требований жизни.

После провозглашения 1 января 1919 г. БССР и последовавшего вскоре решения об образовании Литовско-Белорусской ССР встал вопрос о создании единого профсоюзного органа республики. 1 апреля 1919 г. в Вильно открылось совещание представителей профсоюзов, в котором приняли участие до 40 делегатов из Минска, Борисова, Гродно и других городов. Они высказались за присоединение к всероссийскому профдвижению и производственный принцип построения профсоюзов. Было избрано Временное центральное бюро производственных профсоюзов Литвы и Белоруссии в составе 9 человек. За короткий период до польской оккупации в ряде городов были созданы советы или бюро профсоюзов [1, с. 48–50].

С освобождением в июле 1920 г. территории Беларуси от польских интервентов и вторым провозглашением БССР началось восстановление профсоюзов. Высшим руководящим профсоюзным органом БССР в июле 1920 – январе 1924 гг. являлся Совет профсоюзов Белоруссии (до февраля 1921 г. назывался Совет профсоюзов

Минской губернии). Большую роль в организационном укреплении профсоюзов сыграл I Всебелорусский съезд профсоюзов, состоявшийся в мае 1921 г. Председателем Президиума Совпрофбела был избран Ш.Ш. Ходош [2].

В условиях перехода к НЭПу в 1922 г. обязательное членство в профсоюзах было заменено добровольным. Начали заключаться коллективные договоры между профсоюзами и нанимателями. Отказавшись от тотальной регламентации трудовых отношений, ЦК РКП (б) использовал модель функционирования профсоюзов как связующего звена между обществом и властью, но в режиме «приводных ремней» от партии к массам. В сфере трудовых отношений применялись элементы социального партнерства, профсоюзы участвовали в разрешении трудовых конфликтов.

В связи с укрупнением БССР в феврале 1924 г. было создано Временное Центральное бюро профсоюзов Белоруссии, а на IV Всебелорусском съезде профсоюзов в июне 1924 г. избран Центральный совет профсоюзов Белоруссии (ЦСПСБ) во главе с Ш. Ш. Ходошем. В конце 1924 г. на профсоюзном посту его сменил М. Е. Ендаков, а в июне 1926 г. председателем ЦСПСБ был избран И. Н. Перепечко. В июне 1928 г. высший профсоюзный орган БССР возглавил И.П. Рыжов, до этого работавший заведующим организационным отделом ЦК КП(б)Б [3, с.18–19]. Профсоюзная работа строилась по территориально-отраслевому принципу. Помимо ЦСПСБ в республике действовало 21 центральное правление (ЦП) отраслевых союзов, в округах работали межсоюзные органы – окружные совпрофы и отделения отраслевых союзов, на предприятиях – ФЗМК. В связи с изменениями в административно-территориальном делении в 1930 г. были ликвидированы окружные совпрофы, но действовали 106 городских и районных советов профсоюзов [4, с. 97].

В 1930-е гг. проводились разукрупнения профсоюзов, что было связано, прежде всего, с численным ростом их членов, происшедшим в результате быстрого увеличения рядов рабочего класса в ходе индустриализации. Количество членов профсоюзов увеличилось с 211,5 тыс. в октябре 1926 г. до 500 тыс. в 1937 г. [4, с. 90, 159]. В 1931 г. в БССР вместо 21 республиканского правления союзов создано 29. В 1934 г. число профсоюзов увеличилось до 76. В Минске были образованы три ЦК профсоюзов: рабочих фанерной и спичечной промышленности, работников просвещения, работни-

ков медсантруда. Республиканские комитеты избирались в 33 профсоюзах, 21 союз обслуживался уполномоченными ЦК профсоюзов, а ФЗМК остальных предприятий были непосредственно связаны с ЦК своих союзов [4, с. 98–99].

В 1921–1932 гг. состоялось семь всебелорусских съездов профсоюзов, являвшихся крупными событиями в общественно-политической жизни республики. На них присутствовали и выступали с докладами и приветствиями секретари ЦК КП(б)Б, председатель ЦИК БССР А.Г.Червяков, председатели СНК БССР И. А. Адамович, Н. М. Голодод. На съездах, помимо отчетных докладов ЦСПСБ и Ревизионной комиссии, рассмотрения вопросов профсоюзного строительства, постоянно заслушивались и широко обсуждались доклады Наркомата труда, Высшего совета народного хозяйства, Главсоцстраха, Центробелсоюза и др. органов республики. В свою очередь, председатели ЦСПСБ и ЦП крупнейших отраслевых профсоюзов избирались в состав ЦИК БССР, Бюро ЦК КП(б)Б, других государственных и партийных органов. С одной стороны, это свидетельствовало об авторитете профсоюзов; с другой, включение профсоюзного руководства в систему номенклатурного распределения кадров являлось одним из рычагов партийно-государственного контроля над профсоюзными организациями. Участие профсоюзов в выдвижении рабочих на руководящие должности, осуществляемое по директивам и под надзором партийных органов, не решало проблему демократизации бюрократического аппарата. При ЦСПСБ в 1924–1937 гг. работало Белорусское межсекционное бюро инженеров и техников, проводившее Всебелорусские съезды и конференции ИТР. В структуре профсоюза работников просвещения активно функционировала секция научных работников. В 1920-е гг. в профсоюзах, как и в целом в республике, активно шел процесс белорусизации [5]. Культурно-просветительная деятельность профсоюзов открыла широкий доступ народным массам к образованию, творчеству и освоению культурных ценностей, но одновременно был установлен идеологический контроль над профессиональной деятельностью интеллигенции и художественной самодеятельностью трудящихся.

С конца 20-х гг. осуществлялся поворот в деятельности профсоюзов под лозунгом «Лицом к производству». В 1929 г. профсоюзам была поручена организация соревнований, они руководили деятель-

ностью созданного в 1930 г. общества изобретателей, научно-инженерными техническими обществами. Происходил процесс сращивания государственных и профсоюзных органов, проявившийся в экономическом уклоне в их работе. Вместе с тем, с ликвидацией наркомата труда в 1933 г. на профсоюзы были возложены охрана труда и социальное страхование. В августе 1932 г. ЦСПСБ возглавил З.З. Ковальчук. Он был последним председателем ЦСПСБ, находился на этом посту до середины 1936 г. [3, с. 21].

Во второй половине 30-х гг. общественно-политическая обстановка в СССР складывалась неоднозначно. Руководством ВКП(б) в мае 1935 г. было заявлено о «кризисе профсоюзов». В этот период во всей деятельности профсоюзов, особенно в работе руководящих органов, произошел значительный спад, усилился формализм и канцелярско-бюрократические методы в руководстве низовыми профорганизациями, практиковались назначенчество в профсоюзных органах, нарушались принципы профсоюзной демократии. VII Всебелорусский съезд профсоюзов, состоявшийся 15–19 марта 1932 г. был последним в довоенный период. Очередным этапом «перестройки» профсоюзов стал проходивший в апреле 1937 г. VI пленум ВЦСПС, в соответствии с решениями которого в стране были упразднены межсоюзные органы, включая республиканские советы профсоюзов.

Восстановлены советы профсоюзов были лишь в 1948 г. В ноябре 1948 г. прошла I Республиканская межсоюзная конференция профсоюзов, которая в соответствии с постановлением XIX пленума ВЦСПС приняла решение о возобновлении деятельности республиканского межсоюзного органа профсоюзов, избрала Белсовпроф во главе с И.А. Бельским, Героем Советского Союза, активным участником партизанского движения в Беларуси, работавшим с сентября 1945 г. Уполномоченным ВЦСПС по БССР [3, с. 26].

II–IV Республиканские межсоюзные конференции, состоявшиеся в 1951, 1954 и 1956 гг., подводили итоги деятельности профсоюзных организаций по выполнению решений партийных и профсоюзных органов, рассматривали вопросы улучшения условий труда, материально-бытового и культурного обслуживания рабочих и служащих, принимали организационные решения для улучшения деятельности профсоюзов Беларуси, избирали новый состав Белсовпрофа. В этот период шел процесс укрупнения отраслевых профсоюзов.

В соответствии с решениями декабрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС в стране осуществлялся курс на повышение роли профсоюзов в хозяйственном и социально-культурном строительстве. После 22-летнего перерыва, 21–22 мая 1958 г., состоялся VIII съезд профсоюзов БССР. Делегаты представляли 1459,7 тыс. членов профсоюзов. Съезд обратил особое внимание на развитие общественных начал в деятельности профсоюзных организаций, повышение внимания к работе профактивистов, которых насчитывалось более 350 тыс. человек. Председателем Белсовпрофа был избран И.Н. Макаров, работавший на этом посту до 1970 г. [3, с.27-28]. В эти годы профсоюзы совершенствовали формы работы: появились постоянно действующие производственные совещания (ПДПС), советы новаторов, организации Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР) и др. В 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил Положение о правах ФЗМК профсоюза, которое значительно расширило и укрепило правовые основы деятельности профсоюзов, одновременно закрепив их широкие права по участию в управлении производством, регулировании социально-трудовых вопросов. С 1970 по 1986 г. председателем Белсовпрофа являлся Н.Н. Полозов, который продолжил курс на повышение роли профсоюзов в общественно-политической жизни республики.

Постоянно росла численность рядов профсоюзов. Осенью 1964 г. созданы профсоюзные организации в колхозах, в 1976–1978 гг. осуществлен прием в них всех желающих колхозников [6]. В конце 1990 г. профсоюзы БССР объединяли в своих рядах уже более 5 млн 460 тыс. членов [4, с. 397]. Они превратились в самую массовую общественную организацию, которая играла важную роль в социально-экономическом и культурном развитии республики.

Профсоюзы являлись важным элементом политической системы общества, что получило закрепление в Конституции СССР 1977 г. и Конституции БССР 1978 г., предоставивших им право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов. Они были наделены такими правами, как право законодательной инициативы, участие в планировании развития народного хозяйства, контроль за соблюдением законодательства о труде и правил по охране труда, за жилищно-бытовым обслуживанием рабочих и служащих, управляли государственным социальным стра-

хованием, находящимися в их ведении санаторно-курортными, культурно-просветительными, туристическими и спортивными учреждениями. Реализуя право контроля работы органов государственного управления, профсоюзы привлекали тысячи трудящихся в различные общественные комиссии, инспекции и группы, которые создавались при профсоюзных комитетах.

В политической системе профсоюзам отводилась роль школы управления, хозяйствования и воспитания трудящихся. Состоявшиеся в 60–80-е гг. съезды профсоюзов БССР – от IX (март 1960 г.) до XVII в октябре 1990 г. – являлись важными событиями в общественно-политической жизни БССР: на них присутствовали, выступали с речью или приветствием ЦК КПБ руководители партии и правительства. Профсоюзные организации и органы всех уровней в эти годы постоянно совершенствовали организацию соревнования по досрочному выполнению планов развития народного хозяйства, достойной встрече юбилейных дат СССР и БССР. Расширились международные связи белорусских профсоюзов.

Вместе тем в работе профсоюзов было много формализма, заорганизованности, недостаточно внимания уделялось осуществлению их защитной функции. Профсоюзы БССР были несвободны в определении стратегии и тактики своих действий, выполняли в первую очередь директивы партийных органов и ВЦСПС.

В связи с процессами суверенизации, провозглашением 27 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Белорусской ССР летом – осенью 1990 г. состоялись съезды и были созданы 24 самостоятельных профсоюза, вошедшие в созданную в октябре 1990 г. Федерацию профсоюзов Белоруссии (ФПБ) [4, с. 311]. В своей деятельности она большое внимание уделяет использованию исторического опыта профсоюзов. В 2004 г. торжественно отмечалось 100-летие профсоюзного движения Беларуси.

На современном этапе ФПБ объединяет 15 крупных отраслевых профсоюзов, шесть областных и Минское городское объединение профсоюзов с общей численностью членов профсоюзов свыше 4 млн человек. Она активно участвует в реализации концепции социального партнерства, играет важную роль в общественно-политической жизни Республики Беларусь. Для дальнейшего повышения роли профсоюзов необходимо вернуть им право законодательной инициативы.

Использованные источники и литература

1. Отчет Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов за 1919 год /сост. Н. Глебов. – М., 1920. – 392 с.
2. Дубовик, А. К. Первый Всебелорусский съезд профсоюзов и его историческое значение / А. К. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2011. – № 1. – С. 4–10.
3. Профессиональные союзы Беларуси: история и современность / под ред. Л. П. Козика. – Минск: ФПБ, 2007. – 672 с.
4. История профсоюзного движения Беларуси / П.Г. Давидюк [и др.]; под ред. Л. П. Козика. – Минск: ФУАинформ, 2005. – 416 с.
5. Дубовік, А. А. Дзейнасць прафсаюзаў Беларусі па рэгуляванні сацыяльна-працоўных адносін у перыяд НЭПа (1921–1929 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.А. Дубовік; БДПУ. – Мінск, 2017. – 27 с.
6. Дубовик, А. К. Возрастание роли профсоюзных организаций в жизни колхозной деревни (по материалам Белорусской ССР) / А. К. Дубовик // Проблемы истории советского крестьянства: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; редкол.: М. П. Ким [и др.]. – М.: Наука, 1981. – С. 251–261.

З ГІСТОРЫІ ДЗЯРЖАЎНАГА РЭГУЛЯВАННЯ ПРАЦОЎНЫХ АДНОСІН У БССР

Дубовік А. А.

г. Мінск, БНТУ

Рэгуляванне працоўных адносін мае важнае значэнне ў любой дзяржаве, паколькі праца – асноўная ўмова існавання чалавека і грамадства ў цэлым. Забеспячэнне занятасці насельніцтва выступае ключавым фактарам павышэння ўзроўню і якасці жыцця. Разам з тым гісторыя сацыяльна-працоўных адносін у савецкі перыяд з’яўляецца найменш даследаванай у беларускай гістарыяграфіі, што абумоўлівае актуальнасць і неабходнасць вывучэння дадзенай праблемы. Тым болей, што некаторыя формы і метады рэгулявання рынку працы, якія прайшлі апрацацыю ў 20-я гг. XX в., могуць быць выкарыстаны на сучасным этапе з улікам новых умоў і патрабаванняў жыцця.

Важнейшую ролю ў рэгуляванні працоўных адносін, як і іншых сфер жыцця, адыгрывае дзяржава. З устанавленнем у краіне ў

канцы 1917 г. савецкай улады рэгуляванне занятасці насельніцтва набыло агульнадзяржаўны маштаб. Для практычнага ажыццяўлення савецкай палітыкі ў галіне працы быў створаны спецыяльны дзяржаўны орган РСФСР – Народны камісарыят працы (НКП). Да ліку яго галоўных функцый адносіліся: выданне нарматыўных актаў аб працы; высвятленне попыту ў рабочай сіле і яе ўлік; барацьба з беспрацоўем; арганізацыя дапамогі беспрацоўным. У Беларусі кіраўніцтва дзейнасцю ў працоўнай сферы да ўтварэння БССР ажыццяўляў Абласны выканаўчы камітэт Заходняй вобласці і фронту (Аблвыкамзап) і яго аддзел – Камісарыят працы.

Пры ўтварэнні БССР у студзені 1919 г. быў створаны і Наркамат працы рэспублікі. Наркамам быў прызначаны Язэп Лявонавіч Дыла. Аднак у сакавіку 1919 г. у сувязі са стварэннем Літбел ССР наркамат спыніў сваю дзейнасць, перадаў функцыі аддзелу працы Мінскага губваенкама і Наркамату працы Літбел (наркам С.М. Дзіманштэйн). Аднавіў сваю дзейнасць Наркамат працы БССР у ліпені 1920 г. пасля другога абвяшчэння БССР. Пасаду наркама працы займалі вядомыя дзяржаўныя дзеячы: Я.Б. Генкін (1920–1921 гг.), Б.Э. Аршанскі (1921 г.), М.Е. Міленькі (1922 г.), В.А. Нодэль (1922–1923 гг.), С.С. Ерафееў (1924–1926 гг.), А.С. Славінскі (студзень – сакавік 1927 г.), К.Ф. Бенек (красавік 1927 – красавік 1929 г.), М.П. Гнілякевіч (май 1929 – люты 1931 г.), А.Е. Баскін (ліпень 1931–1932 гг.) [1]. Наркамат працы дзейнічаў у цесным кантакце з прафсаюзнымі органамі. На Усебеларускіх з’ездах прафсаюзаў заслухоўваліся справаздачы Наркамата працы БССР, зацвярджаліся наркамы. Кіраўнікі наркамата выбіраліся ў склад ЦСПСБ і яго Прэзідыума [2].

Заканчэнне грамадзянскай вайны і пераход да НЭПу супалі з прыняццем Кодэкса законаў аб працы (КЗаП) РСФСР 1922 г., дзеянне якога было распаўсюджана і на тэрыторыю БССР [3]. Важнейшай навацыяй у сферы працоўных адносін пры пераходзе да НЭПу стала ўзнікненне калектыўна-дагаворнай практыкі прафсаюзаў і наймальнікаў. У Беларусі калдагавор упершыню быў заключаны ў канцы лістапада 1921 г. паміж прафсаюзам харчавікоў і Мінскім адзіным спажывецкім таварыствам у дачыненні да хлебапякарні апошняга [4]. Адным з важнейшых шляхоў рэгулявання працоўных адносін у 1920-я гг. з’яўлялася тарыфна-эканамічная работа, рэгуляванне зарплаты [5].

Знакавым момантам пры пераходзе да новай сістэмы гаспадарання стала адмова ад палітыкі прымусовага размеркавання працоўных рэсурсаў, замена забеспячэння народнай гаспадаркі рабочай сілай у парадку працоўнай павіннасці яе вольным наймам. Усерасійскі ЦВК пастановай ад 3 сакавіка 1922 г. увёў прынцып добраахвотнасці ў справе пасылкі беспрацоўных на працу. Пададзелы размеркавання НКП былі пераўтвораны ў біржы працы. Яны сталі вядучым дзяржаўным органам, які вырашаў пытанні працаўладкавання беспрацоўных. У 1924 г. біржы працы існавалі ў 11 гарадах БССР: Мінску, Віцебску, Магілёве, Бабруйску, Барысаве, Слуцку, Мазыры, Чэрвені, Горках, Мсціславе і Клімавічах [6, арк. 218]. Асноўным прынцыпам у рабоце бірж працы быў прымат інтарэсаў рабочых над інтарэсамі наймальнікаў; беспрацоўныя абараняліся ад самавольства прадпрымальнікаў.

За перыяд з 1922 па 1924 г. біржы працы прайшлі шлях ад манапольнага панавання на рынку працы, што аказалася нерацыянальным у новых сацыяльна-эканамічных умовах, да частковай дэманопалізацыі іх дзейнасці, звязанай з рэарганізацыяй бірж у пасрэдніцкія бюро па найме рабочай сілы згодна з пастановамі НКП СССР ад 21 жніўня 1924 г. і НКП БССР ад 30 снежня 1924 г. [7]. Рэарганізацыя бірж адлюстравала прыярытэты сацыяльна-эканамічнай палітыкі савецкай дзяржавы. Уводзілася практыка самастойнага найму гаспадарчымі органамі рабочых неабходнай кваліфікацыі з наступнай рэгістрацыяй у органах працы. Беспрацоўныя атрымалі права на індывідуальны пошук рабочага месца. Як і біржы працы, пасрэдніцкія бюро кіраваліся спецыяльна створанымі Камітэтамі – калегіяльнымі органамі, у склад якіх ўваходзілі прадстаўнікі ўсіх бакоў працоўных адносін (гаспадарчыя кіраўнікі, прафсаюзныя дзеячы, работнікі наркамата працы).

Пачынаючы з 1922 г., НКП і прафсаюзамі была распрацавана і прыменена шматпланавая сістэма барацьбы з беспрацоўем. Асноўнымі яе накірункамі з'яўляліся: натуральная і фінансавая дапамога беспрацоўным; арганізацыя грамадскіх работ; стварэнне арцелей і працоўных калектываў з беспрацоўных; прафесійнае навучанне беспрацоўных. Прадастаўленне працы грамадзянам ажыццяўлялася праз органы НКП, да 1925 г. найм адбываўся пры абавязковым пасрэдніцтве бірж працы. Прымяненне працоўнай павіннасці па арт. 11 КЗаП 1922 г. абмяжоўвалася выключнымі

выпадкам і магло ўводзіцца спецыяльнымі пастановамі СНК. А на некаторыя катэгорыі грамадзян працоўная павіннасць увогуле перастала распаўсюджвацца (непаўналетнія, інваліды і г. д.).

З мэтай павышэння эфектыўнасці рэгулявання рынку працы Наркамат працы і прафсаюзы з сярэдзіны 20-х гг. ажыццявілі пераход ад пераважна “пасіўных” форм і метадаў барацьбы з беспрацоўем (рэгістрацыі на біржы працы; выплаты матэрыяльнай дапамогі; скарачэння звышурочнай працы; браніравання рабочых месц для падлеткаў) да “актыўных”: стварэння працоўных калектываў з беспрацоўных; арганізацыі грамадскіх работ; прафесійнага навучання моладзі; перакваліфікацыі беспрацоўных. Павялічваліся асігнаванні па дзяржаўным і мясцовым бюджэтах на барацьбу з беспрацоўем. Большасць усіх сродкаў ішла на арганізацыю грамадскіх работ і працкалектываў [2].

Арганізоўвалася навучанне беспрацоўных падлеткаў на курсах Цэнтральнага інстытута працы (ЦІП), аддзяленне якога было адкрыта ў Мінску згодна з пастановай Прэзідыума ЦСПСБ ад 13 мая 1926 г., і іншых формах прафесійнага навучання. На курсах ЦІПа ў 1926–1928 гг. было падрыхтавана 800 кваліфікаваных слесараў, токараў, кавалёў, будаўнікоў. У 1929–1930 гг. тут набылі будаўнічыя прафесіі 4362 беспрацоўных [8, с. 25, 28].

Ажыццяўленне ў другой палове 20-х гг. індустрыялізацыі не дазволіла адразу зменшыць беспрацоўе. Яно павялічылася ў БССР з 34,7 тыс. чал. у канцы 1925 г. да 50,1 тыс. у пачатку 1928 г., што складала прыкладна 19 % ад колькасці рабочых і служачых, занятых у народнай гаспадарцы. Сярод беспрацоўных, па звестках на кастрычнік 1928 г., індустрыяльных рабочых было 26,9 %, некваліфікаваных – звыш 63 %. Такое становішча было выклікана, галоўным чынам, аграрным перанасяленнем у беларускай вёсцы [9, с. 278, 279, 314].

На рубяжы 1920–30-х гг. кіраўніцтва УсеКП (б) канчаткова адмовілася ад эканамічных механізмаў барацьбы з беспрацоўем на карысць адміністрацыйных метадаў дзяржаўнага цэнтралізаванага рэгулявання працоўных рэсурсаў. У 1930 г. Наркамат працы СССР перайшоў да планавага арганізаванага набору рабочай сілы для патрэб прамысловасці, транспарту і будаўніцтва, а біржы працы па сутнасці былі рэарганізаваны ў органы планавага размеркавання рабочай сілы з поўным спыненнем выплат дапамогі па беспрацоўі. 20 кастрычніка 1930 г. ЦК УсеКП (б) прыняў пастанову “Аб

мерапрыемствах па планавым забеспячэнні народнай гаспадаркі рабочай сілай і барацьбе з цяжучасцю”, у ёй упершыню афіцыйна дэкларавалася ліквідацыя беспрацоўя ў краіне [10].

У савецкі час лічылася, што ў Беларусі, як і ў краіне ў цэлым, беспрацоўе было поўнаасцю ліквідавана да пачатку 1931 г. [11, с.181]. Аўтары пятага тома “Гісторыі Беларусі” (2007 г.) адзначаюць: “Пачатак ажыццяўлення палітыкі індустрыялізацыі, пашырэнне прамысловага будаўніцтва паслужылі асновай для скарачэння беспрацоўя, якое ў асноўным было пераадолена ў канцы 1931 г.” [12, с. 171].

Пастановай ЦВК і СНК БССР ад 27 ліпеня 1929 г. КЗаП 1922 г. быў выкладзены ў новай рэдакцыі [11]. У яго былі ўнесены змяненні і называўся заканадаўчы акт ужо Кодэксам аб працы БССР. З пэўнай доляй умоўнасці можна лічыць Кодэкс 1929 г. першым уласным працоўным кодэксам рэспублікі. Але, хоць у Кодэксе 1929 г. некалькі змянілася нумерацыя артыкулаў і найменаванне бакоў працоўнага дагавора (замест наёмных працаўнікоў – рабочыя і служачыя; тэрмін “наймальнік” у асобных артыкулах заменены словам “адміністрацыя”), канцэптэуальных змяненняў у рэгуляванні працоўных і звязаных з імі адносін не адбылося [13, с. 153].

У верасні 1933 г. Наркаматы працы СССР і БССР былі ліквідаваны, а некаторыя іх функцыі ў сферы сацыяльна-працоўных адносін перададзены прафсаюзам [14], якія тым самым фактычна ператварыліся ў дзяржаўную структуру. У лістападзе 1933 г. была створана пастаянная Камісія па рэгуляванні вярбоўкі рабочай сілы пры СНК БССР, у жніўні 1938 г. — Камісія па арганізаваным наборы рабочай сілы пры СНК БССР.

Ва ўмовах функцыянавання ў краіне камандна-адміністрацыйнай сістэмы не існавала рэальнага рынку працы, меліся толькі яго асобныя элементы. Адносіны найму рабочай сілы насілі пераважна фармальны характар: работнікам гарантавалася рабочае месца, абмяжоўвалася свабода прапановы рабочай сілы, яе мабільнасць. Аднавіўся інстытут працоўнай павіннасці, на працягу шэрагу гадоў прымяняліся масавыя формы прымусовай працы.

У 1930-я гг. узмацнілася ўмяшанне дзяржавы не толькі ў рэгуляванне ўласна працоўных адносін (наёмнай працы), але і ў сферу працы іншых катэгорый насельніцтва, у прыватнасці сялян. Гэта было звязана з паскораным правядзеннем калектывізацыі на мяжы 20–

30-х гг. Паколькі сяляне без ахвоты ўступалі ў калгасы, а затым пачалі выходзіць з іх, улада прыняла крокі для пазаканамічнага абмежавання свабоды калгаснікаў пакідаць арцелі. Па Інструкцыі СНК СССР 1933 г. паспартызацыя на калгаснікаў не распаўсюджвалася. Гэта істотна абмяжоўвала права членаў калгаса на працу. Калгаснік не мог па сваёй ініцыятыве не толькі перавесціся на іншае прадпрыемства, але і звольніцца па ўласным жаданні і ўладкавацца на новую працу, паколькі прыём на працу без пашпарта быў забаронены [15, с. 153–154]. Склалася сістэма пазаканамічнага прымацавання сялян да калгасаў, якая праіснавала да канца 1950-х гг., калі пачалася паступовая паспартызацыя сельскага насельніцтва.

У першыя пасляваенныя гады кіраўніцтвам арганізаваным наборам рабочай сілы і працаўладкаваннем насельніцтва займалася Міністэрства працоўных рэсурсаў СССР, створанае згодна з Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета ад 15 мая 1946 г. [16, с. 25]. З яго ўдзелам вырашаліся і пытанні працаўладкавання насельніцтва, якое вярталася з эвакуацыі. Яшчэ ў лютым 1944 г. было створана Бюро па ўліку і размеркаванні рабочай сілы пры СНК БССР, у 1946 г. яго функцыі перададзены Упраўленню працоўных рэзерваў. На базе аддзела арганізаванага набору рабочых Беларускага упраўлення працоўных рэзерваў было створана Упраўленне арганізаванага набору рабочых пры Савеце Міністраў БССР. 31 снежня 1954 г. яго аб'ядналі з Упраўленнем перасялення Міністэрства сельскай гаспадаркі БССР у Галоўнае ўпраўленне па перасяленні і арганізаваным набору рабочых пры Савеце Міністраў БССР. З 1947 г. функцыянавалі аддзелы па выкарыстанні працоўных рэсурсаў аблвыканкамаў, якія ў 1962 г. былі пераўтвораны ў аддзелы па перасяленні і арганізаваным набору рабочых.

У другой палове 60–70-х гг. удасканальваннем форм і метадаў рэгулявання размяшчэння рабочай сілы на тэрыторыі краіны займаліся дзяржаўныя камітэты Саветаў Міністраў саюзных рэспублік па выкарыстанні працоўных рэсурсаў і аналагічныя аддзелы аблвыканкамаў, створаныя ў адпаведнасці з пастановай ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР ад 22 снежня 1966 г. «Аб мерах па забеспячэнні далейшага росту прадукцыйнасці працы ў прамысловасці і будаўніцтве» [17]. Дзяржкамітэт Савета Міністраў БССР па выкарыстанні працоўных рэсурсаў быў створаны 28 лютага 1967 г. У 1976 г. адбылася рэарганізацыя Дзяржкампрацы СССР, які стаў саюзна-рэспубліканскім

Дзяржаўным камітэтам СССР па працы і сацыяльных пытаннях. Адначасова Дзяржкамітэт Савета Міністраў БССР па выкарыстанні працоўных рэсурсаў быў пераўтвораны ў Дзяржаўны камітэт Савета Міністраў БССР па працы, у 1978 г. – у Дзяржаўны камітэт БССР па працы, в 1988 г. – у Дзяржаўны камітэт БССР па працы і сацыяльных пытаннях, 18 студзеня 1991 г. – у Дзяржаўны камітэт БССР па працы і сацыяльнай абароне насельніцтва.

У 1970 г. былі прыняты Асновы заканадаўства Саюза ССР і саюзных рэспублік аб працы. Услед за гэтым 23 чэрвеня 1972 г. быў прыняты Вярхоўным Саветам БССР Кодэкс законаў аб працы Беларускай ССР, які ўступіў у дзеянне 1 кастрычніка 1972 г. і ўнёс пэўныя змены ў рэгуляванне працоўных і звязаных з імі адносін, у прыватнасці ў пытанні аховы працы, асабліва рэгулявання працы асобных катэгорый працаўнікоў (жанчын, непаўналетніх) [18]. У 1988 г. былі ўнесены змяненні ў Асновы заканадаўства Саюза ССР і саюзных рэспублік аб працы, а таксама ў КЗаП БССР. У чэрвені 1999 г. быў прыняты і ўступіў у дзеянне з 1 студзеня 2000 г. Працоўны кодэкс Рэспублікі Беларусь.

Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 19 верасня 1994 г. № 122 Дзяржаўны камітэт па працы і сацыяльнай абароне быў пераўтвораны ў Міністэрства працы, а Міністэрства сацыяльнага забеспячэння Міністэрства – у Міністэрства сацыяльнай абароны. На сучасным этапе ў якасці суб'екта кіравання сацыяльна-працоўнай сферай у Беларусі выступае Міністэрства працы і сацыяльнай абароны, створанае 24 верасня 2001 г. у выніку аб'яднання міністэрства працы і міністэрства сацыяльнай абароны.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Дубовик, А. К. Народный комиссариат труда / А. К. Дубовик // Профессиональные союзы Беларуси. Энциклопедия. – Минск, 2012. – Т.2. – С.10.

2. Дубовік, А. А. Удзел прафсаюзаў БССР у рэгуляванні рынку працы: барацьба з беспрацоўем у перыяд нэпа / А. А. Дубовік // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2015. – Вып. 30. – С. 184–192.

3. Кодекс законов о труде РСФСР: утвержден IV сессией ВЦИК, 9 нояб. 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства РСФСР. – 1922. – № 70. – Ст. 903.

4. Дубовік, А. А. Дзейнасць прафсаюзаў Беларусі па калектыўна-дагаворным рэгуляванні працоўных адносін у перыяд НЭПа / А. А. Дубовік // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2015. – № 4. – С. 36–42.

5. Дубовік, А. А. Уздел прафсаюзаў Беларусі ў рэгуляванні зароботнай платы ў перыяд нэпа / А. А. Дубовік // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Вып. 33. – Мінск, 2018. – С.115–122.

6. НАРБ. – Фонд 44. Воп. 1. Спр. 979.

7. О реорганизации бирж труда в посреднические бюро по найму рабочей силы: постановление Наркомата труда БССР, 30 дек. 1924 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьян. Правительства БССР. – 1925. – № 16. – Ст. 129.

8. Опимах, Н. А. Ликвидация безработицы в Советской Белоруссии (1917–1930 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. А. Опимах ; АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1970. – 30 с.

9. Развитие экономики Белоруссии в 1928–1941 гг. / под ред. В.И. Дрица. – Минск: Наука и техника, 1975. – 317 с.

10. Правда. – 1930. – 22 окт.

11. Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905–1969 гг.). – Минск: Беларусь, 1970. – 474 с.

12. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. – 613 с.

13. Кодэкс аб працы БССР: пастанова №191 ЦВК і СНК БССР, 27 ліп. 1929 г. // Збор законаў і загадаў Рабоча-Сялян. Урада БССР.– 1929. – № 33. – С. 645–663.

14. Збор законаў і загадаў Рабоча-Сялян. Урада БССР. – 1933. – № 41. – Пастанова 260.

15. Томашевский, К. Л. История правового регулирования трудовых отношений в Беларуси / К. Л. Томашевский // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 143–158.

16. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1945–1946. – М., 1947. – 187 с.

17. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. – 1967. – № 1. – Ст. 1.

18. Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1972. – № 18. – Арт. 266.

ФОРМИРОВАНИЕ И СОСТАВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ БССР

Иоффе Э. Г.

г. Минск, БГПУ им. М.Танка

1 января 2019 г. исполнилось 100 лет со дня образования БССР, которая просуществовала почти 73 года. Кто же и как руководил Беларусью в этот период? Как формировалась и из кого состояла политическая элита нашей республики? Что мы об этом знаем?

По уровню исследования из всей политической истории БССР оказались наименее исследованными формирование и состав политической элиты БССР.

Из всей литературы по рассматриваемой проблеме в той или иной степени заслуживают внимания монография белорусского исследователя Т.С. Протьюко [1] и книга американского исследователя М. Урбана [2]. Оценивая книгу американского учёного М. Урбана, её редактор- директор Института политических исследований «Политическая сфера» А. Казакеви в 2010 году подчёркивал: Даследаванне Майкла Урбана беларускай савецкай эліты да гэтага часу з’яўляецца самым значным (калі не адзіным) эмпірычным даследаваннем беларускай палітыкі 1960–1980-х гг. [2, с.162].

К концу 1930-х годов в СССР сложилась и укрепилась ВКП(б) – новая общественно-политическая структура, которая подчинила себе все звенья государственного управления. Филиал этой структуры в БССР – Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии, обладая определенной долей самостоятельности и ответственности в решении вопросов развития общества, в целом принимала или выполняла решения, продиктованные интересами Москвы. Именно ответственных секретарей ее ЦБ и первых секретарей ее ЦК называли в то время «хозяевами» Белоруссии.

Трудно поверить, но действительно в истории КПБ был случай, когда ЦК Компартии Белоруссии не подчинился ЦК КПСС, точнее высшему руководству КПСС. Это произошло после смерти Сталина – в июне 1953 г. Тогда Берия обвинил руководство партийной организации Белоруссии в неправильном подборе и расстановке кадров, в искажении ленинской национальной политики, в крупных ошибках в национальном вопросе и руководстве сельским хозяйством. На этом основании предлагалось провести пленум ЦК КПБ,

раскритиковать работу первого секретаря Николая Патоличева и поддержать решение об его освобождении.

Может, я высказываюсь слишком резко, но до сих пор в энциклопедиях, школьных и вузовских учебниках, в монографиях ученых-историков не названы имена всех ответственных секретарей Центрального Бюро КП(б)Б и первых секретарей ЦК КП(б)Б.

В 1997 г. в четвертом томе «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» помещена огромная статья «Камуністычная партыя Беларусі», автором которой является главный редактор журнала «Беларускі гістарычны часопіс» В. Кушнер. В конце этой статьи автор перечисляет всех руководителей КПБ 1919-1991 годов – от А. Ф. Мясникова до А. А. Малофеева с указанием годов их руководства [4, с.66]. Но в этом перечне отсутствует имя одного ответственного секретаря ЦБ КП(б)Б и двух первых секретарей ЦК КП(б)Б. Это ответственный секретарь ЦБ КП(б)Б Ефим Борисович Генкин, первые секретари ЦК КП(б)Б Данила Иванович Волкович и Яков Аркадьевич Яковлев. Мало кому известно, что в 1937 г. в БССР было пять (я не оговорился) первых секретарей ЦК КП(б)Б. Это Николай Гикало, Данила Волкович, Василий Шарангович, Яков Яковлев и Алексей Волков. По данным «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» и 18-томной «Беларускай энцыклапедыі» этот пост в тот страшный год занимали только три человека: Гикало, Шарангович, Волков.

У нас давно утвердился стереотип, что первым белорусом на посту первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии был Василий Фомич Шарангович (с 14 марта 1937 г. до 27 июля 1937 г.). Новые архивные документы свидетельствуют, что первым белорусом на этом ответственном посту был Данила Иванович Волкович. До этого было только известно, что он являлся 2-м секретарем ЦК КП(б)Б и Председателем СНК БССР.

Данила Иванович Волкович фактически возглавлял нашу республику чуть больше, чем полтора месяца. Но в нашей истории был и более короткий срок правления – всего 15 дней: с 27 июля до 11 августа того же 1937 года первым секретарем ЦК компартии Белоруссии был Яков Яковлев. Впрочем, его даже не успели утвердить, он лишь исполнял его обязанности. Ни в одной его биографической справке этого факта нет.

Обозревая почти 73-летнюю историю БССР, нельзя не заметить постоянную борьбу за фактически высшую власть в республике.

Именно такой властью было руководство Компартии Беларуси. Причем обе стороны обращались в Политбюро ЦК РКП(б), ВКП(б), в Президиум ЦК КПСС. Из всех глав правительств БССР самым «влиятельным» оказался Николай Матвеевич Голодод, который занимал этот пост в 1927–1937 гг. О политическом весе этой фигуры говорит, например, тот факт, что именно он в 1932 году добился смены тогдашнего первого секретаря ЦК КП(б)Б Константина Гея. Борьба за власть и влияние в Белорусской ССР происходила в 1947–1948 гг. между первым секретарем ЦК КП(б)Б Николаем Гусаровым и Председателем СНК БССР Пантелеймоном Пономаренко.

Читателя, несомненно, интересует вопрос о возрасте и образовании руководителей Компартии Белоруссии. Самым молодым руководителем компартии Белоруссии был 24-летний Ефим Генкин, а самым старым – Ефрем Соколов. Когда его в 1987 г. избрали первым секретарем ЦК КПБ, Ефрему Евсеевичу был 61 год.

Самыми «образованными» следует считать Тихона Киселева, Ефрема Соколова и Анатолия Малофеева, имеющих высшее гражданское и высшее партийное образование. Высшее гражданское образование имели Александр Мясников, Александр Асаткин-Владимирский, Пантелеймон Пономаренко, Петр Машеров, Николай Слюньков. У Николая Патоличева было высшее военное образование, а у Николая Гикало и Кирилла Мазурова – высшее партийное. В гражданских вузах учились Викентий Мицкевич-Капсукас, Ефим Генкин, Александр Криницкий, Ян Гамарник, Яков Яковлев, Николай Гусаров. Вильгельм Кнорин окончил учительскую семинарию. Правда, значительно позже – в 1935 г. он стал доктором исторических наук...

К сожалению, нет точных данных об образовании Вацлава Богущкого, Константина Гея, Данилы Волковича, Василия Шаранговича, Алексея Волкова. Скорее всего, оно было среднее и незаконченное среднее.

Из 23 руководителей Компартии Беларуси только восемь (Александр Мясников, Ефим Генкин, Александр Криницкий, Ян Гамарник, Константин Гей, Николай Гикало, Яков Яковлев, Анатолий Малофеев) родились в городах и двое (Вацлав Богущкий и Николай Слюньков) – в местечках. Остальные 13 человек родились в сельской местности.

Особая тема – совмещение руководящих постов в нашей республике. На первом месте здесь стоит Александр Федорович Мясников,

который в начале 1919 года «сумел» совместить все три руководящих поста. Такой пример единичен. В 1920–1924 гг. другой «Александр» – Александр Григорьевич Червяков совместил два поста в республике и один – в СССР. Он был председателем ЦИК БССР и председателем СНК БССР. Кроме того, в 1922–1937 гг. Червяков был одним из председателей ЦИК СССР. Третьим «совместителем» стал Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. В 1944–1947 гг. он совмещал посты первого секретаря ЦК КП(б)Б и главы правительства БССР.

В истории БССР нередко были случаи, когда одни и те же люди в разные годы занимали разные руководящие посты в республике (точнее, в «тройке» – первые секретари ЦК, председатели ЦИК и Президиума Верховного Совета, председатели СНК и Совмина БССР). Так, К.Т. Мазуров в 1953–1956 гг. возглавлял правительство республики, а в 1956–1965 гг. был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Такой же путь прошел Т.Я. Киселев. В 1959–1978 гг. он занимал пост Председателя Совета Министров БССР, а в 1980–1983 гг. являлся первым секретарем ЦК КПБ.

Из 23 руководителей Центрального Бюро и первых секретарей ЦК Компартии Беларуси учителями были трое: Вильгельм Кнорин, Пётр Машеров и Тихон Киселёв. Из 13 Председателей ЦИК, Президиума Верховного Совета, Верховного Совета БССР учителями, преподавателями являлись также трое. Это Александр Червяков, Николай Дементей и Станислав Шушкевич. Из 20 глав правительства БССР учителями, преподавателями были четверо: Александр Червяков, Афанасий Ковалёв, Тихон Киселёв и Александр Аксёнов.

Кто из руководящих деятелей БССР больше всего времени находился на руководящих постах в нашей республике (я имею в виду «тройку» руководителей)? Это Тихон Яковлевич Киселев, который 19 лет возглавлял правительство республики и более двух лет был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. На втором месте стоит Василий Иванович Козлов, который 19 лет был председателем Президиума Верховного Совета БССР. Третье место по праву принадлежит Александру Григорьевичу Червякову, который почти 17 лет возглавлял ЦИК БССР. На четвертом месте – Петр Миронович Машеров, который возглавлял партийную организацию Белоруссии 15 с половиной лет.

Среди высшего руководства БССР было четыре Героя Советского Союза. Это первый секретарь ЦК КПБ Петр Машеров, Председа-

тели Президиума Верховного Совета БССР Василий Козлов и Владимир Лобанок, глава правительства республики Алексей Клещев. Три представителя высшего руководства Белорусской ССР во время работы на своих ответственных постах были генералами. Это генерал-лейтенант, первый секретарь ЦК КП(б)Б и председатель СНК(СМ) БССР Пантелеймон Пономаренко, генерал-майор, Председатель Президиума Верховного Совета республики Василий Козлов и генерал-майор, председатель Совета Министров БССР Алексей Клещев.

Многих читателей интересует вопрос:

«Кем стали руководители БССР после работы на руководящих должностях в нашей республике (имеются в виду люди из «тройки» – первые секретари, председатели СНК и Совмина, председатели ЦИК и Президиума Верховного Совета)? Наибольшего карьерного роста добились Пантелеймон Пономаренко, Кирилл Мазуров, Николай Слюньков и Анатолий Малофеев. Все они стали членами Президиума ЦК КПСС, Политбюро ЦК КПСС. Кроме того, Пономаренко и Слюньков стали секретарями ЦК КПСС, а Мазуров первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Тихон Киселев в 1978–1980 гг. работал заместителем (а не первым заместителем, как ошибочно указывают 6-томная «Энциклопедия истории Беларуси» и 18-томная «Беларуская энциклапедыя» - Э.И.) Председателя Совета Министров СССР. Николай Патоличев стал министром внешней торговли СССР. Ян Гамарник был назначен на ответственный пост начальника Политического управления Красной Армии, первого заместителя наркома обороны СССР. Александр Криницкий возглавил один из ведущих отделов ЦК ВКП(б) – агитационно-пропагандистский.

Немного о национальном составе руководителей Коммунистической партии Белоруссии. За 1919–1991 г. КПБ возглавляли 23 человека девяти национальностей, в том числе 8 белорусов (Волкович, Шарангович, Мазуров, Машеров, Киселев, Слюньков, Соколов, Малофеев), 6 русских (Асаткин-Владимирский, Криницкий (по другим данным, он – поляк-Э.И. Гикало, Волков, Патоличев, Гусаров), 3 еврея (Генкин, Гамарник, Яковлев), один армянин (Мясников), один литовец (Мицкевич-Капсукас), один латыш (Кнорин), один поляк (Богуцкий), один немец (Гей), один украинец (Пономаренко) (по другим данным, он – русский – Э.И.).

К большому сожалению, значительная часть руководства БССР в 1920–1930-е гг. стали жертвой массовых политических репрессий. Из 23 ответственных секретарей ЦБ, первых секретарей ЦК КП(б)Б трагически погибли 11 (Генкин, Кнорин, Богуцкий, Асаткин-Владимирский, Криницкий, Гамарник, Гей, Гикало, Волкович, Шарангович, Яковлев.) Кроме того, Мясников трагически погиб во время авиакатастрофы, а Машеров – автокатастрофы. До сих пор не известны обстоятельства смерти Волкова. Из 12 Председателей ЦИК и Президиума Верховного Совета БССР жертвами репрессий стали 3 человека (Циховский, Червяков и Стакун). Кроме того, Сурганов погиб во время автокатастрофы. Из 19 глав правительства БССР во время политических репрессий погибли 5 (Жилунович, Червяков, Адамович, Голодед, Волкович). Кроме того, А.Ф. Ковалев тоже был репрессирован, но чудом остался жив.

Один из разделов книги мемуаров бывшего главы правительства БССР и Республики Беларусь В.Ф. Кебича «Искушение властью: из жизни премьер-министра» носит название «Белоруссии везло на руководителей». В нем есть такие строки:

«Не берусь судить о первых послереволюционных годах, но, начиная со второй половины 20-х годов, руководителями Белоруссии были достойные люди. В разное время первыми секретарями ЦК КПБ избирались Кнорин, Гамарник, Гикало, Шарангович – их имена можно встретить сегодня в названиях улиц...

После гибели Петра Машерова ЦК Компартии Белоруссии возглавляли Тихон Киселев, Николай Слюньков, Ефрем Соколов, Анатолий Малофеев. Правительством в разное время руководили Александр Аксенов, Владимир Бровиков, Михаил Ковалев. У каждого из них были свои сильные и слабые стороны. Но все они были государственными деятелями крупного масштаба, истинными патриотами своей родины, глубоко знавшими душу белорусского народа. Благодаря им и по темпам экономического развития, и по уровню жизни населения Белоруссия всегда шла в авангарде советских республик» [5, с. 111, 116].

В конце 1980-х г. руководство БССР во главе с ЦК КПБ постепенно начало терять нити управления нашей республикой. Пожалуй, этот процесс начался после Чернобыльской катастрофы 1986 г., когда руководство СССР и БССР вначале попыталось скрыть истинные причины катастрофы. Только через три года –

в июле 1989 г. Верховный Совет БССР признал всю территорию Белоруссии зоной экологического бедствия и принял Государственную программу преодоления последствий Чернобыльской катастрофы и пакет законов о помощи гражданам и пострадавшим территориям.

Провал выступления Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) 21 августа 1991 г. привел к тому, что правительства и Верховные Советы союзных республик окончательно взяли курс на суверенитет. Внеочередная сессия Верховного Совета БССР 25–26 августа 1991 г. приняла Закон «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета БССР о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики». С. С. Шушкевич 25 августа 1991 г. от имени Верховного Совета республики поставил свою подпись под постановлением «О временной приостановке деятельности КПСС-КПБ на территории Белоруссии». Фактически это означало запрещение КПБ и законодательное отстранение ее от власти, которая перешла в руки Верховного Совета Белоруссии. 19 сентября 1991 г. высший законодательный орган БССР принял Закон о переименовании Белорусской ССР в Республику Беларусь.

К сожалению, в существующей литературе, в том числе, в таких авторитетных изданиях, как 6-томная «Энциклапедыя гісторыі Беларусі» и 18-томная «Беларуская энцыклапедыя» в биографических данных о руководителях БССР допущен ряд неточностей, не говоря уже об умолчании многих важных биографических данных.

Использованные источники и литература

1. Протыко, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941) / Т.С. Протыко. Мінск: Тесей, 2002 – 688 с.
2. Урбан, М. Беларуская савецкая эліта (1966-1986): алгебра ўлады // Вільня: ЕГУ, 2010 – 196 с.
3. Казакевіч, А. Каментарыі рэдактара / А. Казакевіч // Урбан М. Беларуская савецкая эліта... С.162–165.
4. Кушнер, В. Камуністычная партыя Беларусі / В. Кушнер // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, : У 6 т. Т. 4. – Мінск: БелЭн, 1997 – 432 с.
5. Кебич, В. Ф. Искушение властью: из записок премьер-министра / В. Кебич. – Минск: Парадокс, 2008 – 480 с.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИНСКОГО ПОЛЬСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕХНИКУМА (1920-е гг.)

Казак О. Г.

Минский городской
педагогический колледж

Примерно пятую часть жителей Советской Беларуси в 1920-е – 1930-е гг. составляли представители национальных меньшинств (русские, евреи, поляки, литовцы и др.). Стратегия большевиков в 1920-е гг. состояла в том, чтобы захватить лидерство над казавшимся неизбежным процессом деколонизации, сплотить многоэтническое государство (СССР), устранив недоверие нерусских народов к их бывшим «угнетателям» (которыми в то время официально объявляли великороссов) [6, с. 88, 107]. Для этих целей советское правительство поощряло развитие культуры на национальных языках. В БССР в 1920-е гг. официальный статус имели белорусский, русский, польский и еврейский языки. Естественно, остро встал вопрос подготовки преподавателей для школ, обучение в которых велось на этих языках. Деятельность Минского Польского педагогического техникума (далее – Польшпедтехникум) стала заметным явлением культурной жизни столицы Советской Беларуси в 1920 – 1930-е гг.

Минский Польшпедтехникум начал свою деятельность в 1922 г. на базе организованных годом ранее учительских курсов [7, с. 196]. Курс обучения в техникуме первоначально был шестилетним, затем, по мере увеличения числа семилетних польских школ, пятилетним, а с 1927 / 1928 учебного года – четырехлетним. Поступающие должны были владеть знаниями в пределах семилетней школы. При этом выпускники польской семилетки принимались без экзаменов, в то время как лица, окончившие белорусские школы, сдавали экзамен по польскому языку [5, с. 44].

Материальное положение нового учебного заведения было тяжелым. Отсутствовал ряд предметных кабинетов, ощущались нехватка площадей, холод в помещениях [13, с. 124]. В отчете общего собрания ячейки КП(б)Б при Минском Польшпедтехникуме (1926 г.) отмечалось, что финансирование учебного заведения составляло 60 % от необходимого, здание (ул. Советская, 14) нуждалось в капитальном ремонте, число стипендиатов было недостаточным [2]. В преддвее-

рии 1927 / 1928 учебного года директор техникума М. Вайнер был вынужден направить в Народный комиссариат просвещения БССР письмо с просьбой не сокращать бюджет учебного заведения по сравнению с предыдущим годом [10]. В 1928 г. стипендии получали только 29,7 % студентов. Просьба М. Вайнера об увеличении количества стипендиатов до предусмотренных ранее 55 %, адресованная Народному комиссариату просвещения БССР, не была удовлетворена [9].

Не менее остро стоял вопрос педагогических кадров. В 1924 г. коллектив техникума состоял из 22 преподавателей, но только для двух из них учебное заведение являлось основным местом работы. Языком обучения в техникуме был польский язык, однако двое преподавателей вели занятия на белорусском языке, трое – на русском [13, с. 124–125]. В последующие годы ситуация практически не менялась. Администрация учебного заведения пыталась перевести обучение полностью на польский язык, но из-за нехватки профессиональных преподавателей осуществить данное мероприятие не удалось. В 1926 г. секретарь ячейки КП (б)Б при Польштехникуме, директор Я. Клыс отмечал: «Мы держим курс на польских преподавателей, но лучше брать русского педагога, чем не иметь педагога вовсе». Отдельные преподаватели физически не успевали с одного места работы на другое, в результате чего зачастую их лекции срывались. Безусловно, такие явления негативно сказывались на учебном процессе [2]. Естественно, большинство преподавателей не принимало участия в общественной жизни техникума, слабо ориентировалось в целях национальной политики БССР, туманно представляло этнокультурную специфику белорусских поляков. Многие лишь волей судьбы оказались на территории Советской Беларуси (как, например, директор техникума в 1926–1929 гг. М. Вайнер) [11].

Несмотря на то, что Польштехникум позиционировал себя как учебное заведение для поляков Советской Беларуси, его студентами являлись представители и иных национальностей. М. Вайнер, выступая на заседании Минской окружной национальной комиссии в марте 1928 г., отметил, что наряду с поляками (75,4 %) в техникуме обучалось значительное число белорусов (20,1 %) и евреев (4,5 %) [8]. Своего рода «сегрегация» по этническому принципу, подогреваемая отдельными преподавателями Польштехникума,

нередко становилась причиной локальных межнациональных конфликтов в стенах учебного заведения. Один из наиболее громких инцидентов в 1928 г. рассматривала специальная комиссия Народного комиссариата просвещения БССР. Комиссия пришла к выводу, что в Польшепедтехникуме имели место проявления и польского, и белорусского национализма. Главным зачинщиком конфликтов был назван активный деятель белорусизации, историк, этнограф, фольклорист и архивист А.А. Шлюбский, который преподавал в Польшепедтехникуме белорусский язык: «Комиссия констатирует, что открытое проявление польского шовинизма и обострение межнациональных непониманий вызваны, безусловно, неправильным направлением работы преподавателя белорусского языка Шлюбского, который под видом педагогических принципов часто проводит довольно выразительную линию белорусского национализма». Комиссия полностью поддерживала «решительные требования со стороны некоторых преподавателей, а также некоторых руководителей студенческих организаций» более широкого использования студентами польского языка в повседневной жизни. Это «и вызвало разные нарекания и жалобы со стороны отдельных студентов, которых поддерживал преподаватель Шлюбский». С другой стороны, комиссия не согласилась с доводами польского студенческого актива, пытавшегося объяснить «факты открытого проявления польского национализма» исключительно ответной реакцией на действия А.А. Шлюбского и его приближенных. По мнению инспекторов, питательной почвой для польского национализма являлось значительное количество «мелкобуржуазного элемента» среди студенчества. Комиссия рекомендовала администрации техникума немедленно уволить преподавателя А.А. Шлюбского, перевести все обучение на польский язык, вести агитацию более широкого использования студентами польского языка в быту. Комиссия считала недопустимыми имевшие широкое распространения случаи, когда поступающие в Польшепедтехникум молодые люди совершенно не знали польский язык [12].

Учебное заведение не могло полностью удовлетворить возросший спрос на учителей польских школ. Количество польскоязычных учебных заведений в БССР увеличивалось довольно быстрыми темпами. В 1922 г. были созданы 73 польские школы, где работали 111 учителей, в 1931/1932 учебном году школ

насчитывалось уже 260 [1, с. 45]. Острый дефицит учителей вынуждал чиновников Народного комиссариата просвещения БССР снимать студентов 2–4 курсов, еще не окончивших техникум, и отправлять их на работу в школы [3, с. 140]. Далеко не все выпускники техникума хорошо ориентировались в вопросах польской литературы, истории и культуры [15, с. 233–235]. Так укреплялся своеобразный «порочный круг»: недостаточно подготовленные выпускники Польшпедтехникума, работая в польскоязычных школах, не могли сформировать прочные знания уже у своих учеников – потенциальных студентов техникума. Несмотря на кадровые и финансовые сложности, Минский Польшпедтехникум являлся крупным культурным центром столицы Советской Беларуси. Первая польская литературная секция была создана в 1925 г. при Польшпедтехникуме. В 1928 г. на ее базе была создана Польская секция Белорусской ассоциации пролетарских писателей, которая объединяла 63 начинающих польских писателя и поэта [1, с. 45]. Учащиеся и преподаватели техникума участвовали в культурно-просветительских мероприятиях польского клуба им. Р. Люксембург в Минске [2].

С середины 1930-х гг. начался новый этап в политике советской власти в отношении польского населения. Кроме общих изменений в национальной политике (сворачивание активной фазы белорусизации, переход к интернационализации культурной жизни), этому содействовало значительное ухудшение советско-польских отношений после подписания польско-германского договора 1934 г. Началась волна репрессий против поляков, которые обвинялись в шпионаже в пользу Польши [1, с. 46]. Только с августа 1937 г. по сентябрь 1938 г. по «польской линии» были арестованы 21407 человек [4, с. 52]. На протяжении 1935–1939 гг. были ликвидированы все польские школы, они преобразовывались в белорусские либо в смешанные русско-белорусские учебные заведения [1, с. 46]. В таких условиях существование Минского Польшпедтехникума становилось невозможным. В 1937 г. техникум был закрыт, его последний директор Ф. Зарембский, как и многие преподаватели, был арестован как «польский шпион» и расстрелян [14, с. 94–95].

Таким образом, деятельность Минского Польшпедтехникума в 1920-е гг. была подчинена национальному курсу властей БССР по воспитанию «польской пролетарской» интеллигенции, лояльной советскому режиму. Данное учебное заведение, как и иные учре-

ждения и организации национальных меньшинств Советской Беларуси, должно было продемонстрировать преимущества национальной политики СССР, стать инструментом идеологической экспансии Советского Союза против сопредельных государств. Польшпедтехникум, однако, не обладал необходимой кадровой и материальной базой для того, чтобы качественно выполнить возложенную на него задачу. Не все преподаватели техникума и представители органов власти понимали сложившуюся на протяжении веков этнокультурную ситуацию белорусских земель: многие жители этих территорий считали себя поляками в первую очередь потому, что являлись католиками. При этом они часто имели туманные представления о польской культуре и в недостаточной степени владела польским языком. В силу различных жизненных обстоятельств такие молодые люди, окончив польскоязычные семилетние школы, поступали в Польшпедтехникум. С одной стороны, администрация и отдельные преподаватели техникума принуждали студентов к резкому переходу на польский язык не только на занятиях, но и в повседневной жизни. С другой стороны, активные деятели белорусизации, работавшие в техникуме ввиду нехватки польскоязычных преподавательских кадров, поощряли использование студентами белорусского языка и тем самым ставили под сомнение саму необходимость существования Польшпедтехникума. Все это вело к национально-культурной дезориентации молодых людей и не способствовало подготовке учебным заведением высококлассных специалистов.

Использованные источники и литература

1. Альшэўская, С. І. Некаторыя аспекты развіцця культуры польскага этнаса ў БССР (міжваенны перыяд) / С. І. Альшэўская, В. А. Ёцюс // *Европа: актуальныя праблемы этнокультуры* : матэрыялы Міжнарод. навуц.-теарет. конф., г. Мінск, 23 чуня 2011 г. / редкол. : В. В. Тугай [и др.]. – Мінск, 2011. – С. 45–47.

2. Государственный архив Минской области. – Ф. 162-п. Оп. 1. Д. 211. Л. 55.

3. Дасягненні ў культурна-асветнай працы сярод нацыянальных меншасцяў у БССР к 10-й гадавіне Кастрычніцкай рэвалюцыі // *Асвета*. – 1927. – № 7. – С. 135–142.

4. Жук, В. Н. Из истории польского национального меньшинства в БССР (20–30-е годы XX столетия) / В. Н. Жук. – Минск: Ковчег, 2008. – 52 с.

5. Жук, В. Н. Польское национальное меньшинство в БССР (1921–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. Н. Жук. – Минск, 2008. – 144 л.

6. Мартин, Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма / Т. Мартин // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. – М., 2011. – С. 88–116.

7. Мычко, Ю. В. Партийно-государственная политика в БССР в отношении польского национального меньшинства / Ю. В. Мычко // Лингвострановедческий аспект в преподавании иностранных языков: материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 17 марта 2009 г. / редкол. : Н. М. Забавский [и др.]. – Минск, 2009. – С. 193–197.

8. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 42. Оп. 1. Д. 1684. Л. 147.

9. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 1684. Л. 499.

10. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 2023. Л. 6.

11. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 3. Д. 274. Л. 61–62об.

12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3521. Л. 263–264.

13. Праца Польскага Педагагічнага Тэхнікуму ў Менску і яе сучасныя вынікі // Асвета. – 1924. – № 5. – С. 123–125.

14. Сянькевіч, Г. Р. Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917–1945 гг.) / Г. Р. Сянькевіч, А. В. Трухан, З. М. Ціток. – Мінск : Народная асвета, 1993. – 495 с.

15. Iwanow, M. Polacy w Związku Radzieckim w latach 1921–1939 / M. Iwanow. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1990. – 424 s.

УПЛЫЎ ПАЛІТЫКІ БЕЛАРУСІЗАЦЫІ НА РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ (1920-я гг.)

Каляда І. У.

г. Мінск, БДТУ

У гісторыю Беларусі 1920-я гады ўвайшлі як перыяд адраджэння, росквіту беларускай культуры і мовы. І найбольш цікавай, можна

сказаць, унікальнай з’явай гэтага часу стала беларусізацыя – палітыка нацыянальна-дзяржаўнага і нацыянальна-культурнага будаўніцтва.

Развіццё беларускай мовы як прыарытэтны накірунак беларусізацыі і пашырэнне сферы яе ўжывання павялічыла патрэбу у беларускай кнізе, падручніку, часопісу. У сувязі з гэтым ужо ў 1921 г. было ўтворана Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, а ў 1922 г. пачало працаваць кааператыўна-выдавецкае таварыства «Адраджэнне» (перш за ўсё з мэтай выдання падручнікаў для беларускіх школ і твораў мастацкай літаратуры (у канцы 1922 г. рэарганізаванае ў выдавецтва «Савецкая Беларусь»). У 1924 г. гэтыя два выдавецтвы зліліся ў адзінае Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, планы якога прадугледжвалі выданне літаратуры на мовах народаў розных нацыянальнасцей, што пражывалі на Беларусі. І калі ў 1924 – 1925 гг. Белдзяржвыдавецтва выдавала кнігі на 4-х мовах – беларускай, рускай, яўрэйскай і польскай, то ў 1927 – 1928 гг. – ужо на 6-ці (яшчэ на літоўскай і латышскай) [1, с. 229].

На беларускую мову паступова пераводзіліся газеты і часопісы. У 1927 г. на беларускай мове выдаваліся газеты – «Савецкая Беларусь», «Звязда», «Беларуская вёска», «Чырвоная змена»; часопісы – «Полымя», «Маладняк», «Узвышша». Разам з тым выдаваліся газеты і часопісы і на мовах нацыянальных меншасцей: на польскай мове – газета «Орка», на рускай – «Рабочий», «Заря Запада», «Полеская правда», на яўрэйскай – газета «Акцябр», для моладзі – «Юнгер-Арбайтэр», часопіс «Штэрн», на літоўскай мове – газета «Чырвоны араты». Наогул, у 1928 г. з 17 рэспубліканскіх газет 9 выходзілі на беларускай мове, 4 – на рускай, 2 – на польскай, 1 – на яўрэйскай і 1 – на літоўскай [2, с. 29 – 30].

Да канца 1929 г. на Беларусі налічвалася пяць рэспубліканскіх выдавецтваў: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, газетна-часопіснае выдавецтва ЦК КП(б)Б «Звязда», ЦК ЛКСМ «Чырвоная змена», «Савецкая Беларусь», выдавецтва ЦСПСБ. Несумненна, што пашырэнне выдавецкай справы ў 1920-я гады адыграла значную ролю ў развіцці народнай асветы, нацыянальнай культуры, навуковых ведаў. Павялічылася выданне як беларускай літаратуры, так і твораў рускай і сусветнай класічнай літаратуры ў перакладзе на беларускую мову, што дазволіла бліжэй пазнаёміцца з творчасцю славурых пісьменнікаў, а таксама адкрыць для сябе і новыя малавядомыя імёны.

Рост нацыянальнай самасвядомасці прабудзіў інтарэс да гісторыі роднага краю ў самых шырокіх колах насельніцтва, што, у сваю чаргу, прывяло да павелічэння матэрыялаў па гісторыі Беларусі. Вакол Інбелкульта аб'ядналіся навуковыя сілы, мэтай якіх было грунтоўнае і ўсебаковае вывучэнне беларускай мінуўшчыны. Асабліва інтэнсіўна пачалася іх праца з восені 1925 г., калі была арганізавана гістарычна-археалагічная камісія на чале з прафесарам М. Доўнар-Запольскім, што пачала друкаванне гістарычных крыніц пад назвай «Беларускі архіў».

Пачынаючы з 1924 г. на Беларусі масава ўзнікаюць кразнаўчыя арганізацыі – мясцовыя, раённыя, акруговыя. Іх дзейнасць была шырокай і разнастайнай: праводзіліся навуковыя экскурсіі, экспедыцыі, збіраліся экспанаты для музеяў, фальклорныя творы, выдаваліся рукапісныя зборнікі і часопісы. У пачатку 1928 г. на Беларусі налічвалася ўжо 301 кразнаўчая арганізацыя і 18 музеяў (у Віцебску, Мінску, Гомеле, Магілёве, Слуцку, Полацку, Мазыры) [3, с. 259]. Вялікай папулярнасцю карыстаўся часопіс «Наш край», дзе асвятлялася праца кразнаўчых гурткоў. Выходзілі таксама і мясцовыя неперыядычныя зборнікі («Віцебшчына», «Полаччына», «Магілёўшчына»).

У 1920-я гады ў даволі складаных умовах развівалася беларуская літаратура, для якой былі характэрны творчыя пошукі і цікавыя знаходкі. У гэты час на Беларусі дзейнічала некалькі літаратурных аб'яднанняў. У 1923 г. утвараецца «Маладняк», які сабраў маладых паэтаў, празаікаў, драматургаў (М. Чарот, А. Александровіч, А. Дудар, У. Дубоўка, А. Вольны, Я. Пушча, К. Крапіва, П. Трус, П. Глебка, К. Чорны, М. Лынькоў). Асноўны напрамак сваёй дзейнасці літаратары бачылі ў пошуках літаратурных талентаў сярод народа, новых форм, сродкаў і прыёмаў у літаратуры. Разам з тым многія маладнякоўцы недаацэньвалі значэнне класічнай спадчыны, супрацьпастаўлялі маладых пісьменнікаў «старым».

У 1926 г. утвараецца новае літаратурна-мастацкага згуртаванне «Узвышша» (А. Бабарэка, З. Бядуля, П. Глебка, У. Дубоўка, К. Крапіва, М. Лужанін, Я. Пушча, К. Чорны), для якога было характэрна захаванне культурнай спадчыны і нацыянальных традыцый праз павышаную ўвагу да беларускай мовы і беларускай жанравасці, імкненне захапіць моладзь ідэямі будаўніцтва новай культуры праз выражэнне таго, чым багата Беларусь.

На мяжы 1927 – 1928 гг. сфарміравалася яшчэ адно літаратурнае аб’яднанне – «Полымя», куды ўвайшлі разам з маладымі і пісьменнікамі больш старэйшага пакалення, у тым ліку Я. Колас, Я. Купала, Ц. Гартны, А. Вольны, А. Гурло, М. Зарэцкі, М. Чарот і інш. Свае задачы яны звязвалі з удасканаленнем нацыянальнай формы. У той час выйшлі зборнік вершаў «Спадчына» Я. Купалы і яго паэма «Безназоўнае», паэмы Я. Коласа «Новая зямля» і «Сымон-музыка» і яго аповесць «У глыбі Палесся», аповесць Ц. Гартнага «Сокі цаліны». У канцы 1920-х гг. адносна дэмакратычны перыяд літаратурнага жыцця скончыўся. Свабода творчасці ўсё больш стала заганняцца ў рамкахі ўстановак і патрабаванняў бальшавіцкай ідэалогіі.

Разам з літаратурай набірала моц нацыянальнае тэатральнае мастацтва. Першы беларускі дзяржаўны тэатр быў створаны яшчэ ў 1921 г., яго ўзначаліў Е. Міровіч, выдатны рэжысёр, драматург і акцёр. Побач з класікай ён ставіў і творы беларускіх драматургаў: гэта п’есы М. Чарота «На купалле», В. Гарбацэвіча «Вяселле», Я. Купалы «Раскіданае гняздо», Е. Міровіча «Кастусь Каліноўскі». Тут пачыналі працаваць такія акцёры, як К. Уладамірскі, Б. Платонаў, Л. Ржэцкая, В. Галіна, чые прафесійнае майстэрства ў хуткім часе стала вядома далёка за межамі Беларусі.

У 1921 г. для падрыхтоўкі нацыянальных акцёрскіх кадраў па ініцыятыве Наркамата асветы БССР у Маскве была арганізавана Беларуская драматычная студыя (у 1923 г. атрымала статус ВНУ – мела назву Беларускі дзяржаўны інстытут мастацтва). У 1926 г. студыя прыбыла ў Віцебск, дзе была рэарганізавана ў Другі беларускі дзяржаўны тэатр (мастацкі кіраўнік – С. Хачатураў). На сцэне тэатра працавалі такія акцёры, як С. Станюта, Р. Кашэльнікава, П. Малчанаў.

У Мінску яшчэ ў 1920 г. пачала дзейнічаць Беларуская тэатральная трупa пад кіраўніцтвам У. Галубка, вядомага беларускага пісьменніка, рэжысёра, акцёра. У 1926 г. трупа была пераўтворана ў Беларускі дзяржаўны вандроўны тэатр (з 1932 г. – Трэці Беларускі дзяржаўны тэатр), які выступаў у мінскіх клубах, а таксама паказваў спектаклі па ўсёй Беларусі. Тэатр прытрымліваўся традыцый беларускай нацыянальнай культуры, і спектаклі яго, насычаныя музыкай, песнямі, нацыянальным каларытам, карысталіся вялікай папулярнасцю ў народзе.

У 1929 г. на Беларусі налічвалася ўжо шэсць тэатраў – акрамя вышэйназваных яшчэ Дзяржаўны яўрэйскі тэатр, Яўрэйскі і Польскі

вандроўныя тэатры, шматлікія студыі і самадзейныя тэатральныя калектывы.

Развіццё тэатральнага мастацтва ў 1920-я гады ішло ў агульным рэчышчы беларусізацыі: у гэты перыяд выпрацоўваліся суадносіны класічнага рэпертуару і тагачасных сцэнічных твораў, з улікам папярэдніх тэатральных традыцый закладваліся асновы новых, ішоў пошук удасканалення прафесійнага майстэрства адпаведна задачам стварэння новага грамадства.

Сезон 1927 – 1928 г. супаў з пачаткам узмацнення ідэалагічнага тэрору з боку савецкай улады. Афіцыйная палітыка ў тэатральнай справе накіроўваецца на выцясненне п'ес, прысвечаных жыццю беларускага народа. Усё большае месца ў тэатральнай афішы займаюць ідэалізаваныя творы «пралетарскага» зместу [4, с. 182].

У 1920-я гады становіцца вядомым беларускае выяўленчае мастацтва. Трэба адзначыць, што калі новая беларуская літаратура магла абаперціся на родную мову, на вопыт сваіх папярэднікаў (В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча) і імёны ўжо шырока вядомых майстроў слова – Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, – то новае беларускае мастацтва такой апоры не мела. Мастакі, якія працавалі на Беларусі ў 1920-я гады (А. Грубэ, М. Дучыц, А. Касцялянскі, І. Мільчын), мала што ведалі пра беларускія мастацкія традыцыі, пра сваіх папярэднікаў.

Вывучэнне гісторыі беларускага мастацтва пачалося па ініцыятыве выдатных беларускіх мастацтваведаў – М. Шчакаціхіна і М. Каспяровіча. Першы арганізаваў пры БДУ кафедру гісторыі беларускага мастацтва і ўначаліў працу Камісіі гісторыі мастацтва секцыі беларускага мастацтва пры Інбелкульце. М. Каспяровіч наладзіў вывучэнне гісторыі беларускага мастацтва пры Віцебскім мастацкім тэхнікуме і шмат зрабіў для папулярызацыі здабыткаў вывучэння мастацкага мінулага Беларусі.

Пазнанне мінулага дапамагала вызначыцца новым накірункам у выяўленчым мастацтве, такім як рэалістычны накірунак (В. Волкаў, М. Дучыц), імпрэсіянісцкі (У. Кудрэвіч), неарэалістычны (М. Філіповіч, І. Ахрэмчык), дэкаратыўны (А. Марыкс, У. Ціханаў).

Рубяжом, з якога пачынаецца прынцыпова новы этап у выяўленчым мастацтве Беларусі можна лічыць 1925 г., калі ў Мінску адкрылася першая Усебеларуская мастацкая выстава, якая дапамагла выявіць мастакоў, працаваўшых на Беларусі і пазнаёміла

з іх творчасцю працоўных рэспублікі. У 1927 г. было створана Усебеларускае аб'яднанне мастакоў (А. Грубэ, І. Дучыц, П. Мрачкоўская, А. Астаповіч, А. Тычына і інш.), што ставіла сваёй мэтай згуртаванне выяўленчых сіл Беларусі, распрацоўку развіцця беларускага выяўленчага мастацтва, садзейнічала арганізацыі выстаў, студый і г.д. Акрамя Мінска існавалі філіялы ў Віцебску, Гомеле, Магілёве, а таксама ў Маскве і Ленінградзе.

У 1928 г. пачало дзейнічаць Беларускае мастацкае таварыства «Прамень» (А. Вало, У. Бохан, У. Кавалёў, В. Мурашоў, В. Ціхановіч), дзейнасць якога была разнастайнай: гэта і лабараторныя практычныя заняткі, даклады па гісторыі мастацтва, аб беларускім народным мастацтве, публічныя лекцыі, вечары, дыспуты, а таксама падарожжы па БССР і СССР з мэтай знаёмства з мастацкай творчасцю розных народаў.

На жаль, спрыяльныя ўмовы для развіцця нацыянальнага мастацтва фактычна існавалі ўсяго тры гады – з 1927 па 1930. Але шмат з таго, што было зроблена за гэты час, можна на поўнай падставе аднесці да нашай мастацкай класікі.

У 1924 г. быў прыняты дэкрэт СНК БССР аб утварэнні Дзяржаўнай управы па справах кіно. Вытворчая дзейнасць Белдзяржкіно пачынаецца з 1926 г., калі быў створаны першы мастацкі фільм «Лясная быль» (рэжысёр Ю. Тарыч) паводле аповесці М. Чарота «Свінапас». За даволі кароткі тэрмін гэтая маладая арганізацыя не толькі арганізавала кіно ў гарадах, але і пачала сваю дзейнасць на вёсцы, дзе працавалі кінаперасоўкі.

Першыя беларускія мастацкія фільмы па сваёй тэматыцы падзяляліся на фільмы, прысвечаныя грамадзянскай вайне («Лясная быль», «Хвоі гамоняць»), гісторыка-рэвалюцыйным падзеям («Кастусь Каліноўскі»), барацьбе ў Заходняй Беларусі («Да заўтрага»), мірнаму будаўніцтву («Песня вясны»).

У 1920-я гады разгортваецца дзейнасць культурна-асветніцкіх устаноў. Цэнтрам палітычнай і культурна-асветніцкай работы на вёсцы сталі хаты-чытальні, народныя дамы, дзе праводзіліся чыткі газет і часопісаў, былі арганізаваны палітычныя гутаркі, гурткі мастацкай самадзейнасці. Важнае месца ў павышэнні культурнага ўзроўню людзей, фарміраванні нацыянальнай самасвядомасці насельніцтва належыла бібліятэкам.

Прапаганда беларускай гісторыі, народнай творчасці вялася Дзяржаўным музеем, які быў створаны ў жніўні 1923 г. у Мінску. У 1928 г. ён налічваў пяць аддзелаў: гісторыка-археалагічны, нумізматычны, этнаграфічны, царкоўна-археалагічны і мастацкі. Музей накіроўваў экспедыцыі на Случчыну, Бабруйшчыну, Мазыршчыну, Міншчыну для вывучэння старажытных будынкаў, цэркваў, розных мастацкіх помнікаў.

Такім чынам, у гады беларусізацыі было нямала зроблена па фарміраванню нацыянальнай свядомасці народа, уздыму яго культурнага ўзроўню. Шырока вялося вывучэнне культуры і гісторыі беларускага народа; узрасла шматлікая маладая плынь беларускіх пісьменнікаў, якая прынесла ў беларускую літаратуру новыя цікавыя творы; быў закладзены фундамент беларускага нацыянальнага тэатру; у гэтыя гады становіцца вядомым беларускае выяўленчае мастацтва, для якога былі характэрны разнастайныя плыні, творчыя пошукі новых мастацкіх формаў; пачало сваю дзейнасць беларускае кіно.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Восьмы Ўсебеларускі з'езд Саветаў. Стэнаграфічная справаздача. – Мінск: Выд-ва ЦВК БССР, 1927. – 486 с.
2. Асноўныя вынікі работы ўраду БССР. Да перавыбараў Саветаў. 1928 – 1929 г. – Мінск: Выд-ва ЦВК і СНК БССР, 1928. – 150 с.
3. Трэпет, Л. Краязнаўства. / Л. Трэпет // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 257-260.
4. Глыбінны, Ул. 3 гісторыі беларускага тэатру. Тэатральная дыскусія 1928/1929 / Ул. Глыбінны // Спадчына. – 1997. – № 3. – С. 182 – 191.

РОЛЬ БЕЛОРУСОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КУБАНИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

Крючек П. С.

г. Минск, БГТУ

Среди множества народов, внесших свой вклад в формирование этнического пространства Северного Кавказа и Кубани были и белорусы. К сожалению, в современной российской и белорусской историографии данная проблема не получила широкого освещения.

Исключением можно считать труды кубанских исследователей, впервые затронувших историю белорусов, оказавшихся в важнейших регионах Северного Кавказа и Черноморье. Н. И. Бондарь, О. В. Матвеев, В. Н. Ракачев раскрыли динамику изменения численности белорусов на Кубани, основываясь на данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., сведениях советских переписей 1926, 1939, 1959, 1979, 1989 гг., а также переписях уже постсоветского периода.

Авторы констатируют, что в 2002 г. 26 260 жителей Кубани определили себя в качестве белорусов, в то время как по переписи 1989 г. в крае проживало 34 688 белорусов. Рассмотрена эволюция хозяйственных занятий белорусов в этом регионе на протяжении длительного периода. Вместе с тем авторы пришли к выводу, что компактных поселений белорусы не создавали, культурно-бытовые особенности проявлялись только в языке, причем, как правило, у старших поколений мигрировавшей группы [1].

Место и роль белорусской диаспоры в ареале культуры славянского населения, ее особенности отмечено в весьма содержательной статье О. В. Матвеева [2]. Автор отметил значительный вклад белорусов в формирование этнического пространства Кубани.

Интересные сведения о белорусах-переселенцах на Северном Кавказе содержатся в статье В. Н. Ракачева и Я. В. Ракачевой. По данным исследователей, к середине декабря 1933 г. в 15 кубанских районах уже поселилось 8 079 семей – 32 732 человека [3, с. 138]. Однако «добровольно-принудительный характер» этих мероприятий, пишут В.Н. Ракачев и Я.В. Ракачева, имел соответствующие последствия: с июля 1934 г. началось массовое бегство красноармейцев-переселенцев из Азово-Черноморского края, достигшее к осени уровня 30 % и получившее название «обратничества».

Но есть и другие примеры. Так в вышеназванной работе Н.И. Бондарь, О.В. Матвеев, В.Н. Ракачев приводят свидетельства очевидцев, утверждавших, что приезд переселенцев спас от голода станицу Уманскую. «Станица немного ожила, – писал И.А. Полежаев, житель Уманской, – правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы-белорусы, народ крепкий, надежный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд равносителен вливаю крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете» [1, с. 204].

Некоторые аспекты переселенческой политики из Беларуси в южные районы СССР нашли отражение в статье белорусского историка В.Е. Козлякова. В частности автор отметил стремления партийных руководителей Беларуси и Северо-Кавказского региона осуществлять жесткое регулирование переселенческих процессов из Беларуси в начале 30-х гг. XX в. [4, с. 34].

Вероятно, жесткое регулирование миграционными процессами, как с одной, так и с другой стороны, а также голод, так называемое «раскулачивание» и необоснованные репрессии привели к значительному снижению доли белорусов среди других этнических групп Кубани. По подсчетам В. Н. Ракачева и Я. В. Ракачевой, сделанным на основе переписи 1926 г., к белорусам отнесли себя 23 336 чел. (0,74 % населения). Перепись 1939 г. фиксирует численность белорусов в количестве 11 583 чел. (0,39 %) [5, с. 118]. Не исключено, что к 1939 г. уменьшение доли белорусов было связано и с тем, что значительная их часть стала считать себя русскими.

К сожалению, мало сведений о жизни и деятельности белорусов на Северном Кавказе и Кубани в послевоенный период. Историки, этнографы, социологи оперируют, в основном, данными переписей населения данного региона, приводят изменения численности здесь белорусов. Статистические данные переписи 1979 г. дали возможность назвать белорусов третьим народом из восточных славян, проживавших на территории Северного Кавказа и Кубани – 86 тыс. чел., что составило 0,6 % общей численности населения. Причем, значительная часть белорусов проживала в Краснодарском крае – 32 тыс. (0,7 %), Ставропольском крае – 14 тыс. (0,5 %) и Ростовской области 30 тыс. (0,9 %) [6, с. 24-25]. Однако следующая перепись населения (1989 г.) фиксирует уже снижение доли белорусов в этом регионе, хотя их численность в Краснодарском крае тогда даже возросла – 34 668 чел. (0,75 %) [7, с. 138]. Но в Ставропольском крае доля белорусов среди населения края перед распадом СССР удерживалась в пределах 0,5% [8, с. 124].

Что касается сведений о белорусах, проживавших в национально-территориальных автономиях Северного Кавказа в советский период (Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, Адыгея, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия), то эти сведения весьма отрывочны. Например, по данным переписи 1989 г., в Кабардино-Балкарии проживало около 2 тыс. белорусов (0,2 % ко всему населению республики) [9, с. 15].

Белорусы, которые сегодня проживают на Северном Кавказе и Кубани, стараются объединиться в свои национально-культурные объединения (НКО). Белорусские НКО созданы в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, Кабардино-Балкарии.

В этих непростых условиях постсоветского пространства, обострения межэтнической напряженности важно понять как россияне, прежде всего жители Северного Кавказа, воспринимают Беларусь как страну и белорусов как народ. Ведь не секрет, что конфликты, войны или, наоборот, отношения сотрудничества и солидарности оставляют след в генетическом понятии народа, определяя и через столетия окраску и направленность образов друг друга.

Чтобы выяснить эти представления в июле–августе 2012 г. было проведено социологическое исследование сотрудниками Кубанского государственного университета среди жителей Краснодарского края. Исследование показало, что ядро образа Беларуси и белорусов характеризуют три компонента: политико-правовые, экономические и этнокультурные характеристики.

Наибольшая степень согласованности проявилась в таких элементах как белорусские товары, качества белорусов. На основе эмоционального компонента стереотипа в исследовании выявлены «позитивный» и «негативный» образы Беларуси. Установлено, что по степени интенсивности в целом преобладает «позитивный» образ Беларуси. Содержание «позитивного» образа можно передать с помощью таких типичных элементарных обоснований: «развитая экономическая страна», «демократическое государство», «социальное государство», «союзник России», «братский дружественный народ» [10, с. 37 – 39].

Вопросы переселений из Беларуси в южные регионы России и вклада белорусов в формирование этнического пространства этого региона нашли свое отражение в коллективной монографии белорусских и российских ученых «Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания». В частности в монографии на примере исторических и культурных связей народов Беларуси с территорией Северного Кавказа и Кубани и социологических методик исследуются вопросы взаимопознания народов Беларуси и России, характеризуются коллективные портреты друг друга в восприятии современных белорусов и россиян [11].

Таким образом, проблема вклада белорусов в формирование этнического пространства Северного Кавказа и Кубани нашли опре-

деленное отражение современной белорусской и российской историографии. Но исследования должны быть продолжены. Требуется дальнейшего изучения организация переселенческих процессов как из Беларуси на Северный Кавказ и Кубань, так и в обратном направлении в разные исторические периоды. Актуальным остается выяснение степени адаптации переселенцев к новым условиям.

Использованные источники и литература

1. Бондарь, Н.И. Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы /Н.И. Бондарь, О.В. Матвеев, В.Н. Рокачев; под ред. О.В. Матвеева. // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар, 2008. – Вып. 4. – С. 204-207.

2. Матвеев, О.В. Некоторые итоги и перспективы изучения культуры славянского населения Кубани и Черноморья / Матвеев О.В. // Славяноведение. – 2013. – № 1. – С. 91-98.

3. Ракачев, В.Н. В. Этнический аспект государственной политики по управлению миграциями в 1920 – 1940-е гг. на Северо-Западном Кавказе / В.Н. Ракачев, Я.В. Рокачева // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы Всероссийской научно-практ. конференции. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – С. 132 – 139.

4. Козляков, В.Е. К вопросу об организации переселений из Беларуси в южные районы СССР (20 – 30-е гг. XX в.) / Козляков В.Е. // Труды БГТУ. Научный журнал. 2014. – № 5 (169). История, философия, филология. – С. 30 - 34.

5. Ракачев, В.Н. В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. / В.Н. Ракачев, Я.В. Рокачева – Т. 2. 1930 – 1950-е гг. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007.– С. 114 – 128.

6. Смейле, Ю.В. Население Северного Кавказа / Ю.В. Смейле – Ростов-на-Дону: Институт народного хозяйства. 1988. – 124 с.

7. Тер-Саркисянц, А.Е. Национальные меньшинства Краснодарского края Российской Федерации: история и современное положение / А.Е. Тер-Саркисянц // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX в.: сб. статей / Ин-т этнологии и антропологии Рос. акад. наук; отв. ред.: В.А. Тишков, С.В. Чешко. М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии РАН, 1996. – С. 132 – 138.

8. Авксентьев, А.В. Северный Кавказ в этнической картине мира / А.В. Авксентьев, В.А. Авксентьев. – Ставрополь: изд-во Ставропольского государственного университета, 1998. – 142 с.

9. Волкова, Н.Г. Кабардино-Балкария: современные этнодемографические и этнокультурные процессы / Н.Г. Волкова // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX в.: сб. статей / Ин-т этнографии и антропологии Рос. акад. наук; отв. ред.: В.А. Тишков, С.В. Чешко. – М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии РАН, 1996. – С. 10 – 16.

10. Суций, С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. / С.Я. Суций. – М.: Ленанд, 2013. – 112 с.

11. Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания: монография / В. Е. Козляков [и др.]. – Минск: БГТУ, 2017. – 218 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕЯ В БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Кукса А. Н.

г. Минск, БНТУ

Большое влияние на выработку государственных концепций в Беларуси сыграли национальные революции начала XIX в., прокатившиеся по европейским странам. Именно в них начали подниматься вопросы о том, что национальные интересы может защитить только национальное правительство.

Разнообразие возможных геополитических комбинаций на территории Беларуси и Украины продемонстрировали события начала XX в. Устав от постоянных потрясений, люди видели выход только в уничтожении старого. Существовавшая же политическая система абсолютной монархии не сумела адаптироваться к новым условиям и предоставить альтернативное решение назревшей проблемы. Политические силы, отстаивавшие национально-демократическую модель, потерпели поражение в борьбе за суверенный статус своих народов. Представители советской модели оказались более гибкими и, подхватив эту идею, В. И. Ленин настоял на создании СССР. Советский Союз должен был поглотить все конфликты, возникшие на базе национальных, социальных и религиозных противоречий.

Национальный фактор сыграл исключительно важную роль в событиях 1917 г., определяя прогрессивный и революционный характер. В то же время глубина проникновения и понимания национальной государственной идеи в различных регионах была неодинаковой. В Беларуси представители общественно-политических организаций и партий от имени народа требовали национально-территориальной автономии в рамках такой ограниченной административной единицы как край (А. Цвикевич и др. вообще выступали за национально-культурную автономию), таким образом, значительно сужая национальный фактор ради расширения социальной базы в своей работе.

На территории Украины этот процесс пошел иным путем. Решение всех социальных проблем лидеры партий и общественных организаций виделось в актуализации национального фактора. Председатель Центральной рады М.С. Грушевский требовал широкой национально-территориальной автономии и предоставления права национальной элите самостоятельно искать пути и варианты решения проблем, возникающих в Украине с одной стороны, а с другой – иметь право самостоятельно распоряжаться национальными богатствами, налогами и доходами от международных соглашений.

В это же время С. Петлюра пытался всколыхнуть огромные массы солдат-украинцев, которые находились на Западном фронте. На собрании в Минске он, указывая на нарушение Россией договора Б. Хмельницкого, призывал к организации украинских сил на фронте, ибо «только организованный народ сможет использовать ту свободу, которую теперь получил, и закрепить свои политические и национальные права, которые наиболее полно смогут выявиться только при демократически-республиканском и федеративном устройстве России, с автономной Украиной» [1, с. 2].

Но Московское и Петроградское совещания 1917 г. засвидетельствовали враждебное отношение русской общественности к идее национально-территориальной автономии. Кардинально иной подход продемонстрировало советское руководство. Направленный в 1919 г. в Минск А.А. Иоффе констатировал, что «обстоятельства не благоприятствовали нам (большевикам – А. К.) в начале октября (1917 г.), когда националистическое движение в среде мелких национальностей означало победу мелкобуржуазных элементов». Это заставило советское руководство изменить тактику при решении

национального вопроса. Приняв в ноябре 1917 г. Декларацию о самоопределении народов вплоть до отделения, попытались предопределить эволюцию национальной борьбы в классовую. Но, по мнению А.А. Иоффе, «период «большевизации» России закончился Брестом. Настала реакция, от нас стали отпадать целые области» [2, с. 95]. Путём введения нейтральных лиц для осуществления политического руководства советскими республиками нивелировался национальный вопрос. Мотивируя введение нейтрального лица (как в Харькове Х. Г. Раковского), руководители Советской России указывали, что это «смягчит группы белорусов и обкомзавповцев» [3, с. 67].

А.Ф. Мясников в 1921 г. указывал на тот факт, что появление оппозиции в рядах коммунистической партии связано с так называемой украинской оппозицией. «Навязывание местам новых, сверху назначенных партийных комитетов, целых властей (даже правительств!) и отдельных работников. Посылка на места задиристых неприступных уполномоченных. Давление на периферии в противовес «областничеству» и «самостийности». В этом надо искать значительную часть оппозиционности в партии. Перемещение («ссылка») отдельных групп и товарищей неподходящих для данной обстановки или не оправдавших себя на работе. Личный режим и личная диктатура, проявленная со стороны отдельных руководящих товарищей» [4, л. 53].

Таким образом, государственная идея в Беларуси прошла сложный и долгий путь становления. Период самодержавия наложил свой отпечаток на мировоззрение национальных лидеров, которые до начала XX века рассматривали развитие своих народов только в контексте общерусской истории. От этой концепции украинские лидеры начали отходить в ходе революционных событий 1917 г., а белорусские идеологи пришли к этому только после подписания Брестского мира. Судьба белорусского народа, в итоге стала прерогативой руководства Советской России. Тактические цели большевиков в отношении провозглашения независимых советских республик Беларуси и Украины определялись стремлением противостоять нарастающему национальному движению и усиливающемуся влиянию западных соседей на события внутри страны. Цепь небольших национальных буферных республик должна была погасить пламя гражданской войны внутри страны и отбить желание в проведении иностранных интервенций.

Использованные источники и литература

1. Вестник комитета Западного фронта. – 1917. – № 294(450).
2. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў / пад рэд. І. І. Антановіч, У.М. Міхнюк, В.К. Ракашэвіч. – Мінск: БелНДЦДАС, 1997. – Т. 1 (1917–1922 гг.).
3. Первое января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии: документы и материалы / сост. В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]; науч. ред. М.Ф. Шумейко. – Минск: Лимариус, 2005.
4. Рукопись книги А. Мясникова «За партию» изданной в 1921 г. и фотографии А.Ф.Мясникова // НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 100.

БОРЬБА С КОНТРАБАНДОЙ В БССР НА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Лепеш О. В.

г. Минск, БНТУ

Период 20-х гг. XX в., после Первой мировой, гражданской, советско-польской войн характеризовался тяжелым социально-экономическим положением страны, что серьезно подрывало престиж государственной власти в наиболее затронутых разрухой районах. Упадок промышленности и сельского хозяйства, рост цен и безработица, острый товарный дефицит и огромные очереди за элементарными предметами первой необходимости порождали спекуляцию и стимулировали рост преступности. Материальные затруднения населения способствовали развитию «черного рынка» и превращению контрабандной торговли в реальный вид высоко доходной социально-экономической деятельности приграничного населения в период новой экономической политики, оживившей рынок и легализовавшей частную инициативу. Для проживавших в зоне советско-польских рубежей после подписания Рижского мирного договора открывались возможности получать огромные деньги от продажи дефицитных товаров, что приводило к тому, что практически все приграничное население занималось контрабандой [1, л. 90].

Расширению и активизации деятельности контрабандистов способствовало нахождение на территории Польши, в пограничной

полосе с СССР концессионных лавок и фирм, доставлявших к определенным местам границы товары для снабжения контрабандистов. Эти лавки находились на нейтральной полосе перед линией польских пограничников, были выгодны польскому правительству, поскольку приносили огромные доходы. Например, по сведениям таможенных органов в 1924 г. возле Изяславской таможни находились польские лавки в местечках Волма, Раков и Радошковичи, возле Негореловской таможни на станции Столбцы располагались лавки Кемпинского и Рудковского, возле Слуцкой таможни – фирмы «Иорданский» в местечке Клецк и «Шильтпред» в городе Несвиже, возле Житковичской таможни – лавки в местечках Микашевичи и Войткевичи [2, л. 53об.]. Исходя из этого, советской стороне бороться с польской «государственной контрабандой» было чрезвычайно трудно. Эти лавки были закрыты или перенесены в тыл только к 1926 г., что создало для контрабандистов большие трудности и привело к сокращению показателей незаконного перемещения товаров через границу.

Борьба с контрабандой на советско-польских рубежах в первой половине 1920-х гг. была возложена на работников таможенного ведомства, пограничную охрану, Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД, а также на милицию. Таможенное ведомство в БССР было представлено созданным в мае 1922 г. Западным таможенным округом (ЗТО), в состав которого входило 9 таможен – Себежская, Дриссенская, Полоцкая, Лепельская (переведена затем в Вольбаровичи), Минская, Слуцкая, Изяславская, Негореловская и Житковичская; а также 20 таможенных постов. Граница с Польшей затрагивала территорию действия 7 из 9 таможен – Минской, Полоцкой, Изяславской, Вольбаровичской, Негореловской, Слуцкой, Житковичкой. Наибольшее количество задержаний контрабандных товаров на советско-польской границе в январе-сентябре 1922 г. наблюдалось в Минской (62 %), Изяславской (15 %), Негореловской (12 %), Слуцкой (9 %) таможнях [3, л. 11]. В первом полугодии 1924 г. в числе таможен, где было произведено наибольшее количество задержаний с контрабандой, фигурировали Минская, Полоцкая, Изяславская и Негореловская таможни [4, л. 72]. В отчете начальника ЗТО Я.Э. Олина за 1922 г. было обозначено, что Минск был наводнен контрабандными товарами, тракты, входившие в район действия Изяславской таможни, – Виленский,

Краковский, Соломореченский, Долгиновский и Старосельский, – служили для провоза контрабанды «в особенности в летнее время, в зимнее же время контрабанда провозится по самым незначительным дорогам, а в большинстве случаев по полям и замерзшим болотам» [5, л. 9, 23]. В автобиографическом романе С. Песецкого «Любовник Большой Медведицы» «золотым» временем деятельности польских контрабандистов называется осень, когда землю устилали листья, ночи становились длиннее, а потому проще было пронести запрещенный товар [6, с. 47.].

Какие же товары входили в перечень импортной и экспортной контрабанды в первой половине 1920-х гг.? В СССР переправляли, в первую очередь, товары первой необходимости – хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые ткани, трикотажные и шерстяные чулки, женские кофты, выделанную кожу, краски, дамские гребни, детские соски, перламутровые пуговицы, бритвы, кремни для зажигалок, карандаши, медикаменты, мыло, сахарин, чай, какао [7, л. 90]. Все было на вес золота в советском государстве в этот период, все пользовалось бешеным спросом, что, в свою очередь, приводило к обогащению контрабандистов. Так, в 1925 г. 1 фунт немецкой кожи-лак за границей стоил 1р.20 коп., а продавался в СССР за 5 руб; закупочная цена упаковки французских перламутровых пуговиц была 70 коп., в СССР же ее продавали более 5р., дамский шерстяной жакет стоил в Польше 3-5 р., а продавался в СССР за 25-30 р. Поэтому выгода для теневых дельцов была очевидная, поскольку в СССР производство товаров контрабандной номенклатуры удовлетворяло спрос лишь на 25 % [8]. Экспортная контрабанда была представлена щетиной, пушниной, невыделанной кожей, изделиями из благородных металлов, золотыми монетами [9, л. 90].

В 1920-х гг. контрабандой преимущественно занимались крестьяне, заработок от проноса контрабанды которых являлся главным источником их существования. Они сбывали принесенные контрабандные товары местным торговцам, которые переправляли полученное уже в глубь БССР и СССР. Например, из Вольбаровичского района контрабанда переправлялась в Витебск и Оршу, из Изяславского и Негореловского – в Минск, оттуда в Москву и Харьков, из Негореловского – в Минск, Борисов, Бобруйск, из Полоцкого – в Витебск, Невель, Ленинград, Орел, Одессу [10, л. 9, 52об., 53, 100] Кроме крестьян в контрабандной деятельности часто уличали же-

лезнодорожных и почтовых служащих, агентов разных ведомств, которые имели профессиональные возможности перевозить запрещенный товар. Железнодорожники, зная устройство вагонов, прятали контрабанду во все тайные места: за обшивку вагонов, в баках под вагонами в ящиках, на верху вагонов в вентиляторах и даже в фонарях на паровозах [11, л. 15].

Как переправляли контрабанду через границу? Сначала товар закладывался и доставлялся польскими контрабандистами на конспиративные квартиры и на хутора («малины»), которые размещались вдоль границы. Затем через хорошо отлаженные каналы об этом сообщалось тем, кто непосредственно занимался «переброской» товара через границу, что являлось наиболее сложной, небезопасной задачей. Кроме этого, белорусские контрабандисты имели и перевалочные базы на польской стороне: в Ракове, Столбцах, Рубежовичах, Волме, Ивенце и других приграничных местечках Западной Беларуси [12, л. 17об.].

Таможенники отмечали, что «к ухищрениям проноса и провоза контрабанды следует отнести: провоз контрабанды внутри двух досок, служащих настилкой саней; пронос валюты и драгоценностей зашитыми в пальто, чулках, фартуке и пронос золотых монет, пришитых в виде пуговиц; пронос золотых монет в колбасе и мыле; провоз гребешков в клубках льняной пряжи, перламутровых пуговиц, запеченных в булке и хлебе» [13, л. 62], пронос краски в одежде на себя холщовых панцирях. Очень часто контрабандисты делали двойное дно и тайные стенки у предметов, которые не должны были вызвать подозрение на границе. Например, в одном из дел Национального архива Республики Беларусь нами было найдено фото двух молодых людей, сидевших на скамейке с корзинами, наполненными луком. В сопроводительных комментариях было указано, что сотрудниками Минской таможни в 1924 г. на железнодорожной станции Минск был задержан житель Острошицкого Городка Дарер Соломон Моисеевич с корзинами лука, при тщательном обследовании которых были замечены двойное дно и боковые стенки у данных корзин. В этих тайниках были спрятаны 48 котиковых шкур, 69 р. 45 к. серебряными монетами [14, л. 3].

Безусловно, такой разгул контрабанды в западных областях не мог не беспокоить советское правительство. Постановлением СНК РСФСР от 8 декабря 1921 г. для организации борьбы с контрабан-

дой была создана специальная Центральная комиссия [15, с. 118-119]. Комиссия контролировала деятельность местных органов по борьбе с контрабандой и принимала в случае необходимости чрезвычайные меры. Для непосредственного руководства борьбой с контрабандой на местах решением Центральной комиссии от 23 декабря 1921 г. создавались окружные комиссии в каждом пограничном военном округе. Окружным комиссиям предоставлялось право создавать на отдельных направлениях районные комиссии по борьбе с контрабандой. В первую очередь окружные комиссии создавались в Петрограде при Особом отделе Петроградского военного округа (с районными комиссиями в Мурманске, Петрозаводске и Пскове), в Смоленске (с районными — в Полоцке и Минске) [16, с. 190]. 18 ноября 1922 г. приказом по ЗапГО была образована окружная, а также Минская и Витебская участковые комиссии по борьбе с контрабандой. Также при таможах начали формироваться специальные «Летучие отряды по борьбе с контрабандой». Таможенные стражники, входившие в состав «Летучих отрядов» могли самостоятельно производить обыски и выемки у всех подозрительных лиц, осматривать обозы, поезда, а потом, в случае поимки контрабандиста, доставляли его в ближайшее таможенное учреждение.

Однако в начале 1920-х гг. работу таможенников осложняло слабое взаимодействие с погранохраной, агентами особых отделов ГПУ. Так, в зоне 7,5 км от границы, согласно постановлению советского правительства, должны были находиться исключительно представители погранохраны и ГПУ, и только за пределами 7,5 км зоны борьбой с контрабандой уже занимались таможенники, органы ГПУ и милиция. В силу природных особенностей местонахождения некоторых таможен (лесистость, заболоченность) вести противоконтрабандную деятельность для пограничников было очень сложно. Более того, пограничники очень часто нарушали протокол задержания контрабандистов, не вовремя доставляли задержанные товары в таможенные учреждения: с опозданием более полу года [17, л.54 об.]. Также в отчетах начальников таможен ЗТО отмечается недостаток должного транспорта в таможах, вследствие чего приходилось «быть простым зрителем в то время, когда контрабанда удаляется» [18, л. 77 об.], оружия и даже непромокаемой одежды и обуви. В целом, неудовлетворительные условия для проживания и работы таможенных служащих характерны для того вре-

мени. Жили они в сараях, на чердаках, работали фактически под открытым небом.

Несмотря на эти сложнейшие условия, слабую материально-техническую обеспеченность, в первой половине 1920-х гг. таможенники, работавшие на границе, провели наибольшее количество задержаний контрабанды – около 50 % [19, л. 7,18]. Правительство старалось стимулировать задержателей контрабанды. В 1921 г. вышел декрет «О премировании задержателей контрабанды». В качестве премии тому, кто задерживал контрабандный товар, отчислялось 20 % конфискованного имущества, из которого 1/3 выдавалась непосредственно задержателю, 1/3 – косвенно участвовавшему в задержании и 1/3 распределялась между таможенными работниками данного округа [20]. В 1924 г. постановлением СНК СССР на вознаграждение лиц, имевших прямое и косвенное отношение к задержанию, шло уже 70 % задержанной контрабанды, а 30 % – в спецфонд для пограничников [21]. Задержателям выдавались и специальные продовольственные пайки. В 1925 г. ВЦИК СССР принял новое постановление, согласно которому прямым задержателям выдавалось 20 % стоимости контрабанды, но не свыше 25 тыс. руб. Правда, как показывала практика, очень часто эти премии существенно задерживались в силу низкой оперативности продажи конфискованных товаров, которые, зачастую, портились на необорудованных складах. Так, конфискованные шкурки пушных зверей могли высохнуть и потерять товарный вид, продукты питания могли быть съедены грызунами либо заплесневеть [22, л. 182].

Во второй половине 1920-х гг. наблюдается снижение показателей контрабанды на советско-польской границе. В докладе Центральной комиссии по борьбе с контрабандой за 1925/1926 г. указывалось на резкое понижение задержаний контрабанды на Белорусско-Польском участке (175686 руб. в 1925/1926 году против 416892 руб. в 1924/1925 году) [23, с. 231]. Это было связано с тем, что Эстония, Латвия и Польша, начиная с конца 1924 г, усилили охрану своих границ и затруднила тем самым к себе доступ контрабандистов. Многочисленные транзитные лавки и кооперативы, расположенные в погранполосе упомянутых государств и имевшие целью снабжение контрабандистов товарами, были закрыты и передвинуты в тыл. В номенклатуре же привозных контрабандных товаров обращает на себя внимание уменьшение в 1925/1926 г. не-

законный ввоз галантерейных товаров, сахара, чая, табака, увеличение привоза парфюмерии и косметики, шерстяных тканей, пишущих машинок, металлоизделий, различных приборов (арифмометры) и даже автомобилей. Указанный состав ввозимого товара косвенно указывал на относительный рост хозяйственного благосостояния советских жителей в период проведения НЭПа, когда спрос населения был связан уже с более дорогими товарами широкого потребления, предметами роскоши. В номенклатуре вывозных товаров преобладали, в первую очередь, изделия из ценных металлов (шлиховое золото, например).

Менялся и характер внедрения запрещенных товаров. Если до 1923 г. контрабанду задерживали в основном крупными партиями, то с 1924-1925 гг. контрабанда перешла в посылочную и пассажирскую формы при пересечении границы по железной дороге.

В целом, в первой половине 1920-х гг. наблюдался массовый рост как импортной (в большей степени), так и экспортной контрабанды. Главной причиной роста внедрения запрещенных товаров незаконным путем являлся недостаток на внутреннем рынке СССР необходимых товаров. Безработица, малоземелье, отсутствие побочных заработков толкали на занятие контрабандой жителей пограничной полосы (в основном крестьян), которые видели в этом единственный способ заработка. Тем не менее, представители таможенных органов (в первую очередь), пограничная охрана, ГПУ и милиция смогли сдержать накал контрабанды и привести к стабильному снижению показателей незаконного перемещения товаров через границу во второй половине 1920-х гг.

Использованные источники и литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). —Ф. 129. Белорусское отделение Главного таможенного управления НКВД СССР. Оп. 2. Д. 52. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за 1922 и 1923 гг.

2. НАРБ. — Фонд. 129. Оп. 2. Д. 96. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за первое и второе полугодие 1924 г.

3. НАРБ. — Фонд. 129. Оп. 3. Д. 7а. Диаграммы задержаний контрабанды в районе Западного таможенного округа за январь 1922 — июнь 1923 г.

4. НАРБ. – Фонд. 129. Оп. 2. Д. 96. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за первое и второе полугодие 1924 г.
5. НАРБ. – Фонд. 129. Оп. 2. Д. 52. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за 1922 и 1923 гг.
6. Песецкий, С. Любовник Большой Медведицы. / С. Песецкий – Минск, 2016.
7. НАРБ. – Фонд. 129. Белорусское отделение Главного таможенного управления НКВД СССР. Оп. 2. Д. 52. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за 1922 и 1923 гг.
8. Внешняя торговля. – 1926. – № 3. – С. 10-11.
9. НАРБ. – Фонд. 129. Оп. 2. Д. 52. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за 1922 и 1923 гг.
10. НАРБ. – Фонд. 129. Оп. 2. Д. 96. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за первое и второе полугодие 1924 г.
11. НАРБ. – Фонд. 129. Оп. 2. Д. 52. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за 1922 и 1923 гг.
12. НАРБ. – Фонд. 129. Оп. 2. Д. 96. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за первое и второе полугодие 1924 г.
13. НАРБ. – Фонд. 129.
14. НАРБ. – Фонд. 129. Оп. 3. Д. 17а. Диаграммы главнейших предметов задержаний контрабанды в районе Западного таможенного округа за январь – декабрь 1924 г.
15. В.И. Ленин и охрана государственной границы СССР. Сборник документов и статей. – М., 1970.
16. Пограничные войска в СССР 1918 – 1928. Сборник документов и материалов. – М., 1973.
17. НАРБ. – Фонд. 129. Белорусское отделение Главного таможенного управления НКВД СССР. Оп. 2. Д. 96. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за первое и второе полугодие 1924 г.
18. НАРБ. – Фонд. 129. Оп. 2. Д. 52. Отчеты о деятельности Западного таможенного округа за 1922 и 1923 гг.
19. НАРБ. – Фонд. 129. Оп. 3. Д. 7а. Диаграммы задержаний контрабанды в районе Западного таможенного округа за январь 1922 – июнь 1923 г.
20. Декрет СНК. «О премировании задержателей контрабанды» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://istmat.info/node/46964>
Дата доступа: 12.08.2019.

21. Постановление СНК СССР от 26 февраля 1924 г. «О порядке распределения сумм, вырученных от реализации контрабандных товаров, конфискованных таможенными органами» – [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1969.htm. Дата доступа: 12.08.2019.

22. НАРБ. – Фонд. 129. Белорусское отделение Главного таможенного управления НКВД СССР. Оп. 2. Д. 32. Переписка со Слуцкой таможней о ее деятельности.

23. Пограничные войска в СССР 1918–1928. Сборник документов и материалов. – М., 1973.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1965 г. В БЕЛАРУСИ

Литвиновская Ю. И.

г. Минск, БГУИР

Трудности в экономике Советского Союза в первой половине 1960-х гг., наиболее зримым проявлением, которых было повышение цен в мае 1962 г., способствовали тому, что в высших эшелонах власти начинают всё в большей степени осознавать необходимость постепенного перехода к экономически обоснованным методам руководства народным хозяйством. Проходившая в стране в 1962–1964 гг. экономическая дискуссия также обратила внимание на растущую неэффективность централизованной системы управления. Состояние дел в экономике настоятельно требовало безотлагательного решения накопившихся проблем.

В Беларуси, например, отмечалось на проходившем в марте 1966 г. XXVI съезде КПБ некоторые предприятия не справились с заданиями семилетнего плана (1959 – 1965 гг.) по выпуску валовой продукции и ассортименту, по производительности труда, снижению себестоимости и улучшению качества продукции. В ряде отраслей промышленности медленно осваивались вводимые мощности. Недостаточно внимания уделялось вопросам научной организации и условий труда рабочих [2, с. 575 – 576].

Начало конкретным шагам в этом направлении было положено в 1965 г. на двух пленумах ЦК КПСС — мартовском, где было рассмотрено положение в сельском хозяйстве, и сентябрьском, в центре внимания которого стояли вопросы развития промышленности.

На сентябрьском пленуме был рассмотрен вопрос «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». С докладом по этому вопросу выступил глава советского правительства А.Н. Косыгин. Он отметил как позитивные сдвиги в экономике страны, так и то что тормозило её поступательное движение, как-то — снижение темпов роста национального дохода в первой половине 60-х гг., а также такого важнейшего показателя работы промышленности как производительность труда. Увеличились диспропорции в развитии отраслей тяжёлой и лёгкой промышленности. Неудовлетворительными являлись темпы капитального строительства и внедрение в производство новейших научно-технических разработок. В решениях пленума было отмечено, что сложившаяся структура управления, методы планирования и экономического стимулирования в планировании «не отвечают современным условиям и уровню развития производительных сил» [1, с. 329]. Комплекс мероприятий намеченных пленумом получил название хозяйственной реформы. Он предусматривал сочетание улучшения государственного планирования с полным хозяйственным расчётом на предприятиях, централизованного отраслевого управления с широкой хозяйственной инициативой на местах, единоначалие на производстве с активизацией роли трудовых коллективов. Хозяйственная реформа в промышленности нацеливалась на решение конкретных задач. К числу первоочередных относилось внедрение в практику новых методов управления через министерства по отраслям промышленности. В соответствии с решением пленума совнархозы ликвидировались. К октябрю 1965 г. в Беларуси было образовано 6 союзно-республиканских министерств и 3 республиканские (местной промышленности, торфяной и сельского строительства) [1, с. 553].

Расширялась хозяйственная самостоятельность предприятий. Это обеспечивалось сокращением числа плановых показателей, утверждаемых сверху (9 вместо 100). Результаты хозяйственной деятельности оценивались не по объёму валовой продукции, как это было прежде, а по объёму реализованной и полученной прибыли. Директивные органы должны были определять для предприятий лишь основные задачи такие как, объём реализованной продукции, номенклатура изделий, прибыль и др. Расширились права руководителей предприятий в использовании фонда заработной платы,

роста производительности труда, снижении себестоимости продукции, определении численности персонала и т.д.

С развитием и укреплением хозяйственного расчёта были тесно связаны и вопросы экономического стимулирования работающих. На каждом предприятии с этой целью создавались кроме фонда развития производства, фонды материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Они наполнялись за счёт отчислений от прибыли, которую получало предприятие. Таким образом, прибыль становилась как важнейшим источником стимулирования производства, так и основой материального поощрения работников.

Принципы хозрасчёта внедрялись не только внутри предприятий, но и насаждались во взаимоотношения между субъектами хозяйствования. Таким образом, одобренная в 1965 г. сентябрьским пленумом ЦК КПСС экономическая реформа являлась попыткой соединить централизованное руководство народным хозяйством с хозяйственной самостоятельностью промышленных предприятий, то есть совместить экономические и директивные методы руководства, что изначально являлось задачей весьма противоречивой и слабо реализуемой.

Однако, первые шаги реформы вселяли надежды. Первыми на новые условия работы начали переходить лучшие в своих отраслях предприятия. В Беларуси это был Гомельский стеклозавод. В 1966 г. по такой программе работало уже 40 предприятий республики [1, с. 554]. А с 1967 г. на новые условия хозяйствования переходят уже целые отрасли промышленности.

Минский часовой завод перешёл на новую систему планирования и экономического стимулирования в июне 1966 г. и в короткие сроки добился хороших результатов. Если, например, в 1966 г. фонд развития производства на заводе составлял 124 тыс. руб., то в 1968 г. – 540 тысяч. Со 181 тыс. до 540 тыс. за это же время вырос фонд социально-культурных мероприятий, а фонд материального поощрения увеличился более чем в 3,5 раза – с 530 тыс. рублей до 1 млн. 889 тысяч [6, л. 315].

Научно-технический прогресс в республике осуществлялся в направлении улучшения структуры промышленности, технического перевооружения и совершенствования производства. Более быстрыми темпами развивались отрасли, которые являлись опреде-

ляющими для технического прогресса, как-то электроника и приборостроение, точное станко- и машиностроение, энергетика и химическая промышленность. Параллельно с этим шла модернизация и техническое совершенствование производственных процессов в других отраслях промышленности. Только за четыре года восьмой пятилетки (1966–1970 г.) было установлено более 1200 поточно-механизированных линий, автоматизировано 460 цехов, участков и производств, введено в эксплуатацию 9 крупных информационно-вычислительных центров базе ЭВМ [7, л. 180, 181].

Важным направлением технического прогресса являлось активное внедрение новейшей техники и новых технологических процессов. Большое значение имело также совершенствование организационных форм управления предприятиями. Эта проблема особенно актуальной была для Беларуси, где около половины из общего числа промышленных предприятий являлись мелкими, насчитывающими до 200 человек работающих. Производительность труда на них была в 5, а фондоотдача — в три раза меньше чем на крупных. Здесь труднее было использовать новейшую технику и технологию. На этих предприятиях особенно велика была доля ручного труда [3, с. 11]. Повысить технический уровень и эффективность работы таких предприятий можно было только путём включения их в более мощные производственные объединения.

Создание производственных объединений с учётом отраслевых особенностей заняло важное место в деятельности государственных и хозяйственных органов Беларуси. В эти объединения включались родственные предприятия, научные, проектно-конструкторские и технологические организации. Концентрация материальных ресурсов, инженерных и конструкторских кадров позволила создать современные технические службы, опытно-экспериментальные участки и подразделения по механизации и автоматизации производственных процессов, вооружить их новой техникой.

В 1970 г. в Беларуси работало 28 производственных объединений. Они играли значительную роль в повышении эффективности общественного производства, его техническом и экономическом совершенствовании, в дальнейшем улучшении управления производством в целом.

Одной из наиболее актуальных проблем в работе белорусской промышленности всегда оставалось повышение эффективности

труда. Она, прежде всего, упиралась в состояние трудовой дисциплины на предприятии. Вопрос был предметом особой озабоченности и администрации заводов и фабрик, и общественных организаций. Он был предметом обсуждения на многочисленных экономических конференциях и семинарах. В апреле 1967 г. в Минске совместно с «Экономической газетой» была проведена областная экономическая конференция «Укрепление социалистической дисциплины труда – важнейшее условие повышения эффективности общественного производства» [5, л. 83].

Осуществляя действия по укреплению дисциплины труда, ликвидации потерь рабочего времени, внедрению рациональных приёмов и методов труда, администрация предприятий значительное внимание уделяла и научной организации труда (НОТ). На предприятиях Гомеля, например, с привлечением новаторов производства, научных и инженерно-технических работников были созданы общественные советы, творческие бригады, лаборатории, бюро и группы НОТ. Только в 1967 г. они разработали более 3 тыс. мероприятий по научной организации труда, повышению общей культуры производства. Экономический эффект от внедрения только части из них составил в 1967 г. свыше 1 млн. рублей [4, л. 6].

Переход на новые методы хозяйствования, необходимость резко повысить их экономической эффективности также выдвигал на повестку дня задачу установления и укрепления связей учёных и производственников. Достаточно сказать, что в 1970 г. в Беларуси имелось 176 научных учреждений, и почти третья часть из них занималась тематикой, связанной с техническим прогрессом в народном хозяйстве [7, л. 200]. Упрочились связи научных учреждений и вузов с предприятиями. Белорусские учёные за годы пятилетки осуществили много ценных научно-исследовательских, проектно-конструкторских и проектно-технологических работ. В результате заводы и фабрики республики освоили за этот период около двухсот видов более совершенной продукции — новых моделей станков, автомобилей, радиоэлектронного оборудования и др. [13, с. 1].

Неуклонно повышалась и роль инженерно-технических работников (ИТР) предприятий в ускорении технического прогресса. В Минске, например, экономическая эффективность труда ИТР в 1970 г. более чем в два раза увеличилась по сравнению с 1965 г. [7, л. 76]. Ситуация с внедрением в производство достижений науки

и техники, передовых технологий была подвергнута всестороннему анализу в апреле 1970 г. на пленуме ЦК КПБ при обсуждении вопроса «О мерах по ускорению технического прогресса в промышленности, строительстве и на транспорте республики». Пленум определил главные направления по развитию технического прогресса, вытекавшие из потребности республиканской промышленности [12, с. 1]. Большую роль в борьбе за технический прогресс играли рационализаторы и изобретатели. Внедрение их предложений содействовало повышению эффективности производства, росту производительности труда, экономии материальных и трудовых ресурсов, улучшению качества продукции. На Минском тракторном заводе, например, только по литейному цеху № 1 благодаря усилиям рационализаторов за годы восьмой пятилетки было сокращено и переведено на другие участки 338 рабочих, причём, производство выросло на 56 процентов. А всего по литейным цехам МТЗ было высвобождено 756 человек. Выпуск литья при этом увеличился на 23 процента [9, с. 3]. За 3 года и 10 месяцев восьмой пятилетки экономическая эффективность внедрённых в производство предложений белорусских рационализаторов и изобретателей составила 210 млн. рублей [10, с. 7– 8].

Популярным средством привлечения рабочих и ИТР промышленных предприятий к решению конкретных проблем являлись различные смотры и конкурсы. Только в 1968–1970 гг. в БССР успешно прошли конкурсы по выполнению планов по внедрению новой техники, экономии и бережливости, культуры производства и др. Научно-технические общества (НТО) республики ежегодно проводили до 2 тыс. различных конкурсов, направленных на решение определённых научно-технических проблем. В одном из них «Пятилетке – мастерство и поиск молодых» приняло участие свыше 25 тыс. молодых рабочих. Они внесли предложения с экономической эффективностью 6 млн. рублей. Только за время Всесоюзного смотра культуры производства, который проводился в 1968 – 1969 гг. в Беларуси было внесено 160 тыс. предложений, 130 тыс. из которых были внедрены [7, л. 21, 22].

Общим итогом работы белорусской индустрии в первые пять лет реализации хозяйственной реформы было введение в строй 78 крупных промышленных объектов. Среди них электроламповый завод в Бресте, мотороремонтный в Гомеле, хлопчатопрядильная

фабрика в Гродно и др. [14, с. 354]. Характерным в развитии промышленности было совершенствование её структуры, быстрый рост отраслей тяжёлой индустрии. Важнейшее место принадлежало машиностроению. Здесь было сосредоточено более трети всех промышленных рабочих Беларуси [11, с. 63]. Объём продукции отрасли вырос в 2 раза, а производство приборов и средств автоматизации в 3,7 раза [3, с. 8]. Увеличился удельный вес электротехнической промышленности, производства оборудования для лёгкой и пищевой промышленности, бытовых приборов. На фоне высоких темпов развития промышленности республики выделялись химическая и нефтехимическая отрасли. Одной из важнейших задач реформы было внедрение в производство достижений научно-технического прогресса. За пятилетие в Беларуси было комплексно механизировано и автоматизировано более 560 производств, цехов и участков. Внедрено свыше 1330 механизированных поточных и автоматических линий, создано 16 вычислительных центров, введено в действие 12 автоматических систем руководства производством и технологическими процессами [3, с. 8].

Производительность труда в промышленности, важнейший показатель успешности её работы, за пятилетку выросла на 39 процентов, что было выше плановых заданий. Народное хозяйство республики получило в результате более 9 млрд. руб. чистой прибыли, что в два раза превосходило аналогичный показатель 1961–1965 гг. [3, с. 85]. Промышленные изделия с маркой белорусских предприятий экспортировались почти в 90 стран мира. Осуществление экономической реформы в Беларуси в 1965–1970 гг. дало заметные результаты. Это были лучшие годы в развитии республики. Вместе с тем реформа выявила и целый ряд существенных проблем. Важнейшая из них заключалась в несовместимости принципов хозяйственного расчёта с командно-административными методами управления. Когда с 1967 г. на новые условия хозяйствования стали переходить не отдельные, при том лучшие, предприятия, а целые отрасли промышленности выявилось большое количество убыточных предприятий. В условиях, когда восстановившиеся после 1965 г. министерства сохранили в своих руках важнейшее средство влияния на подведомственные предприятия — централизованное распределение фондов, нетрудно представить себе наиболее простой и лёгкий путь выравнивания показателей работы министер-

ства — погашение убытков отстающих предприятий за счёт хорошо работающих. Это не стимулировало улучшения работы отстающих предприятий, поощряло уравниловку, снижало заинтересованность лучших предприятий в результатах производства.

Административная система постепенно усиливала своё влияние на работу промышленности. Этому способствовал и проводивший реформу старый хозяйственный аппарат, путём всевозможного мелочного контроля, корректирования планов, поправок и дополнений. Сила сопротивления аппарата заключалась ещё и в том, что он опирался на поддержку ряда лидеров партии и правительства, которые были сторонниками проверенной жёсткой административной системы при детальном планировании номенклатурной продукции и других показателей с ограничением прав предприятий.

Использованные источники и литература

1. Гісторыя Беларусі. У 2 ч. – Мінск: РІВШ БДУ, 2006. – Ч. 2. XIX–XX стагоддзі. – 656 с.
2. КПСС. Справочник. – М., Политиздат, 1971. – 414 с.
3. Матэрыялы XXVII з’езда Камуністычнай партыі Беларусі. – Мінск, «Беларусь», 1971. – 150 с.
4. НАРБ. – Фонд. 4-п. Оп. 81. Д. 2124.
5. НАРБ. – Фонд. 4-п. Оп. 96. Д. 4451.
6. НАРБ, – Фонд. 4-п, Оп. 96. Д. 4607.
7. НАРБ, – Фонд. 4-п, Оп. 99. Д. 98.
8. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. – Минск, Госиздат БССР, 1967. – Часть II (1921–1966). – 585 с.
9. Правда. – 1971. – 2 января. – С. 3.
10. Промышленность Белоруссии. – 1970. – № 2. – С. 7– 8.
11. Промышленность Белорусской ССР. Стат. сборник. – Минск, ЦСУ БССР, 1971. – 399 с.
12. Советская Белоруссия. – 1970. – 14 мая. – С. 1.
13. Советская Белоруссия. – 1970. – 30 мая. – С. 1.
14. Эканамічная гісторыя Беларусі. – Мінск: НКФ «Экаперспектыва», 1995. – 432 с.

К ВОПРОСУ О ГОРБАЧЕВСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ

Панченко А. В.

г. Минск, БНТУ

В 2020 г. будет 35 лет со дня провозглашения последним советским руководством во главе с М.С. Горбачевым во второй половине 1980-х гг. политики «перестройки», всколыхнувшей всё советское общество, заставившей, без преувеличения, «затаить дыхание» весь мир и приведшей к радикальной трансформации советской системы. Эта политика была инициирована непосредственным руководством правящей коммунистической партии с целью глубокого и всестороннего реформирования всех сфер советского общества. Но став главным проводником политики коренных преобразований советского общества коммунистическая партия, тем не менее, к началу 1990-х гг. переместилась на периферию политической жизни. Является ли этот переход закономерным в процессе эволюции советской политической системы? Ведь, фактически, политика «перестройки» представляла собою реформы «сверху», предпринятые по инициативе высшего политического руководства партии и государства, и которые на определенных этапах эволюции советской системы (реформы Н.С. Хрущева, «косыгинская» реформа 1960-х гг., попытка реформ Ю.В. Андропова) однако, отнюдь не затрагивали основ самой системы. Попробуем ответить на эти вопросы.

Как известно, перестройка привела Советское государство к прямо противоположным результатам, нежели было задумано и провозглашено инициаторами реформ «сверху». Более того, одна из крупнейших держав мира всего через шесть лет после начала «эпохи реформ», оказалась в условиях распада идеологических, политических и социально-экономических институтов государства. Процесс распада, в свою очередь, явился катализатором глобальных геополитических сдвигов в Восточной Европе, Центральной Азии, других регионах мира; сопутствовал трансформации политических систем и крушению базовых ценностей во многих государствах мира. Обвал СССР оказался столь стремительным и демонстративным, что представляется сомнительным наличие острой общественной потребности скорейшего юридического оформления распада государства, оформления, которое носило, на наш взгляд, скорее, нецивилизованный характер.

Многие исследователи и в наши дни задаются вопросом: как могло случиться, что Советское государство, выпестованное в ходе гражданской войны, выстоявшее в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны, не просуществовало и семи десятилетий и было упразднено по соглашению между лидерами славянских республик, входившими в состав Союза ССР?

По мнению ряда исследователей, скоропалительный крах советской системы и крушение социалистических идей, как в государствах Восточной Европы, так и в бывших союзных республиках, а также неготовность значительных масс населения к смене ориентиров, – отнюдь не позволяет говорить о естественном изживании существующего строя и подводит к мысли о заранее спланированных и успешно примененных технологиях по ликвидации социалистической системы и советского строя.

Очевидно, что молниеносный распад СССР стал прямым следствием планомерной и целенаправленной политики на экономический, политический, идеологический и военный подрыв СССР, финансируемый и осуществленный группой западных государств во главе с США посредством разработки и реализации экономических, финансовых, информационно-коммуникационных и политических технологий, внедрения агентов ЦРУ и агентов влияния, представителей других западных спецслужб в состав высшего политического руководства Советского государства. Этому способствовало, отмечает российский ученый В.М. Зубок, обострение к 1980-м гг. «главного противоречия в развитии советской системы: между принципами официально господствующей идеологии социализма и частными эгоистическими мотивами и интересами мирка номенклатуры, ... одержимостью номенклатуры Западом, продажностью привилегированных советских служащих (высокие чины ГРУ, КГБ и МИД Пеньковский, Носенко, Гордиевский, Шевченко), которые стали служить Западу, оправдывая свое предательство ненавистью к «тоталитаризму» и верой в «свободное общество» [1, с. 91, 92]. Ученым еще предстоит ответить и на вопросы о том, почему не оправдались прогнозы зарубежных аналитиков, согласно которым «на смену брежневскому руководству должны прийти «шовинисты», защитники империи до последнего дыхания», но вместо них внезапно появились «реформаторы-идеалисты, тяготеющие к социализму с человеческим лицом вперемежку с заимствова-

ниями отдельных идей из гуманизма Возрождения, американского либерализма и социального христианства» [2, с. 94]. Как могло случиться, что появилось, как его называет американский политолог и геостратег З. Бжезинский, «реформистское горбачевское руководство, улаживаемое, обхаживаемое и по-своему даже подкупленное Западом, а на последних стадиях и искусно манипулируемое персонально президентом Бушем и канцлером Колем», и которое подвело страну к тому, чтобы «смириться с ходом событий»? [3, с. 44].

Вместе с тем, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что сводить преобразование СССР к внедрению специальных технологий, поискам агентов ЦРУ, агентов влияния и другим субъективным факторам – было бы односторонним утверждением, поэтому требуется комплексный анализ сущности проблемы.

Попытаемся аргументировать иную интерпретацию политики «перестройки» во второй половине 1980-х гг. Известно, что после победы Октябрьской революции 1917 г. большевистская диктатура сумела предотвратить национальную катастрофу, распад, анархию и хаос в России, заставив массы «организоваться и дисциплинироваться» (Н. Бердяев). Но последующее возведение фундамента советской системы сталинского типа проводилось на основе террора и репрессий в отношении всех слоев общества и превращения СССР в однопартийное бюрократическое государство, придавившего личность. Суть восхождения к абсолютной тоталитарной власти большевистской партии на начальном этапе в 1920-е гг. на большом фактологическом материале раскрыто, в частности, в монографии В.А. Божанова [4, с. 264].

С этой точки зрения систематическое насилие, принуждение, запугивание, вселение страха, деформировало сознание и психологию людей, извращало нравственные основы человека, разлагающе влияло на общество.

Первая возможность открытого выражения несогласия и протеста появилась после т.н. «хрущевской оттепели», выхода на поверхность политической жизни феномена «диссидентства». Диссидентство, преимущественно, было характерно для трёх слоев общества: творческой интеллигенции; верующих; некоторых национальностей, выразившим несогласие по разным причинам: отсутствие свободы творчества; ущемление религиозных чувств, особенно в католических кругах Литвы; отказ властей в эмиграции в Израиль советского

еврейства; недовольство местных национальных элит массовой миграцией в их республики русскоязычных переселенцев и политикой русификации в целом. В рабочей среде латентные формы забастовочного движения на предприятиях, где рабочие протестовали против произвола местных администраций, уже не были исключительной формой действий. В области культуры, в некоторых общественных науках стали возникать дискуссии, которые свидетельствовали о явных расхождениях с официально признанными нормами и ценностями.

Но следует подчеркнуть, что феномен «диссидентства» привлекал внимание скорее на Западе. Широкого резонанса в самом СССР, который бы позволил оформить его в массовое движение народного протеста, диссидентство не имело, а выражало лишь одну из сторон надвигавшегося кризиса. Попытка экономической модернизации в виде косметических «косыгинских» реформ 1960-х гг. в СССР оказалась безуспешной. И к началу 1970-х гг. в экономике страны становятся очевидными стагнация и застой. Элементы кризиса зреют и в самой структуре окостенелого образования «партии-государства», что проявляется в подмене творческой сути и догматизации марксистско-ленинского учения, под прикрытием которого партийно-государственная номенклатура исповедывала двойную веру, идеологию и мораль.

В этом смысле «перестройке предшествовал почти 30-летний опыт постсталинизма», связанный «с исчерпанностью мобилизационной модели развития», – подчеркивают политологи А.А. Галкин и Ю.А. Красин. «Перестройка стояла на плечах XX съезда КПСС и поэтому пошла гораздо дальше: на «прорыв» в будущее. Но эту политику «задушили на взлёте, не дав довести до конца её начинания» [5, с. 161-162; 171].

Перестройка стала «глотком свежего воздуха», была массово поддержана самыми широкими слоями населения. Впервые за многие десятилетия реформы «сверху» проводились фронтально и во всех сферах жизни общества. Демократизация проходила под знаком ускорения социально-экономического развития страны. Но вскоре приоритет был отдан политической реформе. Суть политических преобразований сводилась к разграничению функций партии и государства, а также реанимации Советов как носителей законодательной власти. Но сразу же возникло противоречие: лица, преж-

де входившие в номенклатуру партаппарата – стали «народными избранниками», депутатами Советов всех уровней. Тем не менее, набиравшая силу тенденция перемещения власти от партии к Советам вынудила партийно-государственную номенклатуру предпринять попытку возвращения утраченных позиций посредством введения института президентства (март 1990 г.). Но это уже потребовало инициирования «разделения властей» и выстраивание отношений института президентства с другими ветвями власти, прежде всего, законодательной властью в лице парламента. Уважать парламент и делить с ним власть коммунистическая партия оказалась неспособной, поскольку парламент подрывал её монополию на власть.

В начале 1990-х гг. процесс трансформации политических структур вышел за пределы союзного уровня. Всё большую самостоятельность приобретали регионы – республиканские органы власти и управления. Произошло «растекание» власти, но не к Советам всех уровней в рамках общесоюзного пространства, а к политическим структурам союзных республик. Усиление центробежных тенденций привело к окончательному падению авторитета и влияния коммунистической партии, которая лишилась своих прежних рычагов власти и перешла на периферию политической жизни. Повысилась значимость и роль республик в политическом процессе, обретающими независимость и суверенитет. Вместе с этим стали усиливаться очаги социальной, межэтнической напряженности, обострялись межнациональные конфликты, которые привели в ряде регионов к гражданским войнам.

Выводы:

1. Коммунистическая партия довела процесс формирования политических структур и политических отношений в советской системе до тоталитарного совершенства и на определенном этапе (вторая половина 1980-х гг.) выступила катализатором процесса радикального обновления страны.

2. Реформы «сверху» были обусловлены движением «маятника» общества в противоположную сторону, который набирает силу хода с распространением новых форм и методов контроля и администрирования в советском обществе, пришедшими на смену жесткой мобилизационной модели сталинского типа. Система стала способной к отторжению функционирующих политических структур и меха-

низма властвования в целом, динамику которому и придала коммунистическая партия.

3. Очевидно, что движение «маятника» оказалось искусственно усиленным за счет непрекращавшейся в течение многих десятилетий «холодной войны» между двумя социально-политическими системами, на проведение которой выделялись значительные, если не сказать колоссальные ресурсы обеими сторонами. Победу в этой войне одержал блок социально-политической системы Запада.

4. Советское руководство во главе с М.С. Горбачевым в середине 1980-х гг. предприняло радикальные действия по выведению «маятника» из своего крайнего состояния. Эти действия получили название «перестройка» и были обусловлены объективными факторами социально-экономического и политического процессов в стране. Но, с другой стороны, имеют место утверждения о заранее подготовленном и хорошо спланированном «заговоре» с использованием технологий по ликвидации советской системы.

5. Наметившаяся тенденция к делигитимизации государственной власти, доминирования правового нигилизма к окончанию перестройки – имели, на наш взгляд, основания для направления политического процесса в иное русло, посредством поэтапного и цивилизованного преобразования СССР. Существует точка зрения, согласно которой «... Ельцин и его соратники разрушали Союз не потому, что были глубоко убеждены, что это – их долг и путь к всеобщему счастью, а потому, что хотели как можно скорее прийти к власти. Именно это стремление, а отнюдь не бескорыстный угар демократического энтузиазма, влекло их к разрушению союзного государства, ... Старика прихлопнули, чтобы не ждать несколько лет его наследства ...» [6, с. 16].

6. Практическая реализация перестройки в целом обозначила новые тенденции в развитии постсоветской государственности, выявила проблемы и трудности в процессе становления и развития современных политических структур и политических отношений на территориях новых независимых государств.

Использованные источники и литература

1. Зубок, В. М. «Истоки делигитимизации советского режима» / В. М. Зубок // ПОЛИС. – 1994. – № 2. – С. 88-97.
2. Там же.

3. Brzezinski, Z. The cold war and its after-math / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – N.Y. – 1992. – Vol. 71. – № 4. – P. 44.

4. Божанов, В. А. Восхождение к абсолютной власти: Большевики и советское государство в 20-е годы / В.А. Божанов. – Минск: Тесей, 2004. – 272 с.

5. Галкин, А. А. Перестройка с дистанции в три десятилетия / А.А. Галкин, Ю. А. Красин // ПОЛИС. – 2015. – № 5. – С. 160-173.

6. Фурман, Д. Российские демократы и распад Союза / Д. Фурман // Век XX и мир. – 1992. – № 1. – С. 16.

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАЦЭСА УТВАРЭННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ё ПРАЦАХ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ 50-х – СЯРЭДЗІНЫ 80-х гг.

Райчонак А. А.

г. Мінск, БДТУ

У гістарыяграфіі ўтварэння беларускай дзяржаўнасці XX стагоддзя можна вылучыць чатыры асноўныя перыяды: 1) гістарыяграфія 20-х гг.; менавіта ў гэтыя гады быў закладзены падмурак савецкай гістарыяграфіі дзяржаўнасці Беларусі. З агульна-метадалагічных праблем, характэрных для гэтага перыяду, на наш погляд, галоўнымі з’яўляюцца: блізкая адлегласць публікацый ад падзей, якія ў іх аналізаваліся, што ў поўнай меры не давала магчымасці ацаніць гістарычную значнасць тых ці іншых фактаў, і пэўная ідэалагічная ангажаванасць іх аўтараў, што ў сваю чаргу, замінала непраздзята ацэньваць як свае ўласныя дзеянні, так і дзеянні сваіх палітычных апанентаў; 2) гістарыяграфія 30-х – першай паловы 50-х гг. Характарызуючы ўвесь перыяд 30-х – пачатку 50-х гг., можна зазначыць, што ён з’явіўся крокам назад у параўнанні з гістарыяграфіяй 20-х гадоў, якая, і сама не была пазбаўлена пэўных недахопаў. Для прац 30-х – 50-х гадоў, якія тычацца праблем станаўлення беларускай дзяржаўнасці, характэрна падмена канкрэтнага гістарычнага аналізу этапаў нацыянальна- дзяржаўнага будаўніцтва на Беларусі агульнымі разважаннямі на тэму права народаў на самавызначэнне; успрыманне гісторыі праз паняцці “рэвалюцыйнае – контррэвалюцыйнае” з залічэннем у апошнія ўсяго таго, што не ўпісвалася ў рамкі афіцыйнай ідэалогіі. Працы гэтых гадоў толькі ўмоўна можна аднесці да навуковых, бо галоўнай іх мэтай

было ідэалагічнае абслугоўванне набіраючых абарот рэпрэсій. Усе яны былі напісаныя з пазіцый ваяўнічага бальшавізму і абсалютнай нецярпімасці да палітычных апанентаў, з мэтай дыскрэдытацыі якіх лічылася магчымым прыбягаць да іх шальмавання і фальсіфікацыі гістарычных фактаў; 3) перыяд другой паловы 50-х – сярэдзіны 80-х гг., якому прысвечаны дадзены артыкул; 4) гістарыяграфію часоў “перабудовы” і першых гадоў існавання незалежнай Рэспублікі Беларусь У гэты час асноўнымі тэмамі даследавання становяцца пераасэнсаванне часткі сюжэтаў з гісторыі КПСС і вяртанне ў гісторыю неабгрунтавана рэпрэсіраваных асоб. Папулярнымі становяцца “круглыя сталы” гісторыкаў, матэрыялы якіх друкаваліся ў перыядычным друку ці зборніках артыкулаў. У іх назіраюцца першыя спробы пераасэнсавання такіх важных для гісторыі Беларусі пытанняў, як развіццё нацыянальнага руху ў Беларусі напачатку ХХ ст; стварэнне БНР і БССР; ідэйная барацьба вакол шляхоў вырашэння праблемы беларускай дзяржаўнасці і інш. У навуковы ўжытак уводзяцца новыя архіўныя крыніцы, якія раней былі недаступныя для гісторыкаў.

Трэба зазначыць, што пасля ХХ-га з’езда КПСС, які выкрыў культ асобы Сталіна і ўзяў курс на пэўную дэмакратызацыю, пачынае паступова змяняцца і сітуацыя ў беларускай гістарычнай навуцы. У параўнанні з папярэднім перыядам узрастае не толькі колькасць публікацый, але змяняецца іх змест і тон характарыстык.

Даследаванні пачынаюць весціся па некалькіх накірунках. З’яўляецца цэлы шэраг прац гісторыкаў і юрыстаў, прысвечаных дзяржаўнаму будаўніцтву БССР, утварэнню органаў улады, дзейнасці Саветаў, партыйных і дзяржаўных органаў [1-4]. Вядзецца даследаванне ваенна-палітычнага становішча на Беларусі ў 1917 – 1920 гадах і абумоўленых гэтым, асаблівасцяў ідэалагічнай барацьбы [5-9].

Распачаты пасля ХХ-га з’езда КПСС працэс рэабілітацыі часткі ахвяр палітычных рэпрэсій выклікаў, з аднаго боку, цікавасць да іх лёсу, што знайшло адлюстраванне ў гістарычнай літаратуры [0-12], а з другога, прывёў да гістарычнай рэабілітацыі левага крыла беларускага нацыянальнага руху. Але трэба зазначыць, што дадзены працэс адбываўся ў беларускай гістарычнай навуцы больш маруднымі тэмпамі чым, напрыклад, у РСФСР. Так для большасці з узгаданых прац характэрна захаванне падзелу на “рэвалюцыйны” і

“контррэвалюцыйны” накірункі, у той час, як большасць савецкіх гісторыкаў пачынае пераходзіць на больш гнуткае “трохлагернае” дзяленне накірункаў (дэмакратычны, ліберальны, рэакцыйны) у гісторыі развіцця палітычнага руху ў пачатку ХХ стагоддзя, (хаця на падзей пасля 1917 г. такі падыход ужо не распаўсюджваўся).

Больш грунтоўныя працы пачынаюць з’яўляцца з другой паловы 60-х гадоў. У гэты час, фактычна ўпершыню, аб’ектам навуковага даследавання становіцца беларуская нацыя. У 1969 г. выходзіць праца Я.І. Карнейчыка “Беларуская нацыя” [13], але часткі кнігі, прысвечаныя беларускаму нацыянальнаму руху і стварэнню дзяржаўнасці, утрымліваюць тыя ж падыходы, што і ўзгаданыя вышэй працы: аднабаковасць ацэнак, а часам і скажэнне фактаў.

Таксама доўгі час па-за межамі інтарэсаў гісторыкаў заставалася і тэма дзейнасці непратэктарскіх партый. Адным з першых дадзеную тэму ўзняў А.М. Малашка [14]. У сваёй манаграфіі ён паспрабаваў прааналізаваць стратэгію і тактыку бальшавіцкай партыі ў дачыненні да дробнабуржуазных партый і прычыны ўсталявання ў СССР аднапартыйнай сістэмы.

Даследавалася нацыянальная палітыка палітычных партый, што дзейнічалі ў Беларусі да ўтварэння БССР, і іншымі навукоўцамі [15, 16]. Увогуле, што тычыцца прац, прысвечаных непасрэдна праблеме станаўлення беларускай дзяржаўнасці, то доўгі час даследчыкі засяроджвалі сваю ўвагу амаль выключна на працэсе ўтварэння БССР, прычым гэтая падзея падавалася як нейкі падарунак цэнтральнага кіраўніцтва ВКП(б) беларускаму народу, пры гэтым беларускі нацыянальны рух не браўся пад увагу.

Пэўны прарыў у гэтым накірунку зрабілі працы гісторыка дзяржавы і права В.А. Круталевіча. У сваіх публікацыях аўтар імкнуўся прааналізаваць аб’ектыўныя і суб’ектыўныя фактары, што абумовілі ўзнікненне Беларускай Савецкай Рэспублікі, раскрыць формы праяўлення волі беларускага народа да нацыянальнага самавызначэння, прасачыць працэс утварэння органаў улады і фарміравання тэрыторыі. Найбольш грунтоўна гісторыя станаўлення беларускай савецкай дзяржаўнасці прадстаўлена ў манаграфічных работах В. А. Круталевіча, якія выйшлі ў свет у 1973-1979 гадах [17-19]. Аўтара вылучае глыбокі прафесіяналізм, шырокае выкарыстанне архіўнага матэрыялу, аналіз публікацый перыядычнага друку. Фактычна ўпершыню ім была ажыццэўлена

спроба комплекснага даследавання працэсу станаўлення беларускай дзяржаўнасці. Для гістарыяграфіі беларускай дзяржаўнасці 70-х гадоў “Рождение Белорусской Советской Республики” з’яўляецца фундаментальнай працай, праўда, у сувязі з пэўнай ідэалагічнай заангажаванасцю, каштоўнасць яе для сучаснасці зніжаецца.

Выклікаюць цікавасць і працы гісторыка І.М. Ігнаценкі, створаныя ў гэты перыяд. Так, ім упершыню ў айчынной гістарыяграфіі быў прааналізаваны сацыяльна-класавы склад удзельнікаў I Ўсебеларускага з’езда. Даследаваўся ім і працэс эвалюцыі палітычных партый пасля Лютаўскай рэвалюцыі, выкрышталізацыі іх палітычных патрабаванняў і паглыблення ідэалагічных размежаванняў [20, 21].

Значны ўклад у вывучэнне гісторыі палітычных партый Беларусі і гісторыі ідэалагічнай барацьбы падчас станаўлення беларускай дзяржаўнасці ў 1917- 1925 гг. унёс М. С. Сташкевіч. Работы гэтага аўтара адрозніваюцца шырокім выкарыстаннем раней малавядомых архіўных дакументаў. Характарызуючы стратэгію і тактыку палітычных партый, М.С.Сташкевіч звяртае асаблівую ўвагу на іх нацыянальныя праграмы. У яго манаграфіях і артыкулах змяшчаецца багаты матэрыял, які раскрывае асноўныя рысы і асаблівасці нацыянальна-вызваленчага руху на Беларусі ў 1917-1925 гадах. Аўтар даследуе таксама шырокае кола праблем нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, паказвае, як ствараўся грунт нацыянальнай дзяржаўнасці беларускага народа [22-24].

Калі характарызаваць дадзены перыяд увогуле, то можна зазначыць, што ў ім адбываецца паступовае вяртанне да навуковага вывучэння гісторыі Беларусі, праўда, абмежаванага “прынцыпам партыйнасці”.

Нягледзячы на ўвядзенне ў навуковы ўжытак мноства новых дакументаў, значная частка, змешчаная ў “спецфондах” архіваў і “спецсховах” бібліятэк, заставалася недасягальнай для даследчыкаў. Фактычна немагчыма было выкарыстаць і працы замежных гісторыкаў.

Вышэйпералічаныя абставіны прыводзілі да значных недахопаў у работах канца 50-х – 80-х гг. Сярод асноўных недахопаў можна вылучыць наступныя: пэўныя падзеі ці асобы, узгадваць пра якія было нязручна, проста не траплялі на старонкі даследаванняў; частка з’яў асвятлялася толькі ў негатыўным святле (напрыклад, абвяшчэнне БНР ці дзейнасць палітычных апанентаў бальшавікоў),

затое, напрыклад, дзейнасць цэнтральнага кіраўніцтва ВКП(б) знаходзілася па-за межамі крытыкі; на шмат якія пытанні проста не было адказу, калі яны не ўпісваліся ў адпаведныя ідэалагічныя штампы. Ад гісторыкаў патрабавалася пастаянна спасылка на класікаў марксізму ў якасці доказу. Усё гэта прыводзіла да таго, што гісторыя аказвалася няпоўнай, а, значыць, і не аб'ектыўнай, хаця ў параўнанні з папярэднім перыядам, магчыма канстантаваць пэўны прагрэс. Тым не менш гэта быў час назапашвання матэрыялу, які ў далейшым будзе пакладзены ў падмурак сучаснай гістарыяграфіі беларускай дзяржаўнасці ХХ ст.

Выкарыстання крыніцы і літаратура

1. Вихарев, С.Р. Суверенитет БССР в составе СССР /С.Р. Вихарев. – Минск: Изд-во БГУ, 1958. – 128 с.
2. Маргунский, С. П. Создание и упрочение белорусской государственности / С.П. Маргунский. – Минск: Изд-во АН БССР, 1958. – 258 с.
3. Петриков, П.Т. Ревкомы Белоруссии / П.Т. Петриков. – Минск: Наука и техника, 1975. – 287 с.
4. Маргунский, С.П. Интернациональное и национальное в государственном строительстве Белоруссии (1917–1922 гг.) / С.П. Маргунский, Л.И. Кукреш. – Минск: Наука и техника, 1978. – 223 с.
5. Каменская, Н.В. Белорусский народ в борьбе за Советскую власть. 1919–1920 гг. /Н.В. Каменская. – Минск: Изд-во АН БССР, 1963. – 263 с.
6. Победа Советской власти в Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1967. – 506 с.
7. Жмуровский, Д.П. Организаторская работа Коммунистической партии в деревне / Д.П. Жмуровский. – Минск: Изд-во БГУ, 1970. – 344 с.
8. Мурашко, П.Е. Особого назначения... Из истории ЧОН Белоруссии. 1918–1924 / М.Е. Мурашко. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – 102 с.
9. Хохлов, А.Г. Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918–1925 гг. / А.Г. Хохлов. – Минск: Беларусь, 1981. – 171 с.
10. Якутов, В.Д. А. Г. Червяков. Страницы биографии / В.Д. Якутов. – Минск: Беларусь, 1978. – 156 с.

11. Кузнецов, Н.В. В. Г. Кнорин. Страницы биографии / Н.В. Кузнецов. – Минск: Беларусь, 1979. – 172 с.

12. Ялугін, Э.В. Без эпітафіі. Дакументальная аповесць / Э.В. Ялугін. – Минск: Беларусь, 1989. – 254 с.

13. Карнейчык, Я.І. Беларускае нацыя: Гістарычны нарыс / Я.І. Карнейчык. – Минск: Навука і тэхніка, 1969. – 308 с.

14. Малашко, А.М. К вопросу об оформлении однопартийной системы СССР / А.М. Малашко. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 320 с.

15. Засинец, В.П. Борьба большевиков Белоруссии против мелкобуржуазных партий (октябрь 1917 – январь 1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / В.П. Засинец; Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск, 1973. – 29 с.

16. Липецкий, Э.А. Борьба большевистских организаций Белоруссии с мелкобуржуазными партиями в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – январь 1918): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Э.А. Липецкий; БГУ. – Минск, 1973. – 19 с.

17. Круталевич, В.А. Провал контрреволюционных планов создания белорусского буржуазного государства и образование БССР (октябрь 1917 – февраль 1919): автореф. дис. ... канд. д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.А. Круталевич; БГУ. – Минск, 1973. – 48 с.

18. Круталевич, В.А. Рождение Белорусской Советской Республики. (На пути к провозглашению республики, октябрь 1917 – декабрь 1918 г.) / В.А. Круталевич. – Минск: Наука и техника, 1975. – 334 с.

19. Круталевич, В.А. Рождение Белорусской Советской Республики. (Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 – февраль 1919 г.) / В.А. Круталевич. – Минск: Наука и техника, 1979. – 334 с.

20. Игнатенко, И.М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии / И.М. Игнатенко. – Минск: Изд-во Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1962. – 497 с.

21. Игнатенко, И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И.М. Игнатенко. – Минск: Наука и техника, 1986. – 344 с.

22. Сташкевич, Н.С. Непазбежнае банкруцтва: з гісторыі краху нацыяналістычных партый у Беларусі. 1917–1925 гг. / Н.С. Сташкевич. – Мінск, 1974. – 140 с.

23. Сташкевич, Н.С. На пути к истине: Из истории национально-освободительного движения в Белоруссии. 1917 год / Н.С. Сташкевич. – Минск, 1983. – 125 с.

24. Сташкевич, Н.С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии: 1917–1925 / Н.С. Сташкевич. – Минск: Университетское, 1985. – 302 с.

АВТОБИОГРАФИИ В ПАМЯТИ О СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ: ЖЕНСКИЕ РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

Рогач С. А.

г. Минск, БНТУ

Целью данного исследования было рассмотрение взаимосвязи и отличий общепринятых трактовок истории и индивидуальных переживаний тех людей, которые оказались лично включенными в процесс исторических катаклизмов. Работа строилась по материалам интервью с двумя женщинами-родственницами по поводу их воспоминаний о Великой Отечественной войне.

Методологической опорой для данного исследования послужил синтез биографического метода (на основе глубинного интервью), устной истории, герменевтического подхода и дискурс-анализа.

Исследование основано на сборе и анализе материалов интервью, взятых из аудио и видеозаписей – в зависимости от выбранного собеседницами варианта – у двух моих старших родственниц (в 2012–2015 гг.). Беседы касались воспоминаний о лично пережитом ими во время Великой Отечественной войны. Первые интервью проводились с родной бабушкой – Софией Герасимовной Масарновской (1919–2015 гг.), а затем – с ее сестрой Клавдией Герасимовной Канашевич (род. в 1929 г.) (фамилии обеих по рождению – Ситник). Транскрибирование записей делалось без лингвистических исправлений.

С самого начала исследования женщинам была предоставлена возможность свободно строить свои воспоминания с собственными интерпретациями важных, по их мнению, событий. Данный метод исследования можно отнести к использованию эго-документов

(т.е. автобиографий при наличии в них уникальной информации о личной повседневной истории в контексте глобальной трагедии).

К исследованию меня подтолкнули случайно начавшиеся в последние годы жизни бабушки беседы о ее личной жизни и близких родных. Они растянулись на несколько лет, а в последующем, в 2014 – 2015 гг., стали организовываться специально. Любопытно, что на фоне обычной повседневной рутины большинство рассказов концентрировались именно на периоде Великой Отечественной войны. Отчасти это объясняется возрастом бабушки в военное время (21–25 лет), но также и тем, что на этот период пришлось самые трагичные события и переживания в ее жизни. Впервые за многие годы ей захотелось вести эти рассказы, а у меня появилась возможность облегчить ее желание раскрыться, озвучить и передать суть всей этой драмы, ставшей стержнем ее настроения и поступков на все последующее время жизни. Немного позже появилась возможность для проведения схожих бесед и с ее родной сестрой.

В отличие от своего мужа (т.е. моего дедушки), бабушка никогда письменно не фиксировала свои воспоминания о пережитом (и долгое время даже очень близким людям подробно их не высказывала). Т.е. в отличие от мужа, мемуаристской не стала (хотя у неё было хорошее для того времени образование – специальное среднее, полученное в техникуме).

У бабушки брали интервью журналисты, есть у нее собственные статьи с историями о войне в районных газетах. Но они написаны в официальном стиле и готовились к определенным государственным датам (во время юбилеев празднования дня Победы).

Обе сестры, как и большинство людей, смотрели, читали, слушали от других людей похожие рассказы. Поэтому официальная общая «История» стала частью их памяти (что проявлялось во всех интервью). В то же время, в их рассказах имели место и выпадавшие из официальной военной темы очень интимные нюансы (избиения полицией, приставания с их стороны, изнасилования других женщин-родных, попытки – удачные и провальные – прятать и спасать евреев, цыган, детей, взрослых, а также советских военных).

Во время войны бабушка вынуждена была не один раз переезжать (а вернее, перемещаться пешком) от одних родных к другим, т.к. уже была замужем, но муж воевал и затем попал в плен. Она успела закончить техникум буквально перед самым началом войны

(хотя не успела получить свой диплом). Ее родная сестра Клавдия была моложе на 10 лет (в начале войны ей было 11).

Таким образом, и возраст, и уровень образования по-разному сказались на их памяти о войне. Одна застала войну уже взрослой, другая – ребенком. Одна была замужем, у другой (по ее собственному рассказу) еще не было ожиданий любви. Необходимость проходить временами десятки километров (от одних родных к другим, в больницу или обратно, в партизанский отряд и назад в деревню) фактически делали условия их выживания, как и у большинства, сверхсложными и опасными. Одновременно с этим нахождение в постоянном стрессе серьезно повлияло на высокую степень фиксации в памяти значительного числа тех событий и ситуаций. А в последующем, то есть уже в настоящее время, это поспособствовало четким воспоминаниям о пережитом и их яркому описанию.

То, что бабушке Софье пришлось во время войны быть связной, подчеркивалось в ее воспоминаниях не как побочное дело, а как важнейшая часть собственной жизни. Ее история строилась не по схематичному пересказу общеизвестных событий войны, а на первое место ставились личные впечатления. Постоянные стрессы, получаемые во время войны, приводили к тому, что, по словам бабушки, ценность жизни серьезно упала. Т.е. чувство самосохранения постепенно ослабевало, а на фоне пережитых катастроф ценностью становилась взаимопомощь друг другу.

Еще одной особенностью, по описанию бабушки, были постоянные приставания, унижения со стороны полицаяев (один из них, родом из той же деревни, не давал покоя бабушке, а однажды, после ее отказа, ударил прикладом). Это был для нее настоящий ужас, и она уже готовилась к смерти (тем более с другими – близкими или дальними родными – уже случались печальные истории, с изнасилованием или даже гибелью). Но обычное везение при каждодневных случайностях отвело от нее лично эту опасность в сторону. Рутинными трудностями для женщин были и периоды месячных. По словам бабушки, во время войны с этим было особенно тяжело – из-за нехватки тканей, которые обычно в этих делах использовали.

Бабушка так же подробно рассказывала о своей кузине Александре, с которой они вместе были партизанскими связными. Обе успели получить хорошее образование до войны и были не только родными, но и подругами. Это же, по мнению бабушки, помогало

их успеху в совместной подпольной работе. Особо стоит выделить историю спасения бабушкой одной пары – мужа и жены, белоруса и еврейки – в то время, когда бабушка сама попала в больницу (это произошло из-за переохлаждения зимой в погребе, куда ее спрятали на целый день от полицаев, собиравших в разных домах молодых женщин для их отправки на работу в Германию):

«София Масарновская: - Я прыйшла [в больницу], а там работала маладая яўрэчка, але пахожая на русскую, але немцы не ведали. А другая уборшчыца бегает и кажа: «Гэта яўрэчка». Ну, дык я кажу: “Ты можеш пайти”. И помогла. И я написала, как им исци да партызан. Их долго спрашивали, почему они пришли. Но потом их взяли в отряд».

В целом бабушкина история войны – не героическая, а драматическая. То есть большинство ее рассказов строилось не из невыносимых ужасов или ярких побед, а как описание повседневной, хотя и трагической жизни.

Рассказы младшей сестры, Клавдии, из-за ее возраста во время войны и неполного школьного образования имеют другие особенности. Совсем юной девочке сначала трудно было разобраться в происходящем вокруг, и поэтому на это она реагировала по-своему:

«Клавдия Канашевич: - Я ишла... ишла каля раки. Я иду, гавараць – «Вайна. Вайна!» Разве я панимала, што такое вайна?. А патом паняла, што за вайна. Ну... Страшна было. Ну, што я помню? Немцы прыляцели, пустыя аэрадромы бамбили. Мы на вулицу выйшли, трасёцца усё. Бамбязць.».

Весьма специфичны в ее описании и истории с партизанами, к которым сначала относились с подозрением и опаской: “Партизаны и ноччу прыходзяць. Просяць: “Дайце паесци, дайте надзець што”. Ну, им жа ж нада. Ну, усё, – што было, атдавали. Вот усё».

Особое переплетение драматизма и обыденности заметно в одновременном описании Холокоста и личных опасностей гибели:

«К.: У Багушэвичау яўрэяў прывезли, забилі. Возле Багушэвич, яму выкапали. И ўсех. Выйдзеш вечарам ва двор, дзярэўні гараць. Палили людзей, дзяцей. Наша дзярэўня яшчэ асталася. Если забьюць немца, яны забивали усю дзярэўню. Я кажу сама сабе: “Ёлки-маталки! А ты прыйшоу на маю зямлю и нас бандитами завеш!”

Таким образом, в ходе исследования я пыталась провести сравнительный анализ воспоминаний, рассказов, реакций двух жен-

щин – участник Великой Отечественной войны, а также своих собственных размышлений о восприятии «другого родного» нарратива.

В моем исследовании предполагалась не «реконструкция военного прошлого», не расширение классической версии национальной истории, а попытка осмысления индивидуальных переживаний, «утраты» и «возвращения» (или другими словами, конструирования и переработки) частных семейных историй из памяти нескольких родственников (включая меня) – на фоне общей «Истории» войны.

В профессиональном плане, как историк, по итогам исследования я бы отметила следующие проблемные моменты в истории повседневной памяти о Великой Отечественной войне:

1) значительный временной разрыв между анализируемыми историями прошлого и степенью доступности к ним сегодня, а точнее, ограниченность воспоминаний и, соответственно, специфика самих рассказов свидетелей;

2) травматический опыт из-за участия в событиях военной эпохи, ведущий к замалчиванию, внутренней цензуре в отношении части давних трагичных историй;

3) особенности повседневной жизни во время войны и вариантов ее описания (начиная с возраста свидетелей, места, в котором они находились, когда узнавали о начале войны);

4) различие и противоречия в рассказах респонденток об общих фактах их жизни в период войны, с последующими оценками;

5) влияние сформировавшегося в предыдущие десятилетия советского нарратива о «Великой Отечественной войне», а также его современной официальной (медийной) версии (рассказы о прошлой войне и информация о современных политических конфликтах);

6) социально-политические и исторические условия жизни интервьюируемых на территории Беларуси (накануне, во время и после анализируемых событий);

7) эмоциональное описание и одновременно рационализация насилия в период войны (включая и личные телесные травмы, и увиденное в отношении других людей);

8) особые, «не мужские», опыты женщин во время войны (а также разрыв между «мужскими» и «женскими» мифологиями о войне).

В качестве итога данный текст я бы обозначила как трехголосый (или полифонический), т.е. состоящий из нескольких смысловых

пластов. В его пространстве присутствуют голоса двух сестер, одна из которых «прошла» войну, другая ее «прожила». Третий голос – мой собственный, как родственницы и исследовательницы. В своей совокупности все три голоса отражают и три уровня истории: 1) официальную интерпретацию Войны, т.е. как мы ее теперь знаем из учебников или фильмов; 2) «свою» историю, переработанную и включенную в память личного опыта; 3) а также мою личную рефлексию по поводу первых двух вариантов и сформировавшейся собственной исторической картины.

В научном плане исследование помогло расширению и изменению образа прошлого через его повседневное восприятие.

Использованные источники и литература

1. Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Сост. Н. Л. Пушкарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 605-630.

2. Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах / С. Ушакин // Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. - С. 5-41.

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ ПАРТЫЙНАГА КІРАЎНІЦТВА МІЛІЦЫЯЙ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1960 – 1980 ГГ.

Саракавік І. А.

г. Мінск Акадэмія кіравання пры
Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

У сувязі з распадам СССР палітыкі і даследчыкі імкнуцца вызначыць прычыны гэтай з’явы, аб’ектыўна разабрацца ў савецкім дзяржаўным механізме, яго пабудове і дзейнасці, адносінах дзяржавы і грамадства. Не апошняе месца ў гэтым пераліку мае і праблема адносін Камуністычнай партыі да міліцыі, якая ў сілу спецыфікі сваіх функцый, пабудовы, дзейнасці па ахове грамадскага парадку і барацьбе са злачыннасцю займала асабліва важнае месца ў савецкім дзяржаўным механізме ўлады і кіравання. Гэтыя

адносіны можна разглядаць як партыйнае кіраўніцтва міліцыяй, органамі ўнутраных спраў (ОУС) у цэлым, з аднаго боку, так і якое месца ў дзейнасці партыі займалі праблемы міліцыі, з другога боку. Другі кірунак практычна не даследаваны гістарычнаю навукаю. Праблема ж партыйнага кіраўніцтва як міліцыяй, так і ОУС выклікала асаблівую зацікаўленасць савецкіх даследчыкаў, была запатрабавана ўладаю. Сёння гэта тэма шырока не даследуецца, асабліва савецкага часу. А яна заслугоўвае пэўнай навуковай увагі.

Нельга заніжаць, але нельга і завышаць той ролі і значымасці партыі, якую яна адыграла ў эканамічным, асабліва індустрыяльным развіцці СССР, росце на пэўным этапе гістарычнага развіцця жыццёвага ўзроўню насельніцтва, магчымасці практычна ўсім жадаючым атрымаць адукацыю, у тым ліку і вышэйшую, і стаць высокакласнымі спецыялістамі, а таму і заняць больш высокі сацыяльны статус у дзяржаве і грамадстве. Адначасова нельга не заўважыць і другі бок дзейнасці партыі і звязаных з ёю інстытутаў дзяржавы, у тым ліку і міліцыі. Справа ідзе пра праваадносіны ў грамадстве і краіне, якія прывялі да масавых парушэнняў правоў асобы і нават сацыялістычнай законнасці, якая аберагала ўладу бальшавіцкай партыі, рэпрэсіі ні ў чым не павінных людзей, устаўленне манаполіі на ўладу, уласнасць, ідэалогію, праследаванне ўсіх тых, хто не прытрымліваўся афіцыйнай ідэалогіі і палітыкі, хаця і не парушаў сацыялістычнае заканадаўства.

Не меншую цікавасць выклікае пазнанне пытання наконт механізма адносін Кампартыі да міліцыі на рэспубліканскім ўзроўні, які намнога шырэй і глыбей, чым толькі партыйнае кіраўніцтва міліцыяй, а таксама таго месца, якое займалі праблемы міліцыі ў дзейнасці Кампартыі Беларусі. КП Беларусі як рэгіянальная частка КПСС з прававога пункту гледжання не з'яўлялася элементам механізма савецкай улады. Аднак у рэальнасці сам механізм такой улады не мог існаваць без партыі. Менавіта яна, а не прадстаўнічы орган, вызначала змест і кірункі дзеяння механізма ўлады, у тым ліку і міліцыі як састаўной часткі органаў унутраных спраў. У сутнасці, такой кампэ-тэнцыяй валодала не сама партыя і нават не столькі яе прадстаўнічыя органы як з'езд, канферэнцыя ці пленум, а рабочыя органы ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС у асобе Палітбюро і Сакратарыята (адзін час і Аргбюро). Кіраванне ж такімі ключавымі сферамі жыццядзейнасці СССР, як замежныя справы, абарона,

дзяржаўная бяспека, ахова грамадская парадку і барацьба са злачыннасцю фактычна знаходзіліся па-за дзейнасцю ўрада, пад выключна непасрэдным кіраўніцтвам Палітбюро ЦК КПСС і Генеральнага сакратара ЦК КПСС. Асаблівае значэнне прыдавалася сістэме Міністэрства ўнутраных спраў. Не вы-падкова Генеральны сакратар ЦК КПСС, па сведчанню былога міністра ўнутраных спраў СССР А. У. Власава, у працэсе прызначэння яго на гэту пасаду на змену В. В. Федарчуку, заявіў, што міністр ўнутраных спраў СССР каштуе двух сакратароў ЦК КПСС [1, с. 39].

Адметнасцю Кампартыі Беларусі з’яўлялася тое, што яна не вызнача-ла стратэгію і тактыку развіцця праваахоўных органаў, міліцыі ў пры-вастанасці. Гэта была прэрэгацыва цэнтральнага органа – КПСС. КПБ як рэгіянальнай яе частцы прадвызначалася роля практычнага ажыццяў-лення кіраўнічых рашэнняў цэнтра, кантроля за іх рэалізацыяй і свое-часовага інфарміравання ЦК КПСС аб іх выкананні. Аднак і простым статыстам яна не вызначалася, асабліва ў пытаннях падбора кадраў.

Адметнасцю становішча міліцыі ў БССР, як і ў цэлым сістэмы ОУС рэспублікі, з’яўлялася тое, што як саюзна-рэспубліканская структура яна падпарадкоўвалася найперш непасрэдна цэнтру – МУС СССР і абавязкова выконвала ўсе яго загады і распараджэнні. Менавіта МУС СССР у межах сваёй кампетэнцыі ўстанаўлівала і магло адмяніць пасады, спецыяльныя званні, грашовое ўтрыманне супрацоўнікам і г.д. У той жа час МУС БССР падпарадкоўвалася непасрэда Савету Мініст-раў БССР. А паколькі фактычна, але не на аснове права, вышэйшым органам улады з’яўляўся ЦК КПБ, то найперш непасрэдна яму. Пры гэтым рашэнні МУС СССР мелі вяршэнства над рашэннямі мясцовых органаў улады. Аднак у рэальнай практыцы ўплыў апошніх на органы міліцыі, напрыклад, быў не меншы, чым МУС СССР, паколькі іх супрацоўнікі ў многім залежылі ад мясцовых органаў улады. Двойное падпарадкаванне міліцыі было замацавана нарматыўнымі актамі. Яно спатрэбілася партыі для таго, каб міліцыя не выйшла з-пад яе кантролю.

У адпаведнасці з арт. 126 Канстытуцыі СССР 1936 г. ВКП(б) высту-пала ў якасці “кіруючага ядра ўсіх арганізацый працоўных, як грамадс-кіх, так і дзяржаўных” [2, с. 744]. Арт. 6 Канстытуцыі СССР 1977 г. устанаўліваў, што “кіруючай і накіроўваючай сілаю савецкага грамадства, ядром яго палітычнай сістэмы, дзяржаўных і

грамадскіх арганізацый з’яўляецца Камуністычная партыя Савецкага Саюза”. Яна “вызначае генеральную перспектыву развіцця грамадства, лінію ўнутра-най і знешняй палітыкі СССР, кіруе вялікай стваральнай дзейнасцю савецкага народа, надае планамерны, навукова абгрунтаваны характар яго барацьбе за перамогу камунізму” [3, с. 7]. Аналагічную норму ўтрымлівала і Канстытуцыя БССР 1978 г. [4, с. 6]. Гэтыя канстытуцыйныя нормы замацавалі за Камуністычнай партыяй выключнае становішча ў органах дзяржаўнай улады СССР, у тым ліку і БССР. Сама па сабе яна не з’яўлялася органам дзяржавы – структурна-абасобленым звязом дзяржаўнага апарату з пэўнай кампетэнцыяй, паколькі не мела выразных яго прыкмет: утварэнне ва ўстаноўленых законам парадку, дзейнічанне ў пэўна вызначаных формах, ліквідацыя ва ўстаноўленым законам парадку, валоданне канкрэтнымі правамі і абавязкамі і г.д. Камуністычная партыя не пападала пад класіфікацыю органаў дзяржавы ні па прынцыпу падзелу ўладаў, ні па характару кампетэнцыі, ні па спосабу ажыццяўлення паўнамоцтваў [5, с. 536] і г.д. І не магла пападаць, бо яна з’яўлялася, па-першае, палітычнай партыяй і ўваходзіла ў палітычную сістэму грамадства. Па-другое, адметнасць яе ў тым, што яна захапіла дзяржаўную ўладу незаконным, не канстытуцыйным шляхам, а шляхам узброенага палітычнага захопу ўлады, адсюль і яе далейшыя незаконныя дзеянні: усталяванне, па сутнасці, дыктатуры партыі, забарона дзейнасці іншых партый, у тым ліку і левага кірунку, што, натуральна, абмежавала яе сацыяльную апору. Ніякіх юрыдычных межаў яе ўлады канстытуцыйнае заканадаўства не прадугледжвала і не магло прадугледзіць, бо самі заканадаўцы былі “віннікамі” ў сістэме ўлады, утворанай Кампартыяй. Па-трэцяе, усталяванне адзінай правячай партыі за кошт забароны ці ліквідацыі апазіцыйных партый заканамерна прывяло да яе зліцця з дзяржавай, і ў гэтым, менавіта, была адметнасць КПСС ад іншых партый свету.

Мэты і задачы КПСС, абмежаванасць сацыяльнай падтрымкі яе, унутранае і знешняе становішча краіны патрабавалі асаблівага падыходу партыі да савецкай міліцыі як адной з мадэлей паліцыі сацыялістычнай дзяржавы. У розныя гістарычныя перыяды ў залежнасці ад палітычнага, сацыяльна-эканамічнага становішча, крымінагеннага становішча яна ставіла канкрэтныя задачы міліцыі.

Хісткасць савецкай улады адразу пасля Кастрычніка 1917 г., яе першапачатковая нетрываласць застаўляла ўладу накіроўваць дзейнасць міліцыі не на ахову правоў грамадзян, не гледзячы на іх сацыяльны статус, а на падтрыманне так званай рэвалюцыйнай законнасці. Калі ў цывілізаваным грамадстве прынята лічыць, што закон – гэта кампраміс супрацьлеглых інтарэсаў. І таму закону павінна падпарадкоўвацца найперш сама дзяржава, яе розныя інстытуты, якія не павінны не толькі не выходзіць за межы закона, але і не дапусціць злоўжыванняў, абараніць грамадзяніна ад дзяржавы. Аднак рэвалюцыйная законнасць савецкай улады ўяўляла сабою прырытэт правоў самой улады над правамі грамадзяніна, асабліва вышэйшага і сярэдняга саслоўяў. Той, хто не падзяляў поглядаў улады, лічыўся яе ворагам. Рэвалюцыйны грамадскі парадак, рэвалюцыйная законнасць, якой павінна была кіравацца савецкая міліцыя, мелі на ўвазе барацьбу найперш з ворагамі сацыялістычнай рэвалюцыі і савецкай улады. Да іх адносіліся не толькі буржуазія, былыя чыноўнікі самадзяржаўя і Часовага ўрада, а на тэрыторыі Беларусі – яшчэ і ўдзельнікі Першага Усебеларускага кангрэсу, стварэння і дзейнасці Беларускай Народнай Рэспублікі, не толькі тыя, хто не падзяляў поглядаў бальшавікоў, хаця і прытрымліваўся левай палітычнай плыні, але і дробныя ўласнікі. Зразумела, што да ворагаў савецкай улады прымяняліся і адпаведныя рэвалюцыйныя меры: расстрэл, астрог, канцэнтрацыйныя лагеры, высылка. Па Канстытуцыі БССР 1937 г. у адпаведнасці з арт. 106 ворагамі народа обвяшчаліся “асобы, квапіўшыяся на грамадскую, сацыялістычную ўласнасць” [6, с. 27]. Такая суровая мера, на думку заканадаўцаў, павінна была ўмацоўваць правячы рэжым, наводзячы страх на масы насельніцтва.

Каб такой пагрозы не існавала, трэцяя праграма КПСС, прынятая XXII яе з’ездам у 1961 г., “ставіла задачу забяспечыць строгае выкананне сацыялістычнай законнасці, выкараненне ўсякіх парушэнняў права-парадку, ліквідацыю злачыннасці, ухіленне ўсіх прычын, яе нараджаючых”. Выхад вырашэння праблемы бачыўся найперш у “папярэджанні злачынстваў”, росце матэрыяльнай забяспечанасці, культурнага ўзроўню і свядомасці працоўных. Усё гэта ў канчатковым выніку павінна было прывесці да таго, каб “замяніць меры крымінальнага пакарання мерамі грамадскага ўздзеяння і выхавання” [7, с. 106]. Праходзіў час, а ліквідаваць

злачыннасць і прычыны, яе нараджаючыя, не ўдавалася. Наадварот, з цягам часу яна яшчэ больш нарасталала. Таму Канстытуцыя БССР 1978 г. у арт. 59 замацавала абавязак грамадзян БССР “берагчы і ўмацоўваць сацыялістычную ўласнасць... змагацца з крадзяжамі і марнатраўствам дзяржаўнай і грамадскай маёмасці, беражліва адносіцца да народнага добра”. Аднак “асобы, якія рабілі замах на сацыялістычную ўласнасць”, ужо не абвешчаліся ворагамі савецкага народа, а павінны былі “карацца па закону” [4, с. 22].

Першапачаткова злачыннасць у партыйных і дзяржаўных дакументах тлумачылася “радзімымі плямамі” капіталізму, затым “рэшткамі” капіталізму. І толькі ў канцы 1970-х – пачатку 1980-х г. жывучасць злачыннасці пачалі асцярожна аргументаваць памылкамі і недахопамі ў ходзе будаўніцтва сацыялізму з-за першапраходніцтва. Новая рэдакцыя трэцяй Праграмы КПСС, прынятая XXVII яе з’ездам у 1986 г., больш прыязмлёна, рэальна ставіла задачу дзяржаўным органам, у іх ліку і ўнутраных спраў, міліцыі, “рабіць усё неабходнае для забеспячэння зберажэння сацыялістычнай уласнасці, аховы асабістай маёмасці, гонару і годнасці грамадзян, весці рашучую барацьбу са злачыннасцю, п’янствам і алкагалізмам, папярэджаць любыя правапарушэнні і ўхіляць нараджэнне іх прычыны” [8, 49]. Як бачна з вышэй прыведзенага актаў савецкай улады, з 1917 па 1991 г. адбылася эвалюцыя аб’екта міліцэйскай дзейнасці: ад ворага народа да злачынцы. Адсюль і розныя меры адносіні і прымусу да іх. Змяніўся падыход улады і да прыроды злачыннасці: ад “радзімых плямаў”, “рэшткаў” капіталізму да памылак і недахопаў у ходзе будаўніцтва сацыялізму.

У разглядаемы перыяд задачы міліцыі былі выкладзены ў дакументах XXIV – XXVII з’ездаў КПСС. Дзейнасць праваахоўных органаў, у тым ліку і міліцыі, ацэньвалася ў іх неадназначна. Справа не толькі ў тым, што перамясціліся акцэнты непасрэдна да канкрэтных органаў правапарадку. Калі на XXIV і XXV з’ездах КПСС прыярытэт быў нададзены міліцыі, а затым пракуратуры, суду, органам юстыцыі, то на XXVI з’езде – першапачаткова органам юстыцыі, суда, а затым пракуратуры і савецкай міліцыі. Па асобных кірунках дзейнасці міліцыі прымаліся спецыяльныя дакументы ЦК КПСС, якія канкрэтызавалі рашэнні з’ездаў партыі.

Мясцовыя партыйныя органы, у іх ліку ЦК КПБ, абкамы, гаркамы, райкамы КПБ, з улікам перспектывы і бягучых задач

КПСС валодалі добра адпрацаванай сістэмай працы па кіраўніцтву і кантролю за дейнасцю міліцыі Беларусі. Яна ўключала ў сябе канкрэтызацыю рашэнняў ЦК КПСС па важнейшых кірунках дзейнасці міліцыі па ахове грамадскага парадку і барацьбе з правапарушэннямі з улікам мясцовых адметнасцей, кантроль за іх выкананнем, падбор і расстаноўку кадраў, арганізацыю работы міліцэйскіх пярвічных партыйных арганізацый і парторганаў, правядзенне нарад, семінараў, канферэнцый па актуальных праблемах правапарадку і іншыя формы і кірункі дзейнасці.

Уся гэта праца арганізавалася, адсочвалася, аналізавалася, кантраля-валася аддзеламі адміністрацыйных органаў ЦК і абкамаў КПБ. У сваю чаргу аддзел знаходзіўся пад кіраўніцтвам другога сакратара ЦК КПБ, які адказваў перад партыяй найперш за працу па падбору і расстаноўцы кі-раўнічых кадраў рэспублікі, у тым ліку і ў сістэме МУС БССР, курыраваў такія ўстановы, як Беларуская ваенная акруга, КДБ БССР, МУС БССР, Спарткамітэт БССР, замяшчаў на час адсутнасці Першага сакратара ЦК КПБ. Гэта значыць, валодаў вялікімі ўладнымі паўнамоцтвамі. У апаратах абкамаў і асабліва ЦК Кампартыі Беларусі працавала шмат прафесіяналаў высокай кваліфікацыі, у тым ліку кандыдатаў і дактароў навук. У прыватнасці, у аддзелах адморгануў гэта былі, як правіла, юрысты па адукацыі, якія ведалі справу не столькі з кніг, колькі па сваёй ранейшай практычнай дзейнасці ў праваахоўных органах. Сам апарат функцыяніраваў на аснове строгай адказнасці: дысцыпліны перад вышэйшым партыйным кіраўніцтвам і гэтага патрабаваў ад кантралюемых органаў. У цэлым механізм выканання рашэнняў у ЦК КПБ дзейнічаў спраўна.

Уяўленне аб месцы праблем міліцыі ў дзейнасці ЦК Кампартыі Беларусі ў пэўнай ступені даюць звесткі аб разглядзе гэтых праблем у бюро і сакратарыяце ЦК КПБ, абкамаў партыі і ў бюро гаркамаў і райкамаў КПБ. У цэлым, па падліках аўтара, бюро і сакратарыят ЦК КПБ у перыяд з 1964 па 1985 г. разглядалі ў сярэднім па 2-3 праблемных пытанні ў год, а ў 1986 – 1990 гг. – 8-9, якія адносіліся да праблем міліцыі, грамадскага парадку і барацьбы са злачыннасцю. Гэта намнога больш, чым пытанні ў іншых праваахоўных органаў разам узятых. Такі разгляд спраў у вышэйшым партыйным органе Беларусі пэўным чынам актывізаваў дзейнасць міліцыі на асобных кірунках, станоўча ўплываў на вынікі

яе працы. Напрыклад, рост п'янства і алкагалізму ў рэспубліцы, негатыўны ўплыў іх на канфлікты ў сям'і, на прадук-цыйнасць працы, на псіхалагічны стан працоўных калектываў, рост правапарушэнняў вымусіў 19 ліпеня 1972 г. бюро ЦК КПБ прыняць “Мерапрыемствы па выкананню пастановы ЦК КПСС «Аб мерах па ўзмацненню барацьбы супраць п'янства і алкагалізму»” [9, арк. 9]. У іх Савету Міністраў БССР даручалася разглядзець і вырашыць пытанне аб адкрыцці ў абласцях лячэбна-працоўных прафілакторыі для прымусовага лячэння хранічных алкаголікаў і злосных п'яніц. Праваахоўным органам даручалася распрацаваць і ажыццявіць канкрэтныя мерапрыемствы па ўзмацненню барацьбы з п'янствам і ўстанавіць кантроль за выкананнем заканадаўства, якое рэгулюе гандаль алкагольнымі напоймі [9, арк. 48, 49]. І хаця МУС БССР непасрэда не падпарадкоўвалася ЦК КПБ, але гэтак і іншыя рашэнні, даручэнні партыйных органаў абавязкова прымала да выканання.

Характэрным у гэтых адносінах з'яўлялася пастанова бюро ЦК КПБ “Аб сур'ёзных недахопах у рабоце апаратаў БКСУ Міністэрства ўнутраных спраў Беларускай ССР” ад 29 чэрвеня 1972 г. У ёй барацьба міліцыі з крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці ў рэспубліцы была прызнана незадавальняючай. Галоўную прычыну бюро ЦК КПБ найперш бачыла ў тым, што “органы ўнутраных спраў і іх апараты БКСУ не даюць вострай палітычнай ацэнкі (падкрэслена аўтарам) распаўсюджанасці і шкоднасці гэтых з'яў, не прымаюць рашучых мер да ўзмацнення барацьбы з крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці, хабарніцтвам і іншымі карыснымі злачынствамі” [10, арк. 10-11]. Аднак даваць палітычную ацэнку, не гаворачы ўжо аб “вострай”, – гэта не кампетэнцыя міліцыі, а вышэйшых органаў улады. І таму гэта не магло быць віною міліцыі. Кожны дзяржаўны інстытут павінен строга выконваць свае функцыі, а не падмяняць сабою іншыя. Міліцыі інкрымінаравалася адсутнасць сур'ёзных мер да карэннай перабудовы работы апаратаў БКСУ у святле патрабаванняў пастановы ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР ад 19 лістапада 1968 г. “Аб сур'ёзных недахопах у дзейнасці міліцыі і мерах па яе ўмацаванню”. Адначасова ў пастанове ЦК КПБ правільна адзначалася, што многія з праводзімых аператыўна-вышуковых мерапрыемстваў былі слабыя і таму не забяс-печвалі

своечасовага папярэджання і выяўлення злачынстваў. Апараты БКСУ дрэнна былі накіраваны на барацьбу з замаскіраванымі буйнымі крадзяжамі, бо займаліся ў асноўным дробнымі, бачымымі злачынствамі. Па гэтай прычыне гадамі дзейнічалі і заставаліся беспакаранымі арганізаваныя небяспечныя групы раскрадальнікаў. Колькасць злачынстваў, выяўленых аператыўнымі супрацоўнікамі БКСУ, заставалася нізкай. У 1971 г. яна склала 55 % да агульнай колькасці зарэгістраваных карысных злачынстваў, а ў Магілёўскай, Віцебскай і Гомельскай абласцях – яшчэ менш. Справядлівы папрок у адрас МУС БССР быў зроблены на той аснове, што яно і яго органы на месцах пры падборы кадраў у апараты БКСУ дапусклі паспешнасць, часта ацэньвалі іх па фармальных, анкетных даных, слаба вывучалі прыгоднасць іх да службы ў міліцыі. Таму на работу ў яе траплялі часам людзі выпадковыя. Але механізм падбора кадраў не быў рэкамедаваны. Зноў жа правільна адзначалася, што паранейшаму асноўным крытэрыям ацэнкі дзейнасці апаратаў БКСУ служылі фармальныя паказчыкі работы, а не фактычны стан аховы народнага добра ў гарадах і раёнах рэспублікі. Аднак эфектыўныя крытэры дзейнасці міліцыі ў пастанове не прапаноўваліся. Ставілася задача сумесна з органамі пракуратуры і юстыцыі абагульняць практыку ведамаснага кантроля за ўлікам і зберажэннем матэрыяльных каштоўнасцей; палепшыць папераджальна-прафілактычную работу па барацьбе з крадзяжамі і растратамі ў народнай гаспадарцы; умацаваць кіраўнічы склад падраздзяленняў БКСУ, правесці ў 1972 г. атэстацыю ўсіх супрацоўнікаў службы; карэнным чынам палепшыць ідэйна-выхаваўчую працу з асабовым складам, павысіць авангардную ролю камуністаў у аператыўна-вышуковай дзейнасці [10, арк. 11-13, 15-16].

Як сведчыць прыведзены дакумент, вышэйшае партыйнае кіраўніцтва БССР павышэнне эфектыўнасці барацьбы з замаскіраванымі крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці і іншымі карыснымі злачынствамі бачыла ў паляпшэнні падбора кіруючага складу падраздзяленняў БКСУ, іх сталага камуністычнага светапогляду і маралі, г. зн. асабістых якасцей супрацоўнікаў міліцыі. Пры тым не ўскрываліся фактары, якія ўтваралі крымінагеннае становішча ў гэтай сферы, не аналізаваліся

матэрыяльна-тэхнічныя і фінансавыя магчымасці міліцыі, падрыхтоўка для яе высокакваліфікаваных спецыяльных кадраў. Таму вялікай аддачы ад гэтай пастановы не паследавала, хаця прыкметна ў параўнанні з ранейшым часам актывізавала дзейнасць апаратаў БКСУ.

Партыйныя камітэты БССР, найперш ЦК КПБ, прымалі рашэнні і па іншых кірунках дзейнасці міліцыі рэспублікі, рэалізуючы пры гэтым указанні ЦК КПСС ці па сваёй асабістай ініцыятыве. Такі падыход партыйных камітэтаў і арганізацый акцэнтаваў увагу кіраўнікоў прадпрыемстваў, арганізацый, устаноў, іх працоўных і вучэбных калектывы на неабходнасці барацьбы з правапарушэннямі, аказання дзейснай дапамогі ў гэтай справе міліцэйскім службам і падраздзяленням. У той жа час падкрэслівалася ўзрастаючая адказнасць міліцыі за падтрыманне належнага правапарадку. Аднак у цэлым агульныя заклікі партыйных камітэтаў па ўзмацненню барацьбы са злачыннасцю істотных станоўчых зрухаў не давалі. Яны мелі больш маральна-ідэалагічнае гучанне і ў такім кірунку ўздзейнічалі на пэўную частку супрацоўнікаў міліцыі, працоўных і служачых. Дзеля паляпшэння становішча барацьбы з правапарушэннямі хутчэй неабходны былі меры, падмацаваныя матэрыяльна-фінансава і кадрава. А паколькі іх не хапала, то акцэнт і рабіўся на маральна-ідэалагічныя якасці людзей.

Міліцыя падключалася ЦК КПБ дзеля вырашэння пэўных задач у розных сферах жыцця дзейнасці. 29 верасня 1983 г. Камітэт народнага кантролю БССР паведамляў ЦК КПБ “Аб выніках праверкі стана аховы працы і тэхнікі бяспекі ў калгасах, саўгасах і на прадпрыемствах сельгастэхнікі Магілёўскай вобласці”. За 1982 г. з-за грубых парушэнняў эксплуатацыі сельскагаспадарчых машын, абсталявання рамонтных майстэрняў і жывёлагадоўчых фермаў у гаспадарках вобласці адбылося 1355 няшчасных выпадкаў, шафэрамі і механізатарамі ажыццёўлена 133 дарожна-транспартных здарэнняў, у тым ліку ў нецвярозым стане – 50, загінула 47 чалавек, паранена 114. У сувязі з гэтым другі сакратар ЦК КПБ Г. Г. Барташэвіч даручыў, у прыватнасці, намесніку міністра ўнутраных спраў БССР П. С. Жуку “всеми своими средствами принять меры для устранения подобного” [11, арк. 92-94]. Ужо 18 кастрычніка 1983 г. МУС БССР паведамляла, што было зроблена ў вобласці:

адбыліся справаздачы кіраўнікоў сельгасарганізацый Кіраўскага, Клі-чаўскага раёнаў, аблмежжалгасбуда, сельгастэхнікі, сельгасхіміі на пасяджэнні абласнога аргкамітэта па правядзенню Усесаюзнага агляду бяспекі руху на транспарце; інфарміраванне абласных арганізацый аб стане аварыйнасці на падведамасным ім транспарце; праведзены гутаркі і сходы на тэмы бяспекі руху на дарогах і нагляд за рухам на сельскіх дарогах; рэйды па барацьбе з п'янствам [11. – арк. 100-102] і г.д. Хутчэй гэта была адпіска. Яна і не магла быць іншай, бо праблемы, узнятыя ў запісцы КНК БССР, адносіліся хутчэй да гаспадарчых суб'ектаў, а затым толькі да міліцыі. І вырашэнне іх магчыма было эканамічнымі і сацыяльнымі метадамі. Міліцыя ж не магла вырашыць гаспадарчыя і сацыяльныя праблемы, паколькі гэта не яе сфера кампетэнцыі.

Сістэма кіравання і кантроль партыйнымі камітэтамі за дзейнасцю міліцыі ўключалі ў сябе і аналіз дакументаў службаў і падраздзяленняў міліцыі. У прыватнасці, аддзел адміністрацыйных органаў ЦК КПБ штогод аналізаваў ад 80 да 100 такіх матэрыялаў МУС БССР, а затым вяртаў іх міністэрству [12, арк. 1-129; 13, арк. 1-207]. Гэта дазваляла, з аднаго боку, быць у курсе важнейшых бягучых спраў міліцыі, адсочваць пэўныя тэндэнцыі як у міліцэйскім асяродку, так і ў злачынным свеце, параўноўваць даныя і факты міліцыі з крыніцамі іншых праваахоўных органаў і на гэтай аснове рабіць пэўныя высновы і прымаць больш аб'ектыўныя рашэнні. З другога боку, гэта сведчыла і пра тую вялікую ўвагу, якая надавалася дзейнасці міліцыі, падкрэслівалася яе значымасць у рэспубліцы і грамадстве.

Аб асаблівым месцы і ролі міліцыі ў дзяржаве і грамадстве сведчылі і перыядычныя справаздачы міліцэйскіх начальнікаў, супрацоўнікаў розных узроўняў аб выніках дзейнасці сваіх апаратаў, асабіста аб сваёй працы на пасяджэннях камітэтаў, бюро КПБ розных узроўняў. 16 чэрвеня 1967 г. у адзеле адморганаў ЦК КПБ адбылася справаздача міністра аховы грамадскага парадку БССР камісара міліцыі 3 ранга А. А. Клімаўскіх аб працы з кадрамі ў святле выканання пастановы ЦК КПБ ад 22 лютага 1964 г. “Аб стане і мерах паляпшэння работы з кадрамі ў органах і падраздзяленнях МАГП БССР”. У выніку справаздачы і абмеркавання пытання была звернута ўвага міністра на неабходнасць павысіць якасны склад кадраў шляхам удасканалення сістэмы

іх спецыяльнай падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі, асаблівую ўвагу надаць маладым спецыялістам; умацніць палітычную, выхаваўчую працу; праводзіць папераджальна-прафілактычныя мерапрыемствы па выкараненні прычын, якія нараджалі адмоўныя з’явы сярод супрацоўнікаў органаў МАГП БССР [14, арк. 237, 238].

У гады перабудовы, галоснасці, дэмакратыі, ідэалагічнага і палітычнага плюралізму, партыйныя камітэты і арганізацыі Беларусі дзеля актывізацыі чалавечага фактару на вынікі дзейнасці сталі шырока ўкараняць у практыку працы такую форму, як справаздачы супрацоўнікаў міліцыі, пачынаючы ад міліцыянера і заканчваючы міністрам унутраных спраў БССР, перад камуністамі-супрацоўнікамі міліцыі на сходах пярвічных партыйных арганізацый, а таксама перад працоўнымі калектывамі. Толькі ў 1988 г. ў пярвічных партарганізацыях органаў унутраных спраў Беларусі былі заслуханы справаздачы 3244 камуністаў, у тым ліку 617 кіраўнікоў, зацверджаны 1174 партыйныя характарыстыкі. У кастрычніку-лістападзе 1988 г. адбылося 19,5 тыс. справаздач кіраўнічага і аператыўна-начальніцкага складу міліцыі перад амаль мільённай аўдыторыяй працоўных калектываў і насельніцтвам па месцу жыхарства [15, арк. 68, 69]. Такія справаздачы ў партыйных камітэтах, а яшчэ больш на сходах камуністаў пярвічных партарганізацый, перад працоўнымі калектывамі і насельніцтвам па месцу жыхарства дазвалялі супрацоўнікам міліцыі ў цэлым і іх начальнікам у прыватнасці лепш асэнсаваць свае поспехі і недахопы, адчуць рэакцыю на сваю дзейнасць з боку як партыйнага кіраўніцтва, так і працоўных калектываў, насельніцтва, вызначыць больш эфектыўныя формы, кірункі, сродкі і метады дзейнасці па ахове грамадскага парадку і барацьбе са злачыннасцю.

Істотны ўплыў партыйныя камітэты Беларусі на органы міліцыі, а праз іх і на ўсё асабісты склад ажыццяўлялі праз разгалінаваную па вертыкалі і гарызанталі сістэму пярвічных партыйных арганізацый у іх, якія былі вобразна іх “вушамі і вачыма”, а таксама праз падбор і расстаноўку кадраў, іх вучобу. Практычна ў кожным падраздзяленні міліцыі існавала пярвічная партыйная арганізацыя. У залежнасці ад яе колькаснага складу выбіралася партбюро ці партком на чале с сакра-таром. У такіх вялікіх партыйных арганізацыях, як МУС БССР, УУС аблвыканкамў і Мінскага гарвыканкама, Мінская вышэйшая школа МУС СССР і іншых,

сакратар патбюро, не гаворачы пра сакратара парт-кома, мог быць вызваленай ад службы асобай і ўваходзіў у наменк-латуру адпаведнага РК, ГК, АК КПБ і нават ЦК КПБ. У прыватнасці, у 1985 г. ў сістэме МУС БССР існавала 683 пярвічныя партыйныя арга-нізацыі, у 8 з якіх былі партыйныя камітэты.

Партыйныя органы імкнуліся як мага больш павялічыць партыйную праслойку як у цэлым у ОУС, так асабліва ў аператыўна-службовых структурах міліцыі. У пэўнай ступені імі гэта задача была выканана. Калі ў 1966 – 1990 гг. сярод насельніцтва Беларусі партыйная праслойка складала ад 3,9 да 5,8 % [16, с. 14; 17, с. 14; 18, с. 14-16; 19; 20, арк. 25], то сярод супрацоўнікаў органаў унутраных спраў у 1985 г. – 36,4 %, а ў 1986 г. – 37,3 % [21, арк. 100, 217, 226; 22, арк. 38]. У 1988 г. партыйнае ядро сярод атэставанага складу ОУС складала 39,8 %, а ў аператыўных службах – яшчэ больш: крымінальнага вышуку – 61,2 %, ба-рацьбы з крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці і спекуляцыяй – 79,0, следства – 64,1, участковых інспектараў міліцыі – 49,7 % [23, арк. 68]. У цэлым у шарэнгах партыі былі ў асноўным найбольш высока-прафесійныя супрацоўнікі міліцыі, хаця і з рознай матывацыяй уступлення ў яе шарэнгі.

Практычна, пачынаючы з начальніка аддзялення гаррайаддзела ўнутраных спраў і да міністра ўключна, начальніцкія пасады былі замешчаны членамі КПСС. Адны з іх сталі членамі партыі па сваіх поглядах, а значная частка, як паказалі падзеі 1990 – 1991 гг., уступіла ў члены КПСС дзеля свайго далейшага службовага росту, бо атрымаць пасаду нават начальніка аддзялення ў райаддзеле ўнутраных спраў практычна не было магчыма, калі ты не член партыі. Аднак, калі партыя фактычна па лета 1990 г. была правячай, то ўсе яе рашэнні, указанні партыйных работнікаў усімі выконваліся безагаворачна і ў тэрмін. І толькі пераход рэальнай улады ў 1990 г. ад ЦК КПБ да Вярхоўнага Савета БССР XII склікання рэальна выявіў, хто з'яўляецца ідэйным прыхільнікам КПСС – КПБ сярод камуністаў-супрацоўнікаў міліцыі. Такіх аказалася нямала, але яны не сталі падаўляючай большасцю.

З 1983 г. у сістэму МУС СССР, у тым ліку і МУС БССР, былі ўведзены палітаддзелы. Галоўны кірунак іх дзейнасці – гэта партыйна-палітычнае забеспячэнне праводзімых мерапрыемстваў, узмацненне партыйнага ўплыву на ўсе сферы і ўчасткі работы

органаў унутраных спраў, увязванне ўзаемасувязі партыйна-палітычнай работы з рашэннем аператыўна-службовых задач. Па сутнасці ставілася задача праз пярвічныя звенні партыі актывізаваць чалавечы фактар апаратаў міліцыі на барацьбу з ростам правапарушэнняў.

У разглядаемы перыяд дзейнічаў і інстытут уключэння начальнікаў міліцыі розных узроўняў па вертыкалі ў адпаведныя камітэты КП Беларусі. Міністры ўнутраных спраў БССР, як правіла, з’яўляліся членамі ЦК КП Беларусі, начальнікі ўпраўленняў унутраных спраў аблвыканкамаў – членамі абласных камітэтаў КПБ, а начальнікі гаррайаддзелаў унутраных спраў – адпаведна членамі ці нават членамі бюро ГК, РК КПБ.

Зразумела, як члены КПСС, члены адпаведных партыйных камітэтаў, са згоды якіх яны занялі адпаведную міліцэйскую пасаду, начальнікі міліцыі розных узроўняў найперш падпарадкоўваліся адпаведнаму партыйнаму камітэту, выконвалі найперш яго рашэнні. Яны поўнасю залежалі ад партыйных камітэтаў. А гэта значыць, што праз сваіх начальнікаў і шаранговыя супрацоўнікі міліцыі выконвалі найперш не закон, а рашэнні партыйнага камітэта, часцей за ўсё – сакратара РК, ГК, АК ці ЦК КПБ. Аднак гэта не азначае, што такія загады, даручэнні па сваёй сутнасці заўсёды былі антызаконныя. Але іх нельга назваць і правамернымі. Вядома, што, часам, партыйныя работнікі вусна аддавалі загады міліцэйскім начальнікам, якія нічога не мелі агульнага з дзяржаўнымі інтарэсамі: наконт кампраметацыі пэўнай асобы, незаконных сродкаў барацьбы з валацужнікамі і дармаедамі, прадастаўлення неслужбовай інфармацыі, нерасследавання “зацікаўленых” спраў і г.д.

Такая сістэма пры адноснай стабільнасці ў краіне і практычнай незмяняльнасці кадраў пры Л. І. Брэжневе амаль 18 гадоў прыводзіла ў шэрагу рэгіёнаў краіны, часткова і ў Беларусі, да зрошчвання партыйных функцыянераў з начальнікамі, супрацоўнікамі міліцыі, што вяло да парушэння законнасці і правапарадку. Неабходна надаць належнае вышэйшаму партыйнаму кіраўніцтву БССР у асобе П. М. Машэрава, А. Н. Аксёнава, М. М. Слюнькова, якія своечасова прынцыпова адносіліся да такіх спраў, як “мінская”, “аршанская”, “брэсцкая”, “мазырская”, “віцебская”, атрымаўшых вялікі грамадскі рэзананс, і ў якіх былі замешаны

кіруючыя работнікі. Усе гэтыя справы ў той ці іншай ступені былі разгледжаны ў ЦК КПБ і атрымалі негатыўную ацэнку, але ў ЦК КПБ не быў атрыманы поўны адказ: чаму сталі магчымыя такія справы, тым больш, што гэта не выключэнне, а станавілася правілам, тэндэнцыяй? Такі адказ неабходна бачыць як у самой прыродзе савецкай сістэмы ўлады і гаспадарання, так і ў самой прыродзе чалавека. Аднак крытычна ставіцца да прыроды савецкай ўлады нікому не дазвалялася, нават ЦК КПБ.

Аналіз архіўнага матэрыяла і рэальнай практыкі міліцыі паказвае, што не толькі партыйныя органы накіроўвалі, кантралявалі дзейнасць ОУС, звярталіся да іх, падкрэсліваючы тым самым іх ролю і месца ў механізме дзяржавы, але і органы міліцыі, у сваю чаргу, часта звярталіся да партыйных камітэтаў і бюро рознага ўзроўню з дакладамі, інфармацыяй аб выкананні пэўных даручэнняў, становішчы спраў па ахове грамадскага парадку і барацьбе са злачыннасцю, просьбамі вырашэння кадравых пытанняў, уздзеяння на іншыя органы кіравання па пытаннях аховы сацыялістычнай уласнасці, барацьбы з асобнымі відамі правапарушэнняў і іншымі праблемамі, вырашэнне якіх было ў сферы рэальна склаўшайся кампетэнцыі парткамітэтаў.

МУС БССР інфарміравала ЦК КПБ практычна аб усіх выпадках забойства, выкарыстання вогнестрэльнай зброі, крадзяжу сацыялістычнай уласнасці, злоўжывання сваім становішчам службовымі асобамі і г.д. З інфармацыяй, запіскамі, дакладнымі, справаздачамі знаёміліся сакратары ЦК КПБ, адказныя супрацоўнікі партыйнага апарату. І ў гэтым сэнсе міліцыя выступала своеасаблівымі “вушамі” і “вачыма” ЦК КПБ, іншых партыйных органаў, паколькі такі парадак існаваў па ўсёй вертыкальнай лесвіцы, пачынаючы з раёна і заканчваючы рэспублікай. Гэта давала магчымасць партыйным камітэтам вылодаць усёй паўнатай інфармацыі па ўсіх аспектах жыццядзейнасці раёна, горада, вобласці, рэспублікі. Стала правілам, што вынікі працы ОУС рэспублікі за кожны год паведамляліся ЦК КПБ, Прэзідыуму Вярхоўнага Савета БССР і Савету Міністраў БССР [24, арк. 78]. На працягу года найбольш матэрыялаў па розных аспектах дзейнасці міліцыі накіроўвалася менавіта ў вышэйшы партарган. Аналіз 97 матэрыялаў, накіраваных МУС БССР у 1966 г. ЦК КПБ, паказвае, што ў асноўным яны

адлюстроўвалі праблемы крадзяжу сацыялістычнай уласнасці – 23 з іх, хуліганства – 9, дарожна-транспартных здарэнняў (ДТЗ), пажараў – па 7, забойстваў, а таксама дакладныя запіскі – па 6, самазабойстваў міліцыянераў – 5, нападзення на міліцыянераў, спекуляцыі – па 4 і іншыя, уключаючы і 2 інфармацыі аб антысавецкай дзейнасці [12, арк. 1-229]. У наступныя гады змястоўнасць інфармацыі МУС БССР ЦК КПБ практычна не змянілася. У 1970 г. з 80 матэрыялаў 16 прыпадала на пытанні крадзяжу сацыялістычнай уласнасці, 12 – на дакладныя запіскі, спраўкі, 9 – на пытанні ДТЗ, па 6 – на выпадкі хабарніцтва, скаргі на міліцыю, па 5 – на пытанні спекуляцыі, хуліганства, па 3 – забойстваў, нападзенняў на міліцыянераў [13, арк. 1-207] і іншыя. Аднак ні адна інфармацыя не была спецыяльна прысвечана правапарушэнням адносна асабістай уласнасці грамадзян, хаця, напрыклад, у гэтыя гады крадзёж асабістай маёмасці грамадзян быў у два разы большы, чым дзяржаўнай і грамадскай. Значыць, савецкая дзяржава найперш абараняла і клапацілася пра свае інтарэсы, затым – грамадства і толькі пасля гэтага – асобы.

З такога масіву інфармацыі кіраўніцтва ЦК КПБ асабліва цікавілі асобныя факты. МАГП БССР 5 студзеня 1966 г. інфарміравала сакратара ЦК КПБ П.М. Машэрава аб тым, што аддзел міліцыі Капыльскага райвыканкама сумесна з аддзелам БКСУ УАГП Мінскага аблвыканкама прыцягвае да крымінальнай адказнасці за крадзёж дзяржаўных грашовых сродкаў старшыню добраахвотнага сельскага спартыўнага таварыства “Ураджай” Капыльскага раёна, кандыдата ў члены КПСС Пінчука, які ў 1955 г. быў судзімы за ўдзел у грабяхах да 15 гадоў пазбаўлення волі. П. М. Машэраў наклаў 8 студзеня рэзалюцыю: “Секретарям ЦК і т. Полозову Н. Н. Желательна разобраться, каким образом он оказался в партии” [12. – Арк. 7]. Чысціня радоў партыі для П. М. Машэрава была найвышэй за ўсё. Зразумела, што злодзеі не павінны былі быць у партыі. Але цяжка пагадзіцца з тым, што яны маглі займаць такія пасады. А згоду на гэта даваў райкам партыі. У другіх выпадках адсутнічала рэакцыя сакратароў ЦК КПБ. 23 чэрвеня 1966 г. на аўтамагістралі Брэст – Мінск у ДТЗ загінуў старшыня Камітэта народнага кантролю Брэсцкай вобласці С. А. Мядзведзяў з-за грубага парушэння правілаў дарожнага руху яго шафёрам, які быў цяжка паранены. На гэтай дакладной міністра аховы грамадскага

парадку БССР П. М. Машэраў толькі зазначыў: “Секретарям ЦК” і подпіс [12. –Арк. 81]. Падобныя выпадкі парушэнняў правілаў дарожнага руху шафёрамі наменклатурных работнікаў назіраліся і раней, і пасля гэтага здарэння. Іх служба ДАІ практычна не карала з-за заступніцтва іх начальнікаў. У рэшце рэшт гэта каштавала жыцця і многім вядомым людзям не толькі рэспублікі, але і ўсяго СССР – Ф. А. Сурганаву, Л. І. Бядзе, самому П. М. Машэраву і іншым. Аднак істотных высноў з гэтага не было зроблена. Міліцыя была бяссільная, бо аб’ектам правапарушэнняў былі самі прадстаўнікі ўлады. Калі ж справа тычылася сацыялістычнай уласнасці, рэзалюцыі вышэйшых партыйных работнікаў заўсёды былі адраснымі і прапаноўвалі прыняцце неадкладных мераў. 19 студзеня 1966 г. МАГП БССР паведамляла ЦК КПБ, што сумесна з Беларускай рэспубліканскай савета прафсаюзаў быў праведзены рэйд праверкі аховы і зберажэння сацыялістычнай уласнасці на прадпрыемствах і ў арганізацыях БССР, які выявіў цэлы шэраг недахопаў у гэтай справе. Вынікі рэйда былі дакладзены выканкамам мясцовых Саветаў дэпутатаў працоўных, адпаведныя прадстаўленні былі зроблены міністэрствам і ведамаствам БССР. Строгая рэзалюцыя П. М. Машэрава: “Ознакомить членов и к-тов в чл. Президиума ЦК. Отделам ЦК проследить за принятием необходимых мер по линии соответствующих министерств и ведомств республики” [12, арк. 10-15].

Вышэйшае партыйнае кіраўніцтва БССР строга ставілася да парушэння законнасці супрацоўнікамі міліцыі, перавышэння ўладных паўнамоцтваў, выпівак у рабочы час, выкарыстанне службовага становішча ў карысных мэтах. Толькі за 1982 – 1983 гг. было асуджана за парушэнне сацыялістычнай законнасці і іншыя злачынства 98 супрацоўнікаў міліцыі, у тым ліку 36 – за рукапрыкладства. Звольнена па службовай неадпаведнасці звыш 1 тыс. чалавек, каля 3 тыс. прыцягнуты да дысцыплінарнай адказнасці. Улічваючы падобныя факты, бюро ЦК КПБ 9 снежня 1983 г. разгледзела пытанне “Аб фактах грубага парушэння сацыялістычнай законнасці супрацоўнікамі праваахоўных органаў рэспублікі” [12, арк. 28, 25]. За дапушчаныя грубыя парушэнні законнасці, слабае кіраўніцтва органамі ў пытаннях умацавання супрацоўнікамі службовай дысцыпліны бюро ЦК КПБ члену КПСС, міністру ўнутраных спраў БССР абвясціла строгую вымову з

занясеннем ва ўліковую картку і вызваліла яго ад пасады міністра. Такое пакаранне атрымаў і першы намеснік міністра. Адпаведныя партыйныя пакаранні і вызваленне ад пасады былі ўчынены да начальніка Мазырскага гаррайадзела і яго намесніка, трох супрацоўнікаў крымінальнага вышуку гэтага жа аддзела. Апошнія былі прыцягнуты да крымінальнай адказнасці [25, арк. 28, 29, 31]. Больш істотныя недахопы ў дзейнасці праваахоўных органаў былі выяўлены на пасяджэнні бюро ЦК КПБ 24 верасня 1986 г., калі разглядалася пытанне “Аб грубых парушэннях сацыялістычнай законнасці, дапушчаных работнікамі праваахоўных органаў пры расследаванні і разглядзе ў судах шэрагу цяжкіх злачынстваў, ажыццёўленых у Віцебскай вобласці”. Там на працягу 15 гадоў безпакаранна здзяйсняў забойствы жанчыны Міхасевіч Г. М. За яго злачынствы ў розныя гады незаконна былі прыгавораны судамі да суровай меры пакарання 12 невінаватых грамадзян, у тым ліку Цярэня Н.С. – да смяротнай кары. Вінаватыя ў гэтай справе, найперш усе вышэйшыя кіраўнікі праваахоўных органаў БССР, панеслі суровыя пакаранні: выключаны з партыі, зняты з пасадаў. Партарганізацыямі Віцебскай вобласці і г. Мінска былі прыцягнуты да строгай партыйнай адказнасці 69 камуністаў-супрацоўнікаў праваахоўных органаў, 13 з іх выключаны з КПСС. Пракуратурай СССР і Пракуратурай БССР, МУС БССР пакарана ў дысцыплінарным парадку 11 супрацоўнікаў; звольнена з органаў і адклікана са складу судаў 23 чалавекі [25. – арк. 20].

Усе гэтыя шматлікія факты і многія партыйныя дакументы сведчаць аб тым, што кіруючыя органы за прычыну часта прымалі яе наступствы. Так было выгадна, бо асноўная прычына крылася ў прыродзе савецкай сацыялістычнай сістэмы ўлады, якая не ведала іншых шляхоў па ахове грамадскага парадку і барацьбе са злачыннасцю. Партыя патрабавала ажыццяўляць, хоць і сацыялістычную, але законнасць. Але на самой справе менавіта партыйны орган, а не вышэйстаячы дзяржаўны, прымаў кадравыя рашэнні. Гэта, па-першае, з’яўлялася не толькі парушэннем савецкага заканадаўства, але нават і рашэння Палітбюро ЦК КПСС ад 20 лістапада 1986 г. Па-другое, адміністрацыйныя меры, як правіла, ніколі не вырашаюць сутнасць праблемы, а заганяюць яе яшчэ больш унутр, пасля чаго яе вырашэнне становіцца больш цяжкім. Па-трэцяе, сутнасць справы ў многім заключалася ў

вызначэнні крытэрыяў эфектыўнасці дзейнасці міліцыі. У разглядаемы перыяд ім быў працэнт раскрывальнасці злачынстваў супрацоўнікамі міліцыі. За высокі працэнт начальства магло ўзнагародзіць, а за дрэнны – пакараць. У сувязі з такім падыходам супрацоўнікі міліцыі вымушаны былі ці пакінуць ОУС ці, часам, ісці на заведамае парушэнне законнасці, “выбіваючы”, “выкалачваючы” рознымі супрацьпраўнымі прыёмамі неабходныя для іх доказы віны ў падазроных. Па-чацвёртае, многія партыйныя дакументы былі навеяны небяспечнай ілюзіяй, што са злачыннасцю можна хутка і лёгка пакончыць. Дзеля гэтага дастаткова было толькі прыняць чарговую пастанову з патрабаваннямі ў ёй “узмацніць”, “палепшыць”, “удасканаліць”, “прыняць меры”. Разлік браўся і на маральны аспект, унутраныя магчымасці супрацоўнікаў міліцыі рознага ўзроўню. Але яны з’яўляюцца далёка не невычарпальнымі. На ўсё існуе мяжа магчымасці, пасля якой адбываецца разбурэнне, у тым ліку і маральнага стану асобы супрацоўніка міліцыі.

Такім чынам, прыведзены факталагічны матэрыял дазваляе заключыць, што ў разглядаемы перыяд менавіта КПСС вызначала генеральную палітыку стратэгіі і тактыкі дзейнасці міліцыі СССР у цэлым, а гэта значыць і міліцыі БССР як рэгіянальнай яе часткі, па ахове грамадскага парадку і барацьбе са злачыннасцю, гарызантальную і вертыкальную структуру ОУС, сістэму кіравання ёю, кадравую палітыку. Кампартыя Беларусі і яе мясцовыя партыйныя органы імкнуліся старанна выконваць палітыку КПСС адносна мясцовых умоў, вызначалі ў рэчышчы гэтай палітыкі свае формы і метады работы з міліцыяй, кантроль за яе дзейнасцю. Партыя разглядала міліцыю як адзін з важнейшых інструментаў механізма дзяржавы дзеля замацавання, утрымання і ўзмацнення сваёй улады. Менавіта таму яна заўсёды надзяляла міліцыю, асабліва ў складаных, пераломных перыяды гісторыі, вялікімі паўнамоцтвамі, а таму і вялікай падтрымкай са свайго боку.

З другога боку, міліцыя верай і праўдай служыла савецкай сістэме ўлады, якая яе стварыла, накіроўвала і кантралявала. Адметнасцю партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва вышэйшай партыйнай эліты Беларусі дзейнасцю рэспубліканскай міліцыяй стаў персанафіцыраваны кірунак, які праяўляўся праз прызначэнні міністра ўнутраных спраў рэспублікі. У азначаны перыяд імі былі:

А. Н. Аксёнаў, Б. Ц. Шумілін, А. А. Клімаўскі, Г. М. Жабіцкі, В. А. Піскароў, У. Д. Ягораў. Аб'ектыўна ўсе яны сваю дзейнасць імкнуліся выконваць старанна, прафесійна. Калі адны падыходзілі да дзейнасці міліцыі больш з партыйна-дзяржаўных пазіцый, то другія, прайшоўшы міліцэйскую службу знізу да самага верху, не ігнаруючы партыйна-дзяржаўны падыход, – больш з міліцэйскіх пазіцый, што аказвала больш станоўчы ўплыў на дзейнасць усёй міліцыі рэспублікі. Міліцыя Беларусі найперш выконвала рашэнні КПСС – КПБ і толькі затым – законы.

Адначасова неабходна падкрэсліць, што дзеянне партыйных арганізацый і іх органаў у сістэме МУС БССР у разглядаемы перыяд мела станоўчае значэнне, актывізавала дзейнасць супрацоўнікаў міліцыі на эфектыўную ахову грамадскага парадку і барацьбу са злчыннасцю. Яны служылі своеасаблівым стрымліваючым фактарам ад непамерна прадурзятых, а часам і неправамерных дзеянняў асобных начальнікаў на ўсіх узроўнях. Партыйнае спагнанне рэзка негатыўна адбівалася на іх кар'еры. Партыйныя арганізацыі ў многім абаранялі інтарэсы шараговых супрацоўнікаў міліцыі.

Выкарыстанныя крыніцы і літаратура

1. Некрасов, В.Ф. МВД в лицах. От В. В. Федорчука до А.С. Куликова. 1982 – 1998 / В. Ф. Некрасов. – М. : Молодая гвардия, 2000. – 359 с.
2. История Советских Конституций (в документах). 1917 – 1956. – М. : Госюриздат, 1957. – 1046 с.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М. : Политиздат, 1977. – 127 с.
4. Канстытуцыя (Асноўны Закон) Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. – Мінск : Беларусь, 1978. – 61 с.
5. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, В. А. Кучинский, Н.А. Горбатов. – Минск : Тесей, 1998. – 576 с.
6. Канстытуцыя (Асноўны Закон) Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. – Менск : Белпартвыдавецтва ЦК КП(б)Б, 1937. – 27 с.
7. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. – М. : Политиздат, 1967. – 144 с.

8. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. – М. : Политиздат, 1986.
9. Нацыянальныя Архіў Рэспублікі Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд. 4. – Воп. 81. – Спр. 2421.
10. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 81. – Спр. 2417.
11. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 151. – Спр. 36.
12. Архіў МУС Рэспублікі Беларусь (далее – Архіў МУС РБ). – Ф. 25. – Воп. 1. – Спр. 105.
13. Архіў МУС РБ. – Спр. 124.
14. Архіў МУС РБ. – Спр. 108.
15. Архіў МУС РБ. – Спр. 157.
16. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1986 г.: статистический ежегодник. – Минск : Статистика, 1987. – 275 с.
17. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1989 г.: статистический ежегодник. – Минск : Беларусь, 1990. – 271 с.
18. Коммунистическая партия Белоруссии. – Минск : Беларусь, 1981. – 143 с.
19. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 134. – Спр. 35.
20. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 160. – Спр. 1139.
21. Архіў МУС РБ. – Фонд 34. – Воп. 1. – Спр. 7.
22. Архіў МУС РБ. – Спр. 80.
23. Архіў МУС РБ. – Фонд 25. – Воп. 1. – Спр. 157.
24. Архіў МУС РБ. – Спр. 125.
25. НАРБ. – Ф. 4. – Воп. 150. – Спр. 115.

ПАРТИЯ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Семенова Л. Н.

г. Минск, БНТУ

Власть и управление в любые периоды истории, включая советский, крайне плохо поддаются теоретическому осмыслению в терминах западной политологии. Между тем для характеристики Советского Союза в общественно-политическом, научном и учебном дискурсе продолжают употребляться понятия «тоталитаризм», «однопартийная система», «партия-государство», «диктатура партии», «партократия».

РКП (б) – ВКП(б)–КПСС, включавшая КПБ и другие республиканские отряды, не была политической партией классического за-

падного типа, корпорацией публичного права, юридическим лицом гражданского общества. Партия западного типа, с одной стороны, в своей структуре имеет руководящий партийный аппарат, поставляющий кандидатов на выборы, с другой стороны, практически не организованную партийную массу, которая проявляет свои партийные симпатии в предвыборных мероприятиях и на выборах. В структуре КПСС также выделялся разветвленный руководящий партийный аппарат. Но на низовом уровне партийные ячейки во главе с партийными руководителями существовали практически в каждом трудовом коллективе, во всех предприятиях и в учреждениях, во всех «клеточках» советского общества по терминологии А.А. Зиновьева. По его словам, «партийная организация в первичных коммунах выражает народовластие и его границы. Одновременно она образует связующее звено и регулятор взаимоотношений народовластия и государственной власти» [2, с. 169].

Важнейший системообразующий признак западной партии – ее целеполагание, связанное с борьбой за власть. Это придает партии политический характер. Большевистская партия, придя к власти, по словам И.В. Сталина, завоевала такое положение, «при котором она стала единственной легальной партией в стране, не делаящей своего руководства ни с какой другой партией. Руководящая партия должна быть монопольна» [3, с. 348]. При таком положении и охватывающей все общество структуре, став системообразующим началом общества, партия неизбежно «уменьшает» свой политический характер.

Западные партии как корпорации публичного права действуют в соответствии со специальными законами о партиях. Даже А. Гитлер, придя к власти, позаботился о принятии «Закона об обеспечении единства партии и государства», придав, таким образом, НСДАП некое подобие легитимности. В смысле соответствия законодательству КПСС была нелегальной организацией. До самого конца перестройки КПСС не подпадала под действие единственного общенормативного акта, регулирующего положение общественных организаций, а именно «Положения о добровольных обществах и союзах (от 10.07.1932 г.)». Согласно положению любое добровольное общество признается юридическим лицом со всеми правами только со дня утверждения его устава государственным органом. Как заметил А.И. Фурсов, «устав КПСС никаким государственным

органом не утверждался. КПСС как организацию никто (т.е. государство) вообще не разрешал, да и как, и кто может разрешить организацию, провозгласившую себя “высшей формой общественно-политической организации советского общества”» [4, с. 248].

Решения ЦК КПСС признавались одним из источников советского права. «Организовать и направлять разработку законов, – пишет А.И. Фурсов, – значит быть над ними, быть их демиургом». Он обратил внимание на следующий красноречивый эпизод. Во время суда над «королями» советского черного рынка, возглавлявшими сеть нелегального оборота золота и иностранной валюты Рокотовым, Файбишенко и Яковлевым, Н.С. Хрущев, узнав, что по советским законам им «светит» всего лишь 5–6 лет лишения свободы, потребовал для них расстрела. Но когда генеральный прокурор возразил, что такое наказание не предусмотрено советским законодательством, Хрущев пришел в ярость: «Закон над нами, над коммунистической партией или мы над законом?» Во время судебного процесса законы несколько раз поменяли и подвели обвиняемых под расстрельную статью [4, с. 144, 247].

Юридические лица для осуществления своей уставной деятельности имеют собственные бюджеты. В тоталитарной фашистской Германии строго разграничивались золото рейха, СС, НСДАП. При том, что члены КПСС регулярно уплачивали партийные взносы, самостоятельного бюджета у КПСС не было. Руководитель Управления делами ЦК КПСС, по сути «казначей партии» Н.Е. Кручина отмечал, что до 1991 г. валютные средства для КПСС централизованно предусматривались Госпланом и Минфином. То есть разницы между партийной и государственной казной не было. Неслучайно, предчувствуя вхождение в рыночный капитализм, высшие партийные функционеры задумались о необходимости оформления партийной собственности. 23 августа 1990 г. появился секретный документ «О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии», направленный М.С. Горбачеву. В нем говорилось: «... как свидетельствуют уроки Восточной Европы, непринятие своевременных мер по оформлению партийного имущества применительно к требованиям коммунистической работы и включение его в нормальный хозяйственный оборот, особенно в условиях перехода к рынку, неминуемо грозит тяжелыми последствиями для партии» [4, с. 144]. А в общественном

сознании и литературе уже выросал миф о «золоте партии». Но это «золото» стало приобретать зримые очертания только при капиталистической контрреволюции, удивившей мир масштабами приватизации – «прихватизации». До этого при господстве общенародной собственности его просто не могло быть.

Особое положение коммунистической партии в советском обществе зафиксировано и в советских конституциях. В конституции СССР 1936 г., известной как «конституция победившего социализма», в ст. 126 гл. X «Основные права и обязанности граждан» компартия определяется в качестве «руководящего ядра всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». В конституции «развитого социализма» 1977 г. в ст. 6 гл. I «Политическая система» партия трактуется, как «руководящая и направляющая сила советского общества, ядро его политической системы, государственных и общественных организаций». Введение главы о политической системе стало попыткой зафиксировать советскую управленческую реальность сквозь призму западной политической науки. Однако в случае с КПСС это не получалось, поэтому и назвали ее ненаучно «силой» и «ядром». А сколько появилось подобных образных метафор, кстати, точнее передающих суть партии, чем политологическая терминология. Это и знаменитое ленинское «ум, честь и совесть нашей эпохи». Л.И. Брежнев уподобил партию сердцу в организме [4, с. 245]. Г.А. Зюганов заметил: «Сломав партийный стержень, державу превратили в разбегающиеся галактики» [4, с. 246]. А.И. Фурсов, развивая концепцию о специфике русской власти, дал следующее определение коммунистическому строю: «... система клеток и органов социально однородной власти, в котором ячейка власти и ячейка производства совпадали. Главным же органом этого строя была КПСС, но не как партия, а как некое явление “КПСС”» [4, с. 245].

Это действительно было особое явление в управленческой системе СССР. Согласно достаточно общей теории управления оптимальным считается управление по схеме предиктор-корректор. Метод предиктор-корректор в вычислительной математике представляет собой цикл, в котором последовательно друг за другом выполняются две операции: первая – прогноз решения и вторая – проверка прогноза на удовлетворение требованиям к точности решения задачи. На русский язык термины предиктор-корректор мо-

гут быть переведены как предуказатель-поправщик. Управление по схеме предиктор-корректор представляется как сочетание действий: 1) предиктора, выполняющего функцию прогноза и выработки методологии, концепции и программы управления и 2) программно-адаптивного модуля (корректора), который непосредственно управляет объектом на основе разработанной программы, адаптируя ее к конкретике обстоятельств, в которых протекает процесс управления [1, с. 100–101].

В кибернетике этот принцип известен как принцип внешнего дополнения в механизме управления самоорганизующихся систем с двумя контурами управления. Субъект управления (управленец), находящийся под влиянием окружающей среды, ставит цель и воздействует на объект управления, получая от него обратную связь. В совокупности все это составляет первый контур управления. Но управленец также реагирует на внешние дополнительные импульсы, дающие ему определенные знания, что создает второй, но при этом очень важный концептуальный контур управления. При этом роль внешнего дополнения лучше всего выполняет структура с совершенно другим «генотипом», говорящая на другом языке, нежели субъект управления. Если управление с одним контуром, который выполняет роль обычного регулятора, как правило, не выходит за пределы самосохранения системы, поддержания ее простого равновесия (гомеостаза), то двухконтурное управление, ставя серьезные цели, приводит к развитию системы.

Таким образом реальный процесс управления по полной функции управления является двухконтурным. Это хорошо прослеживается в древних обществах. Жречество выполняло функцию предиктора, правители (фараоны, князья, цари, императоры) – функцию корректора. Если власть правителей (корректора) была публичной и ограничивалась государственными границами, то концептуальная власть предиктора не публична и не знает границ. Для очень многих стран она была внешней, что подтверждается реалиями европейского средневековья, когда функцию предиктора-жречества взяла на себя христианская церковь, распространив на многие страны и народы библейский проект.

В эпоху капитализма двухконтурность управления оказалась максимально скрытой. С одной стороны, с развитием конституционализма, демократии, гражданского общества выборной и нарочито

публичной становится власть корректора. Электорат выбирает парламенты, президентов, местные советы, губернаторов, мэров, наблюдает за их делами, критикует, видит деятельность легальной оппозиции, в случае недовольства может избрать других. Люди верят, что это и есть полный механизм власти, которая лишившись сакральности и таинственности, стала вполне рациональной. Но, наблюдая за перипетиями обсуждения статей какого-либо закона в парламенте, они не задают вопрос, а кто вообще придумал главную идею закона. Следя за голосованием по поводу участия или неучастия своей страны в войне, они не думают, а кто эту войну развязал. Власть предиктора никуда не исчезла. Она просто ушла в тень. А.И. Фурсов объясняет необходимость второго контура управления еще и таким обстоятельством. Капитализм как экономическая система носит мировой наднациональный характер. Однако формальная политическая организация капиталистической системы имеет национальный характер. Поэтому правящая верхушка остро нуждается в органах наднационального согласования и управления [5, с. 52]. Добавим, что при неизбежном расхождении между мировыми экономическими интересами и национальными государствами такие органы не могут не быть тайными. На рубеже XIX–XX вв. влияние подобных структур на Российскую империю было столь масштабным, что позволило им воздействовать на ход Февральской революции, уничтожившей государство.

Определив для себя иную, чем капитализм концепцию развития, выйдя из мировой капиталистической системы, для самостоятельного эффективного развития Советский Союз рано или поздно должен был создать у себя собственную двухконтурную систему управления. Восстановленная и преобразованная через советы привычная государственная система стала корректором, а функции предиктора естественно взял на себя новый субъект исторического действия – победившая партия большевиков. Как подчеркивал И.В. Сталин: «Положение нашей партии в стране как единственно легальной партии не есть нечто искусственное и надуманное» [3, с. 348]. Как когда-то жрецы-волхвы были в каждой общине, так и теперь в каждой деловой клеточке была создана своя партийная организация. В терминах кибернетики роль партии четко определяется в качестве внешнего дополнения. Уничтожив второй контур управления, вынув сердце из организма, стержень из системы,

быстро был сломлен и первый. Страна была разрушена. Но нельзя не отметить, что и партия в качестве предиктора не справилась со своей главной функцией развития и удержания концептуальной власти, позволив капиталистической системе перехватить ее.

Использованные источники и литература

1. Внутренний предиктор СССР. Достаточно общая теория управления. – М.: Концептуал, 2018. – 464 с.
2. Зиновьев, А. А. Коммунизм как реальность / А. А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
3. Краткий курс истории ВКП (б). Текст и его история. В 2-х ч. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б). 1931–1956». / Сост. М.В. Зеленев, Д. Брандербергер. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 791 с.
4. Фурсов, А. И. Русский интерес / А. И. Фурсов. Изд. 2-е. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. – 501 с.
5. Фурсов, А. И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств / А. И. Фурсов. – М.: Книжный мир, 2016. – 320 с.

АБ САМАСТОЙНАСЦІ І ЗАЛЕЖНАСЦІ Ў ЗНЕСНЕПАЛІТЫЧНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ БЕЛАРУСКАЙ ССР: ПА МАТЭРЫЯЛАХ БЕЛАРУСКІХ, РАСІЙСКІХ І ЎКРАЇНСКІХ ДЫПЛАМАТЫЧНЫХ АРХІВАЎ (1944–1991 гг.) Снапкоўскі У. Е. г. Мінск, БДУ

Знешнепалітычная дзейнасць савецкіх саюзных рэспублік у 1944–1991 гг., перш за ўсё Украінскай ССР і Беларускай ССР уяўляе сабою цікавы феномен у гісторыі савецкай знешняй палітыкі і міжнародных адносін. Гэты феномен тлумачыцца ў першую чаргу асаблівым міжнародна-прававым і палітыка-прававым статусам саюзных рэспублік СССР, вызначаным канстытуцыйнай рэформай 1944 г. і наступнымі палітычнымі і прававымі зменамі ў рамках савецкай федэратыўнай дзяржавы. Галоўнай асаблівасцю знешнепалітычнай дзейнасці саюзных рэспублік у названы перыяд з’яўлялася тое, што яны, з аднаго боку, фармальна-юрыдычна як бы мелі ўсю паўнату знешнепалітычных паўнамоцтваў, а, з іншага боку,

маглі імі скарыстацца толькі ў мінімальнай ступені. Гэта дало падставы, і не безабгрунтаваныя, заходнім спецыялістам у галіне міжнароднага права і міжнародных адносін, палітыкам і дыпламатам сцвярджаць, што саюзныя рэспублікі, у тым ліку заснавальніцы ААН (УССР і БССР), не з'яўляюцца паўнапраўнымі суб'ектамі міжнароднага права і міжнародных адносін, а толькі дзяржаўнымі ўтварэннямі асобнага роду з частковай міжнароднай правасуб'ектнасцю [3, с. 131; 17, с. 121-123; 19, р. 629; 20, с. 212]. Зразумела, што такая пазіцыя рашуча адваргалася савецкай дактрынай міжнароднага права і міжнародных адносін, у тым ліку ўкраінскімі і беларускімі навукоўцамі і дыпламатамі.

Пасля таго, як саюзныя рэспублікі атрымалі рэальную магчымасць рэалізаваць свае суверэнныя правы ў галіне міжнародных адносін (а гэта адбылося пасля абвяшчэння імі незалежнасці ў выніку распаду СССР), даследчыкі постсавецкіх дзяржаў, скінуўшы кайданы монаідеалогіі і монаметадалогіі, змаглі прадставіць чытачам больш блізкую да гістарычнай праўды карціну міжнароднай актыўнасці ўжо былых саюзных рэспублік. Гэта тычылася перш за ўсё так званых (паводле сталінскай тэрміналогіі) «дзвюх асноўных савецкіх рэспублік» УССР і БССР [9, с. 203], чыя дзейнасць у сферы знешняй палітыкі СССР у названы 47-гадовы перыяд была несумненна больш прыкметнай і выніковай у параўнанні з астатнімі саюзнымі рэспублікамі. Сёння, праз 28 гадоў пасля атрымання Украінай і Беларуссю незалежнасці, гістарычнае палатно, якое адлюстроўвае знешнепалітычную актыўнасць УССР і БССР у 40-80-я гады ХХ стагоддзя, набыло значна больш дакладныя, правільныя і выразныя абрысы, хоць яно, вядома, не завершана. Даследчыя інструменты, дзякуючы якім рэканструюецца нядаўняе гістарычнае мінулае новых незалежных дзяржаў Украіны і Беларусі ў галіне міжнародных адносін, ўключаюць у сябе новыя метадалагічныя падыходы і канцэпцыі, адкрыццё новых тэм, падзей і імёнаў (так званае затушаванне «белых плям»), выкарыстанне ўсяго даступнага комплексу апублікаваных і архіўных дакументаў, нарэшце бесцэнзурную публікацыю сваіх даследаванняў, і, вядома, іншыя метады і спосабы даследаванняў.

З нешматлікіх абагульняючых прац, выдадзеных у Беларусі ў перыяд незалежнасці па тэматыцы знешнепалітычнай дзейнасці БССР у пасляваенныя гады, у якіх знайшлі адлюстраванне

згаданыя вышэй новыя даследчыя прыёмы і падыходы, можна назваць манаграфіі і вучэбныя дапаможнікі С.Свілас і аўтара гэтага артыкула [12; 13; 14]. Пэўная праца ў гэтым кірунку зроблена ўкраінскімі даследчыкамі. Сярод расійскіх аўтараў інтарэсу да даследавання знешнепалітычнай дзейнасці саюзных рэспублік намі не выяўлена. З работ прадстаўнікоў расійскай міжнародна-прававой навукі выдзяляецца кніга П. П. Кремнева, у якой аўтар выступае супраць агульнавядомага тэзіса аб міжнародна-прававой суб'ектнасці савецкіх саюзных рэспублік, у тым ліку УССР і БССР, якую яны паводле яго думкі згубілі пасля ўступлення ў склад СССР [7].

У гэтай сувязі аўтар хацеў бы спыніцца на пытанні значэння для даследчыка знешнепалітычнай дзейнасці БССР азначанага перыяду (як і УССР, паколькі іх дзейнасць шмат у чым мела аналагічны характар) адкрыцця дыпламатычных архіваў у прыватнасці, і дзяржаўных архіваў, дзе змешчаны знешнепалітычныя дакументы, увогуле. Для таго, каб вызначыць гэтае значэнне, неабходна правесці інвентарызацыю звестак аб беларускіх знешнепалітычных архівах, іншымі словамі зрабіць агляд беларускіх і замежных дыпламатычных і іншых дзяржаўных архіваў на прадмет утрымання ў іх матэрыялаў па тэме «Знешнепалітычная дзейнасць БССР у 1944–1991 гг.». У гэтым артыкуле абмяжуемся кароткім аглядам архіваў трох постсавецкіх дзяржаў – Беларусі, Расіі і Украіны, у якіх я меў шчаслівую магчымасць працаваць з пачатку 1990-х гадоў па цяперашні час.

У Рэспубліцы Беларусь дакументы па гэтай тэме захоўваюцца ў двух архівах: Архіве МЗС Рэспублікі Беларусь (АМЗСРБ) і Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Вядомыя архіў МЗС Рэспублікі Беларусь утрымлівае найбольш поўны збор дакументаў па гэтай тэме. Шэраг даследчыкаў, у тым ліку аўтар, выкарыстоўвалі ў сваіх публікацыях зборнікі выступленняў прадстаўнікоў БССР на канферэнцыі ў Сан-Францыска, Падрыхтоўчай камісіі ААН, Парыжскай мірнай канферэнцыі, сесіях Генеральнай Асамблеі і некаторыя іншыя афіцыйныя матэрыялы, якія раней захоўваліся ў АМЗСРБ. Цяпер гэтыя матэрыялы знаходзяцца ў НАРБ.

Праз чвэрць стагоддзя, у 2016 г. аўтар паўторна атрымаў магчымасць папрацаваць з дакументамі архіва беларускага МЗС, у прыватнасці з фондам 907/1, воп. 1. Намі былі вывучаны справы перыяду 1970–80-х гг. Гэта, у прыватнасці, зборнікі выступленняў прадстаўнікоў БССР на штогадовых сесіях Генеральнай Асамблеі [1, ф. 907/1, воп. 1, спр. 1214, 1469, 1653, 1743, 2008, 2078, 2470, 2622 і інш.], перапіска беларускага МЗС з Сакратарыятам ААН і іншых арганізацый сістэмы ААН, Пастаянным прадстаўніком БССР пры ААН, МЗС СССР. Асабліваю цікавасць для даследчыка ўяўляюць справы, якія адлюстроўваюць дзейнасць БССР як непастаяннага члена Савета Бяспекі ААН у 1974–1975 гг. [1, ф. 907/1, воп. 1, спр. 2015а], справаздачы беларускіх дэлегацый аб удзеле ў нарадах загадчыкаў аддзеламі міжнародных арганізацый МЗС сацыялістычных краін па пытаннях падрыхтоўкі да сесіі Генеральнай Асамблеі, інфармацыя Пастаяннага прадстаўніцтва БССР пры ААН аб нарадах групы сацыялістычных краін у ААН [1, ф. 907/1, воп. 1, спр. 1840] і інш. матэрыялы. Выяўленыя дакументы прадстаўляюць даволі разнастайную карціну ўдзелу БССР у дзейнасці ААН і адначасова паказваюць абмежаваны магчымасці рэспубліканскага МЗС у ажыццяўленні шматбаковай дыпламатыі, скаванага кантролем і ўсталяванай практыкай ўзаемаадносін з саюзным МЗС і рэспубліканскім ЦК кампартыі.

У НАРБ акрамя ф. 907 тэматыка знешнепалітычнай дзейнасці БССР 1944–1991 гг. прадстаўлена таксама ў фондах вышэйшых органаў дзяржаўнай улады і кіравання БССР: ЦК Кампартыі Беларусі (ф. 4 і 4п), Савета Міністраў БССР/Рэспублікі Беларусь (ф. 7), Вярхоўнага Савета БССР/Рэспублікі Беларусь (ф. 968). Напрыклад, у фондзе ЦК КПБ знаходзіцца такі ўнікальны дакумент, як справаздача МЗС БССР аб сваёй рабоце ў 1976 г., падпісаны міністрам замежных спраў А. Е. Гурыновічам памерам 41 маш. стар. З невялікімі выняткамі, якія не маюць прынцыповага характару, гэты дакумент быў апублікаваны ў 2004 г. у 6 томе зборніка дакументаў і матэрыялаў «Знешняя палітыка Беларусі» [8, ф. 4п, воп. 118, спр. 19, арк. 170-210; 5, с. 78-101]. Упершыню навуковая грамадскасць атрымала магчымасць азнаёміцца са справаздачай МЗС саюзнай рэспублікі, у якім дастаткова поўна і грунтоўна паказаны ўсе аспекты дзейнасці знешнепалітычнага ведамства БССР у межах яго паўнамоцтваў.

Што ж тычыцца аналагічных штогадовых справаздач МЗС СССР і МЗС УССР, то яны працягваюць, як правіла, знаходзіцца на сакрэтным захоўванні ў адпаведных архівах (АЗПРФ і Архіве МЗС Украіны). З гэтага правіла праўда, ёсць выключэнні, якімі нам удалося скарыстацца. У Расійскім дзяржаўным архіве найноўшай гісторыі ў фондзе расакарэчаных дакументаў ЦК КПСС ёсць справа, якая змяшчае справаздачу МЗС СССР аб працы савецкай дэлегацыі на XXII сесіі Генеральнай Асамблеі ААН у 1967 г. [10, ф. 89, воп. 19, спр. 44, арк. 1-17]. Адзначым аднак, што гэта ўсёж-такі не справаздача аб усёй рабоце саюзнага МЗС за год, а справаздача аб дзейнасці дэлегацыі СССР на сесіі Генеральнай Асамблеі. Гэты дакумент быў накіраваны міністрам замежных спраў СССР А. А. Грамыкам у ЦК КПСС 8 студзеня 1968 г. Ён працяты духам канфрантацыі з заходнімі дзяржавамі, перш за ўсё па блізкаўсходнім і в'етнамскаму пытаннях. Гаворыцца аб адзінай пазіцыі сацыялістычных краін у ААН, з якой аднак выпадалі Куба і Румынія. Характэрна і тое, што ў справаздачы (на 17 аркушах) не згадваюцца УССР і БССР, як і супрацоўніцтва дэлегацыі СССР з дэлегацыямі гэтых дзвюх саюзных рэспублік (членаў ААН).

У Галіновым дзяржаўным архіве МЗС Украіны таксама ёсць адна даступная для даследчыкаў справаздача МЗС УССР за 1979 г. [6, ф. 1, воп. 3, спр. 37546, арк. 1-15], з якой нам удалося пазнаёміцца. Цяжка меркаваць, чаму менавіта гэтая справаздача знята з сакрэтнага захоўвання, але для гісторыка выніковы дакумент такога роду вядома ўяўляе цікавасць. Галоўная ўвага ў ім нададзена дзейнасці УССР у ААН і яе спецыялізаваных установах. Пытанні развіцця замежных сувязяў, абменаў візітамі, пратакольна-консульскай працы і ўсіх іншых аспектаў дзейнасці міністэрства не ўвайшлі ў змест справаздачы або прагучалі вельмі прыглушана. Гэта тлумачыцца тым, што справаздачы Камісіі УССР па справах ЮНЕСКА, аб консульскай працы і аб працы з кадрамі былі накіраваны ў МЗС СССР асобна. У параўнанні са згаданай справаздачай беларускага МЗС за 1976 г. справаздача МЗС УССР больш чым у два разы меншая па аб'ёме (15 замест 41 стар.). Аднак па змесце яна грунтоўна характарызуе дзейнасць міністэрства па падрыхтоўцы да 34-й сесіі Генеральнай Асамблеі ААН і ўдзелу ўкраінскай дэлегацыі ў яе працы. Справаздача завяршаецца фарму-

ляванне 8 змястоўных прапаноў у адрас МЗС СССР [6, ф. 1, воп. 3, спр. 37546, арк. 14-15]. У дакуменце гаворыцца аб супрацоўніцтве дэлегацыі Савецкага Саюза, брацкіх сацыялістычных краін у ААН, аднак дэлегацыя БССР не згадваецца. Тое ж самае тычыцца і неўпамінанне дэлегацыі УССР у справаздачы МЗС БССР за 1976 г.

Параўнанне справаздач трох міністэрстваў замежных спраў (СССР, УССР і БССР) паказвае, што на форумах ААН паміж трыма савецкімі дэлегацыямі ажыццяўлялася несумненна самае цеснае дыпламатычнае супрацоўніцтва пад кіраўніцтвам дэлегацыі СССР, аднак нават у сакрэтных дакументах трох міністэрстваў замежных спраў таго часу аб гэтым лічылі за лепшае не згадваць ці не акцэнтаваць увагі, лічачы гэта само сабой зразумелым. Гэтая заўвага ў першую чаргу тычыцца саюзнага МЗС, які, верагодна, баяўся абвінавчванняў і папрокаў (небезпадстаўных) у дыктаце, апецы, кантролі над рэспубліканскімі міністэрствамі замежных спраў.

Актыўнасць БССР і УССР на міжнароднай арэне з 1944 г. мела ў значнай ступені аналагічны характар, хоць варта прызнаць і той бясспрэчны факт, што дыпламатычны голас Кіева гучаў гучней і выразней, чым голас Мінска. Гэтаму ёсць шэраг вядомых тлумачэнняў, разгляд якіх адвёў бы ад асноўнай тэмы даследавання. Зыходзячы з таго, што гэтыя дзве саюзныя рэспублікі былі прадстаўлены ў ААН, удзельнічалі ў іншых міжнародных арганізацыях, канферэнцыях і форумах, вырашалі шмат у чым аднолькавыя задачы савецкай знешняй палітыкі (адносіны з Польшчай, краінамі Захаду і інш.), таму зразумела, што іх знешнепалітычныя інтарэсы і функцыі супадалі і былі блізкія адзін да аднаго. Вельмі важным было і тое, што механізм знешнепалітычнай каардынацыі і інфармавання ў рамках СССР прадугледжваў абавязковую рассылку дакументаў, якія тычацца, напрыклад, БССР, у МЗС СССР і УССР, а ў шэрагу выпадкаў і іншыя МЗС саюзных рэспублік, пастаянныя прадстаўніцтва СССР і УССР пры ААН, зацікаўленыя амбасады СССР у замежных дзяржавах. Такім чынам, у Кіеве даследчык знойдзе нямала архіўных матэрыялаў аб знешнепалітычнай дзейнасці БССР і яе замежных сувязях. У гады перабудовы ўкраінскі МЗС быў ініцыятарам пашырэння знешнепалітычнай самастойнасці саюзных рэспублік і гэта адлюстравалі нарады міністраў замежных спраў і іншых адказных работнікаў міністэрстваў замежных спраў

саюзных рэспублік у саюзным МЗС [6, ф. 1, воп. 3, спр. 6091, арк. 12-15, 18-20].

Паўнавартаснае даследаванне знешнепалітычнай дзейнасці БССР, як і любой іншай саюзнай рэспублікі, немагчыма без вывучэння архіваў Расійскай Федэрацыі, якая атрымала ў спадчыну архівы былога СССР. Аўтар працаваў над гэтай тэматыкай у пяці маскоўскіх архівах: Архіве знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (АЗПРФ), Расійскім дзяржаўным архіве сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ), Расійскім дзяржаўным архіве навейшай гісторыі (РДАНГ), Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі і Навуковым архіве Інстытута расійскай гісторыі РАН.

Найбольш поўны збор беларускіх знешнепалітычных архіваў прадстаўлены ў АЗПРФ, хоць асобнага фонду аб міжнароднай дзейнасці БССР з 1944 г., як і ў цэлым аб знешнепалітычнай актыўнасці савецкіх саюзных рэспубліках у ім няма. Як вядома, у 1989 г. у структуры МЗС СССР быў створаны Адзел па саюзным рэспублікам СССР [4, с. 109], аднак доступ да яго матэрыялаў закрыты. Варта сказаць, што ў архіве існуе фонд № 0215 (Упраўленне Упаўнаважанага НКЗС СССР у БССР, 1918–1938 гг.). Дакументацыя аб саюзных рэспубліках, у тым ліку БССР, найбольш шырока адлюстравана ў матэрыялах апошняга перыяду Другой сусветнай вайны і першых пасляваенных гадоў [16]. У гэтыя гады, як вядома, рэспублікі выйшлі на міжнародную арэну, заснаваўшы ўласныя наркаматы замежных спраў, і сталі актыўным інструментам савецкай знешняй палітыкі і дыпламатыі. У фондзе міністра замежных спраў СССР В. М. Молатава (№ 6/06) знаходзяцца справы, якія тычацца планаў ўключэння шэрагу саюзных рэспублік, у тым ліку БССР і УССР, у склад Камісіі Аб'яднаных Нацый па ваенных злачынствах (1943-1944 гг.) [2, ф. 06, воп. 5, п. 17, спр. 166]. У гэтым жа фондзе сабрана калекцыя дакументаў па пытанні ўключэння саюзных рэспублік у склад першапачатковых членаў ААН. Гэтая ж праблематыка адлюстравана ў іншых фондах, прысвечаных ўдзелу СССР у канферэнцыях у Думбартон-Оксе, Ялце (ф. 0556) і Сан-Францыска (ф. 429) [2, ф. 429, воп. 1, п. 1, спр. 1, 2, 3, 6; п. 3, спр. 8 і інш.], і ў фондах намеснікаў В. М. Молатава, у прыватнасці С. А. Ла-зоўскага.

Знешнепалітычная дзейнасць СССР і саюзных рэспублік з 1944 г. і да пачатку 50-х гадоў адлюстравана ў некалькіх фондах

РДАСПГ: № 17 (ЦК ВКП(б)/КПСС), № 82 (В. М. Молатава), № 558 (І. В. Сталіна) і некаторых іншых. У фондзе № 17 утрымліваюцца матэрыялы Палітбюро ЦК ВКП(б)/КПСС (парадак і пратаколы пасяджэнняў Палітбюро і матэрыялы да іх, у тым ліку «собныя папкі»), дзе ёсць нямала пытанняў знешняй палітыкі, якія ў апублікаваным выданні «Палітбюро ЦК ВКП(б)/КПСС. Парадак дня пасяджэнняў» звычайна праходзяць пад назвай «Пытанне НКЗС/МЗС СССР». Палітбюро зацвярджала наркамаў замежных спраў БССР і УССР, як і іншых саюзных рэспублік, прысвойвала ім ранг амбасадара, зацвярджала склад дэлегацый СССР, УССР і БССР на Сан-Францыскую канферэнцыю, Парыжскую мірную канферэнцыю, 1-ю і наступныя сесіі Генеральнай Асамблеі і ЭКАСАС ААН, сесіі Савета ЮНРРА, дыпламатычную канферэнцыю па разгледзе праектаў Канвенцый аб абароне ахвяр вайны 1949 г. [11, ф. 17, воп. 163, спр. 1523], дырэктывы дэлегацыі СССР на сесіі Генеральнай Асамблеі, якіх павінны былі прытрымлівацца і дэлегацыі УССР і БССР, і прымала шэраг іншых рашэнняў у галіне знешняй палітыкі (па пытаннях рэпатрыяцыі і эвакуацыі насельніцтва, дзейнасці эміграцыі, барацьбы з нацыяналізмам ва Украіне і Беларусі). Можна заўважыць, што ў рабоце Палітбюро ЦК тэматыка знешнепалітычнай дзейнасці саюзных рэспублік прафілявана слаба і выступае ў кантэксте агульнай знешнепалітычнай лініі СССР. І калі ў 40-х гадах яна даволі прыкметная, што было звязана з выхадам саюзных рэспублік на міжнародную арэну, то ў наступныя дзесяцігоддзі пытанняў дзейнасці МЗС саюзных рэспублік у парадку дня Палітбюро ЦК КПСС станавілася ўсё менш, пакуль яны зусім не зніклі дзесьці напрыканцы 50-х гадоў.

Разгледжаны перыяд (1944–1991 гг.) характарызуецца колькасцымі зменамі ў знешнепалітычнай актыўнасці БССР без істотных якасных перамен. У гэты час сістэма міжнароднай актыўнасці БССР (знешнепалітычная дзейнасць і замежныя сувязі) дасягнула апагею, што праяўлялася ў далейшым павелічэнні колькасці падпісаных міжнародных дагавораў і пагадненняў (выключна шматбаковага характару), пашырэнні ўдзелу БССР у органах сістэмы ААН і актыўнасці пры абмеркаванні розных пытанняў парадку дня, узрастанні знешнеэканамічных і культурных адносін з замежнымі краінамі, перш за ўсё з сацыялістычнымі. Аднак размеркаванне знешнепалітычнай кампетэнцыі паміж рэспублікамі і саюзным

цэнтрам не зведала якіх-небудзь значных змен пасля 1944 г., што было адлюстравана ў Канстытуцыі СССР 1977 і Канстытуцыі БССР 1978 гг. У цэлым ролю і месца дыпламатычнай службы БССР у агульнасаюзнай сістэме знешнепалітычнай дзейнасці можна вызначыць тэрмінам, што ўвялі аўтарытэтныя маскоўскія вучоныя, рэдактары выдання, прысвечанага 60-годдзю ўтварэння СССР (1984 г.). Яны паправілі мяне, маладога тады аўтара, які неабачліва ўжыў выраз “беларуская дыпламатыя” пры характарыстыцы знешнепалітычнай актыўнасці БССР, замяніўшы яго на больш адпаведны тым часам і рэальнаму месцу рэспублікі на міжнароднай арэне – “составной отряд советской дипломатической службы” [15, С. 227].

Падводзячы вынік агляду дакументацыі аб знешнепалітычнай дзейнасці Беларускай ССР за 1944–1991 гг., што захоўваецца ў беларускіх, расійскіх і ўкраінскіх дзяржаўных і ведамасных (дыпламатычных) архівах, у якіх аўтар працаваў на працягу апошніх 25 гадоў (усяго 10 архіваў трох названых дзяржаў), адзначым наступнае.

1. Беларуская знешнепалітычная тэматыка гэтага перыяду цесна звязана з украінскай, аб чым было сказана напачатку артыкула. Асабліва добра гэта бачна ў вопісах расійскіх (былых агульнасаюзных) архіваў. У меншай ступені, хоць таксама даволі выразна, яна праходзіць у вопісах і справах ГДАМЗСУ, што было абумоўлена вялікай вагой і значэннем МЗС УССР у параўнанні з МЗС БССР у пытанні размеркавання Масквой роляў паміж дзвюма саюзнымі рэспублікамі на міжнароднай арэне, яго больш шырокім колам функцыянальных абавязкаў (напр., у Кіеве было каля дзясятка консульстваў замежных дзяржаў, у той час як у Мінску толькі два). Параўнанне архіваў двух рэспубліканскіх міністэрстваў замежных спраў таксама дазваляе прыйсці да высновы, што беларуская знешнепалітычная тэматыка шырэй адлюстравана ў ГДАМЗСУ, чым аналагічная ўкраінская тэматыка – ў АМЗСРБ.

2. Уважлівае азнаямленне з вопісамі спраў аднаго, першага фонду Архіва украінскага МЗС* паказвае, што знешнепалітычная дзейнасць і асабліва функцыі знешнепалітычных ведамстваў УССР,

---

* Вопісы спраў беларускага і расійскага архіваў адпаведных МЗС даследчыкам не выдаюцца.

як і БССР, хоць у выпадку з апошняй гэта тычыцца ў меншай ступені, не была такой ужо фармальнай, параднай і цырыманіяльнай, як гэта нярэдка ўяўлялася нават аўтарытэтным заходнім даследчыкам на мяжы 1950-60-х гадоў [18] або пазней. Напр., толькі вопіс 2 фонду № 1 ГДАМЗСУ, які змяшчае апісанне спраў за 1958–78 гг., надрукаваны ў фаліянце на 375 маш. стар. Калі за 1958 г. у вопісу было 70 спраў, то праз 20 гадоў, у 1978 г., іх колькасць узрасла да больш за 200 [б, ф. 1, оп. 2 справ постыйного зберігання за 1958–1978 роки. Документи по основной діяльності]. Варта сказаць, што да фарміравання тэзіса аб поўнай несамастойнасці УССР і БССР на міжнароднай арэне прылажылі руку ў першую чаргу савецкая знешнепалітычная дактрына і асабліва дыпламатычная практыка саюзнага МЗС, які сам больш за ўсё асцерагаўся таго, што дзве рэспублікі, члены ААН могуць выйсці з-пад кантролю.

3. У даследчыкаў знешнепалітычнай дзейнасці БССР азначанага перыяду сёння ёсць дастаткова добрыя магчымасці для грунтоўнай распрацоўкі гэтай тэматыкі на дысертацыйным і манаграфічным узроўні. Гэтыя магчымасці забяспечваюць перш за ўсё беларускія архівы: НАРБ (перыяд 1944–1966 гг.) і АМЗСРБ (увесь названы перыяд), але толькі ў выпадку допуску да матэрыялаў архіва. Другім па значэнні месцам захоўвання матэрыялаў аб знешнепалітычнай дзейнасці БССР з’яўляецца ГДАМЗСУ, каштоўны, як адзначалася, тым, што змяшчае вялікія масівы адкрытай і дазволенай для капіравання інфармацыі аб аналагічнай дзейнасці УССР, сярод якой можна вылучыць беларускую тэматыку, выкарыстоўваючы метады параўнання, аналізу, сінтэзу і іншыя даследчыя прыёмы. Несумненна, вельмі каштоўнай крыніцай з’яўляецца АЗПРФ з яго вельмі багатымі фондамі (асабліва міжнародных арганізацый і міжнародных эканамічных арганізацый), якія раскрываюць розныя працэсы ўзаемадзеяння, супрацоўніцтва, абмену інфармацыяй, кантролю, апекі, дыктату, падпарадкавання паміж трыма савецкімі дэлегацыямі ў ААН і іншых міжнародных арганізацыях. Аднак, як і ў выпадку з АМЗСРБ, вельмі многае залежыць ад таго, якія і ў якой колькасці матэрыялы атрымае даследчык.

4. Апіраючыся на вышэй сказанае, дазволім сабе зрабіць заключную выснову аб тым, што наспеў час для беларускіх,

українських, російських даследчыкаў (ды і для прадстаўнікоў іншых былых савецкіх саюзных рэспублік) аб'яднаць свае намаганні для падрыхтоўкі калектыўных манаграфій і зборнікаў дакументаў аб знешнепалітычнай і дыпламатычнай дзейнасці СССР, УССР і БССР, а таксама іншых саюзных рэспублік.

Выкарыстання крыніцы і літаратура

1. Архіў Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь.
2. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі.
3. Броунли, Я. Международное право /Я. Броунли. В 2 т. Т. 1. М., Прогресс, 1977. – 535 с.
4. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность СССР (апрель 1985 – октябрь 1989 гг.). Обзор МИД СССР // Международная жизнь. – 1989. – № 12. – С. 3-117.
5. Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 6 (1976-1991 гг.). Склад.: Ракашэвіч, У.К., Шарапа, А.В. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2004. -335 с.
6. Галіновы дзяржаўны архіў Міністэрства замежных спраў Украіны.
7. Кремнев, П.П. Распад СССР: международно-правовые проблемы / П.П. Кремнев. – М.: Зерцало-М, 2005. – 255 с.
8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941– 1945 гг. Т. 2. – М.: Политиздат, 1976. – 325 с.
10. Расійскі дзяржаўны архіў найноўшай гісторыі.
11. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі.
12. Свилас, С.Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954 – 1964 гг.) / С.Ф. Свилас. – Мінск: БГУ, 2013. – 463 с.
13. Снапкоўскі, У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі: 1944–1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. Мінск: Беларуская навука, 1997. – 207 с.
14. Снапковский, В. Е. История внешней политики Беларуси: пособие / В. Е. Снапковский. – Минск: БГУ, 2013. – 495 с.
15. Снапковский, В. Е. Участие Белорусской ССР во внешнеполитической деятельности СССР / С. Д. Войтович, В.Е. Снапков-

ский // СССР в борьбе за мир и безопасность народов: исторический опыт. – М., Междунар. отношения, 1984. – С. 224–233.

16. Справочник по фондам Архива внешней политики Российской Федерации. 1917-1962 гг. – М.: МИД Российской Федерации, 2002. – 413 с.

17. Фердросс, А. Международное право / А. Фердросс. М., Иностранная литература, 1959. – 652 с.

18. Aspaturian, V. The Union Republics in the Soviet Diplomacy: A Study of Soviet federalism in the service of Soviet foreign policy / V. Aspaturian. Paris—Geneve, Librairie E. Droz & Librairie Minard 1960. – 228 p.

19. Dollan, E. The Member Republics of the USSR as Subjects of the Law of Nations / E. Dollan // The International and Comparative Law Quarterly. – 1955. – № 4. – P. 629–636.

20. Verdross, A. Die Völkerrechtssubjektivität der Gliedstaaten der Sowjetunion / A. Verdross // Österreichische Zeitschrift für Öffentliches Recht. – 1948. – № 1. – S. 212-218.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В БССР В 1920-е гг.

Соловьянов А. П.

г. Минск,

Институт истории НАН Беларуси

В первой четверти XX века на долю населения Беларуси выпали тяжелые испытания. Боевые действия Первой мировой войны, революции, польско-советская война, бандитизм довели народное хозяйство до истощения и полного упадка. Экономика Беларуси находилась в удручающем положении, это время обескровило ее хозяйство. Весной 1918 г. в Беларуси фактически начался голод, который до конца 1921 г. стал реальией повседневной жизни. Посевные площади к 1920 г. сократились более чем на 30 %, а поголовье скота – на 50 %. Валовой сбор зерновых культур по сравнению с довоенным сократился более чем в два раза. Валовая продукция крупной промышленности в 1921 г. составила всего 21 % от уровня 1913 г. [1, с. 14, 23]. Большой урон был нанесен лесному хозяйству, железнодорожному и речному транспорту, кустарно-ремесленному производству.

Хуже всего приходилось населению городов. Не имея земли, дров и в большинстве своем хозяйства, горожане оказались на грани вымирания. Во многом из-за беспощадных, сплошных реквизиций продовольствия воинскими частями ситуация обострялась до крайности. Тяжелое положение сложилось с обеспечением продуктами питания в 1920 г. в Минске, Гомеле, Борисове, Жлобине и др. городах [2, л. 144; 3, л. 6, 84]. Женщины в 1920 г. требовали сначала накормить их детей, а потом уже призывать их к исполнению революционного долга [4, л. 101]. Заработная плата рабочих в 1920 г. составляла 10–20 % довоенного уровня. Мясо, овощи и другие продукты, не включенные в мизерный паек, можно было приобрести на рынке, но по спекулятивным ценам. Рабочим семьям они, как правило, были просто не по карману, и многие из них голодали [5, с. 123–124]. Тяжелым было положение городских средних слоев – мещан, служащих, ремесленников и кустарей, мелких предпринимателей. В таких условиях поместить ребенка в детдом было чуть ли не единственным выходом спасти его жизнь.

В начале 1921 г. продовольственное положение Беларуси оставалось чрезвычайно тяжелым. Вследствие различных причин (ненадежности транспорта и др.) не приходилось рассчитывать на получение крупных продресурсов от Советской России, а продрозверстка уже мало что давала [6, л. 218]. Население было доведено до отчаяния. В течение нескольких лет люди буквально голодали, в стране ощущался острый дефицит товаров первой необходимости и медикаментов [7, л. 17 об.]. Хлеб из мха, желудей и других суррогатов стал постоянной пищей значительной части населения. Кроме того, республику охватил топливный кризис.

Ситуация осложнялась жилищным кризисом. Сотни и тысячи домов в городах и местечках были совершенно разрушены или сожжены отходящим противником. Сильно пострадал, например, Минск. Почти все коммунальные предприятия в городах не работали, а работавшие были наполовину разрушены. При малых бюджетных возможностях и при общем сложном экономическом положении населения все это невозможно было быстро восстановить. В результате военных действий были разрушены помещения, в которых можно было бы разместить как учреждения, так и возвращающееся из эвакуации население. Такая ситуация сложилась, скажем, в Борисове в 1920 г. [3, л. 89]. На конференции железнодорож-

ников Минского узла в 1920 г. один из делегатов приветствовал заботу Советской власти о рабочих, но указывал, что в районе вокзалов поселилось много спекулянтов, которые занимали хорошие помещения, а рабочие теснились в подвалах [8, л. 37].

Несмотря на расширение жилищного строительства, средняя норма жилой площади на одного человека в БССР начиная с 1923 г. ежегодно снижалась. Строительство жилья не поспевало за ростом городского населения. В Минске с октября 1923 г. по октябрь 1926 г. жилая площадь на одного человека уменьшилась с 6,09 до 4,72 кв. м. Эта цифра уменьшалась до конца 20-х гг., когда ассигнования на ремонт и строительство жилых домов увеличились [5, с. 172; 9, с. 26]. Жилищный кризис чувствовался в столице довольно остро. Данное явление было присуще и другим городам БССР. Кроме того, само состояние жилых помещений было неудовлетворительным. Власти пытались изыскать средства и поддержать кооперативное рабочее строительство. Однако это не спасало ситуацию. Даже в 1928 г. жилье многих людей не отвечало элементарным санитарным требованиям. Власти вынуждены были прибегнуть к таким мерам, как переселение и уплотнение.

Совместное проживание в одном помещении нескольких семей рабочих было обыденным явлением, отрицательно сказывавшемся на моральном климате. Многие члены семей вынуждены были спать вповалку на общей семейной постели или ночевать на полатах, лежанках, сундуках, а часто на полу. От недостатка кроватей особенно сильно страдали дети и подростки. При обследовании первой Борисовской семилетки оказалось, что примерно половина детей спали по двое-трое с родителями, братьями и сестрами. Около 60 % учеников не имели нормального сна. Были плохими санитарно-гигиенические условия их жизни: мало света, спертый воздух, теснота, в жилых помещениях курили, детям негде было заниматься [10, с. 91, 92]. В некоторых семьях и вовсе спали на полу [11, л. 14].

Почти что не менялись жилищные условия крестьянства. Некоторое улучшение наметилось в первой половине 20-х гг., когда начали восстанавливать разрушенные войнами строения. В остальном жилые дома представляли собой небольшие деревянные строения с дощатым полом, которые освещались керосином и лучиной [5, с. 172–173]. В 1928 г. санитарная комиссия одной из сельских школ БССР провела осмотр условий жизни своих учеников. В ходе его выясни-

лось, что только 18 % домов находились в нормальном санитарном состоянии. Отдельно спали только 30 % учеников [12, с. 55].

В начале 1920-х гг. население открыто выражало свое недовольство новым правлением и указывало на злоупотребления со стороны комиссаров, неудачную экономическую политику, плохую работу местных органов власти, школ и т. д. Недовольство части населения властью сохранялось на протяжении всех 1920-х гг. Так, в 1929 г. в сводке партийных органов указывались разговоры крестьян: «Хлеба нет.... Коммунисты не умеют управлять, крестьян облагают большими налогами. Учиться могут рабочие и служащие, а крестьянам не дают ходу» [13, л. 507].

Усложняло положение безработица. В основном это явление коснулось городов. Сокращению подверглись в основном неквалифицированные и малоквалифицированные кадры в промышленности и часть служащих государственных учреждений. Безработица неизменно увеличивалась год от года. В августе 1921 г. в Витебской губернии числилось 2166 безработных, в Гомельской – 7784 [14, с. 131]. Среднегодовой уровень безработицы в республике в 1924/25 г. составлял 25496 чел., а в 1925/26 г. – уже 30310 чел. [15, с. 25]. Рост безработицы не был специфическим явлением Беларуси, он наблюдался и в целом по стране. Большое количество безработных составляли женщины и подростки.

Уровень безработицы оставался высоким вплоть до 1928 г. На 1 октября этого года в Советской Беларуси на биржах труда стояло 64407 чел. [16, с. 57]. С 1928 г. безработица пошла на спад как в целом в стране, так и в Беларуси. Однако все же положение оставалось довольно острым. Минский окружной исполком 30.04.1929 г. требовал от биржи труда при предстоящей чистке не снимать с учета остро нуждающихся матерей-одинок и при развертывании общественных работ предоставлять им места наравне с членами профсоюзов, что свидетельствовало о проблемах с трудоустройством матерей-одинок [17, л. 129]. Промышленность БССР не могла принять на работу даже всех нуждающихся подростков. Последние, особенно сироты, полусироты и дети городской бедноты, оказавшись на улице и без работы, часто попадали в обработку так называемых «блатных», становились ярко выраженными беспризорными, затем – крайне анархичными элементами в детских учреждениях или социально-опасными элементами улицы.

Одиноким матерям были лишены возможности содержать своих детей, в итоге в лучшем случае их ждал детдом, в худшем – улица. На протяжении всех 1920-х гг. одним из источников детской беспризорности являлось подкидывание детей. Основным «поставщиком» детской беспризорности являлись деревня и местечко из-за аграрного перенаселения, тяжелого материального положения бедноты. Не находя применения своим силам в деревне, не имея возможности прокормиться, дети бедноты и сироты уходили в город, но, не найдя там работы, они также пополняли ряды городских «жителей улицы».

Тяжелой проблемой оставалось обнищание широких слоев населения, большинство которого жило за чертой бедности. Жизненный уровень населения в 1920-е гг. оставался ниже того, который существовал в царской России. По расчетам П. Сорокина, до войны средний месячный заработок рабочего равнялся 21 руб. 25 коп., в 1920 г. – 3 руб., а в 1921 – 1922 гг. 2 – 7 руб. [18, с. 202]. На протяжении практически всех 1920-х гг. ощущался острый недостаток предметов первой необходимости – хлеба, одежды, обуви, керосина, спичек, мыла и др. Согласно мнению Ю.М. Иванова, в 1920-30-е гг. по сравнению с дореволюционным временем положение рабочего класса по многим ведущим показателям заметно ухудшилось [19, с. 41]. Не лучшей была доля крестьянства, над ним тяготели продрозверстка, голод, а затем – огромный продналог, «ножницы» цен. В сельской местности нередко получали за работу во время летнего периода мешок ржи. В 1924 г. в Могилевском округе 35 % сельского населения по официальной статистике считались бедняками [20, л. 63].

В результате низкого уровня жизни многие были просто не в состоянии содержать и воспитывать своих детей. В инструкции главсоцвоса заведующим окружными ОНО в 1926 г. указывалось, что в это время беспризорность оставалась огромной общественной проблемой в значительной степени вследствие материальных трудностей, нищеты городской и сельской бедноты. Дети деклассированной бедноты не имели трудовых навыков, становились постоянными посетителями базаров и пополняли ряды беспризорных. В 1924 г. в Лепеле выделили 63 ребенка, у которых хотя и имелись родители, но они были настолько бедны, что этих детей местная деткомиссия посчитала беспризорными [21, л. 24]. Многие родите-

ли небезосновательно полагали, что у их чад больше шансов выжить в детских учреждениях, чем на их скудный паек и зарплату. Отделы народного образования на протяжении всех 1920-х гг. были завалены заявлениями от служащих, матерей—одиночек, вдов и др. с просьбой поместить их детей в детские дома либо зачислить на сухой паек в связи с крайне тяжелым материальным положением и невозможностью их содержать [22, л. 30].

Смерть обоих, а чаще одного из родителей и ухудшение в связи с этим материального положения семьи вынуждало помещать оставшихся сирот в детские дома. Довольно много было просьб об оказании сиротам экстренной помощи даже в конце 1920-х гг., поскольку родственники, попечители не имели возможности их содержать, и дети могли оказаться на улице. Родные понимали: если не отправить ребенка в детский дом, он станет беспризорным. Многие дети не особенно желали идти в детские учреждения, хотели учиться и просили только, чтобы их кормили. Минская деткомиссия выплачивала в 1927 г. ежемесячно помощь от 3 до 5 руб. некоторым вдовам с малолетними детьми, которые не могли себя содержать, но этого было явно недостаточно и, конечно, не могло спасти ситуацию в целом [23, л. 46]. Иногда речь шла буквально о спасении ребенка от голодной смерти. Так, в 1928 г. в Минский окружной ОНО поступило заявление от безработной М., в котором она просила оказать помощь ее брату А., поскольку не имела жилплощади и не могла его содержать, он же «не имеет где притулиться, валяется по улице, ходит голодный и босой». Детей подкидывали и оставляли в детучреждениях [11, л. 3, 12, 12 об., 16, 436].

В особенно плохом положении находились семьи инвалидов, несмотря на некоторую поддержку со стороны государства данной категории населения. В 1925 г. были расформированы инвалидные дома, что ухудшило ситуацию [24, л. 212, 212 об.]. Материальное положение таких семей было настолько плохим, что воспитывать детей они не могли и вынуждены были отдавать их в детские дома.

Невозможность прокормиться вынуждала детей из сельской местности идти в батраки в зажиточные семьи, либо беспризорничать. Ребята в поисках пропитания уходили из деревень в город. В связи с отсутствием мест в детских учреждениях большинство таких детей становились малолетними «жителями улиц». Бедственное положение в сельской местности являлось основной причиной

роста детской беспризорности на протяжении 1920-х гг. По данным народного комиссариата просвещения в 1926 г. одним из главных источников беспризорности стала деревня, откуда дети бедноты, сироты и полусироты, не находя помощи на месте, голодные, раздетые шли ее искать в город. Районные исполкомы, сельсоветы, комитеты взаимопомощи в этом направлении могли бы много сделать, но не будучи заинтересованы в этом вопросе и не имея средств, они фактически стояли поодаль. Особенно большой наплыв сельских «батрачков» наблюдался в 1928 г. [25, л. 16–18]. В это же самое время республиканские власти заявили, что «заработная плата, не удовлетворяющая в начале эпохи мирного строительства даже прожиточного минимума, доведена сейчас до размеров, значительно больших, чем довоенные» [26, ст. 269. с. 755]. Тем не менее резкого улучшения материального положения населения не произошло.

Таким образом социально-экономическое положение населения на территории Беларуси значительно ухудшилось с началом Первой мировой войны. В начале 1920-х гг. после прокатившихся военных действий и революций оно стало просто угрожающим. Введение новой экономической политики, восстановление народного хозяйства несколько улучшили положение дел, однако уровень жизни населения оставался крайне низким. Во второй половине 1920-х гг. экономические и социальные условия жизни населения можно охарактеризовать как тяжелые. Основными причинами являлись аграрная перенаселенность, безработица, экономические просчеты в народном хозяйстве страны. Тем не менее, стоит отметить усилия властей по повышению материального благосостояния населения.

Использованные источники и литература

1. Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 г. / под ред. Ф.С. Мартинкевича, В. И. Дрица. – Минск, Наука и техника, 1973. – 335 с.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 11.
3. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 148.
4. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 103.

5. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 615 с.
6. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 120
7. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 702.
8. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 152.
9. Матэрыялы да справаздачы Цэнтральнага Камітэту КП(б)Б. – Менск, 1930. – 182 с.
10. Самцэвіч, В. Як жывуць і працуюць вучні нашай гарадзкой школы / В. Самцэвіч // Асвета. – 1927. – № 4. – С. 90–95.
11. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 320. – Оп. 1. – Д. 303.
12. Шалканоўцаў, П. Дзіцячыя арганізацыі ў вясковай школе / П. Шалканоўцаў // Асвета. – 1928. – № 3. – С. 53–56.
13. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 52.
14. Завалеев, Н. Е. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм / Н. Е. Завалеев. – Минск : Наука и техника, 1967. – 314 с.
15. Отчет о деятельности Наркомтруда БССР за период дек. 1925–окт. 1927: к 6 Всебелорусскому съезду профсоюзов. – Минск, 1927. – 25 с.
16. XII-му з’езду КП(б)Б. Матэрыялы да справаздачы Цэнтральнага Камітэта КП(б)Б. – Мінск, 1929. – 99 с.
17. ГАМО. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 344.
18. Сорокин, П. Современное состояние России / П. Сорокин // Новый мир. – 1992. – № 5. – С. 161–191.
19. Иванов, Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов / Ю. М. Иванов // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С. 28–43.
20. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Фонд 6577. – Оп. 1. – Д. 137.
21. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 31.
22. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 212.
23. ГАМО. – Фонд 1193. – Оп. 1. – Д. 14.
24. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 1788.
25. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 423.
26. Ко всем трудящимся БССР: Обращение Президиума ЦИК и СНК БССР по поводу Десятой Годовщины Октябрьской Револю-

ции, 31 дек. 1927 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1927. – № 51. – Ст. 269.

СНАПКОЎСКИ У.Е. ЯК ЗАСНАВАЛЬНИК НОВАГА КІРУНКУ Ў БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ НАВУЦЫ

Стралец М. В.

г. Брэст, БрГТУ

22 мая 2019 г. споўнілася 65 год з дня народзінаў прафесара кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ўладзіміра Еўдакімавіча Снапкоўскага. Уладзіміра Еўдакімавіча я ведаю ўжо 35 гадоў, з таго часу, калі ён быў афіцыйным апанентам маёй кандыдацкай дысертацыі. У яго вачах заўсёды чытаецца мэтанакіраванасць, грунтоўнасць, імкненне сканцэнтравання на сапраўды сур’ёзных справах. Перад намі талент, які заслугоўвае самых гучных эпітэтаў. Таленавітасць доктара гістарычных навук, прафесара У.Е. Снапкоўскага адчуваецца пры азнаямленні з любой з яго навуковых прац. Іх колькасць пераваліла за тры сотні. Шэраг яго артыкулаў надрукаваны за мяжой (Аўстрыя, ЗША, Польшча, Расія, Украіна). У навукоўца вельмі ўнушальны індэкс цытуемасці. Рэцэнзіі на яго кнігі надрукаваны ў часопісах Рэспублікі Беларусь, блізкага і далёкага замежжа. Аўтары рэцэнзій аднадушныя ў тым, што ўладзімір Еўдакімавіч здольны выразна сфармуляваць навуковую праблему і затым вырашыць яе, абагульняючы велізарны факталагічны масіў і робячы абгрунтаваныя высновы.

Гэты чалавек упершыню сур’ёзна заявіў пра сябе як навуковец амаль сорак гадоў таму, бліскуча абараніўшы дысертацыю на саісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук па тэме “Палітыка ГДР у адносінах ФРГ – важны элемент разрадкі міжнароднай напружанасці (1970-я гады)”. Але ў далейшым ён будзе звяртацца да германскай гісторыі фрагментарна і ў асноўным сканцэнтруецца на гісторыі знешняй палітыкі Беларусі.

Вывучэнне навукоўцам гісторыі знешняй палітыкі Беларусі можна падзяліць на два этапы: савецкі і постсавецкі. Ёсць таксама падставы для падзелу першага этапу на два падэтапы. Першы падэтап меў у якасці галоўнага выніка выхад трыццаць чатыры гады таму яго самай першай манаграфіі пад назвай “Белорусская ССР в

ООН (1945–1985 гг.)”. Канешне, і ў гэтай манаграфіі, і ў кандыдацкай дысертацыі не маглі не адчувацца тыя абставіны, у якіх працавалі айчынныя грамадазнаўцы, поўнасю падкантрольныя ідэалагічным службам КПСС, зацыкленых на старым палітычным мысленні [1].

Другі падэтап распачаўся ў разгар гарбачоўскай перабудовы. Галоўнае месца на гэтым падэтапе заняла праца над доктарскай дысертацыяй па тэме “Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1944–1953 гг.)”. У адрозненне ад першага падэтапа тут была відавочная творчая свабода даследчыка, нашмат лягчэй вырашалася пытанне з допускам у архівы. Калі СССР спыніў сваё існаванне, тэкст дысертацыі быў у асноўным гатовы.

Першыя трынаццаць месяцаў другога этапа былі цалкам прысвечаны дысертацыйным справам. За трынаццаць месяцаў навуковец паспеў завяршыць працу над тэкстам дысертацыі, абмеркавацца і абараніцца. Пасля абароны прафесар ніколі не збаўляў абароты. Высокаякасная навуковая прадукцыя нарасталая як снежны ком. Праз год пасля абароны ўбачыла свет манаграфія “Путь Беларуси в ООН. 1944–1945 гг.”, дзе зроблены наватарскі аналіз праблемы членства савецкіх саюзных рэспублік у ААН і іх удзелу ў міжнародных пасляваенных канферэнцыях. Упершыню ў гістарыяграфіі постсавецкіх дзяржаў, уключаючы Расію, даследавана праблема першапачатковага членства саюзных рэспублік (на прыкладзе Беларускай ССР і Украінскай ССР) у Арганізацыі Аб’яднаных Нацый. На падставе дакументаў знешняй палітыкі СССР, ЗША, Вялікабрытаніі і іншых дзяржаў, уключаючы БССР і УССР, паказаны складаны і цяжкі шлях дзвюх саюзных рэспублік у лік дзяржаў-заснавальнікаў ААН [2].

1997 г. быў аадзначаны для прафесара выданнем манаграфіі “Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі: 1944–1953 гг.”. У кнізе па новаму асэнсаваны пытанні знешнепалітычнай і дыпламатычнай дзейнасці Беларускай ССР у даследаванні перыяд, у тым ліку яе удзел у абмеркаванні праблем міжнароднай бяспекі ў ААН, на Парыжскай мірнай канферэнцыі 1946 г., роля і месца ў ажыццяўленні знешнепалітычнай лініі СССР, узаемаадносін са спецыялізаванымі ўстановамі ААН. Адкрыты шэраг малавядомых беларускім гісторыкам і чытачам старонак, такіх як дапамога ЮНРРА (Адміністрацыі аднаўлення і дапамогі Аб’яднаных Нацый) Беларускай ССР у 1945–

1947 г., дыпламатычная барацьба вакол вызначэння беларускага ўчастка савецка-польскай граніцы ў 1944–1945 г., рэпатрыяцыя насельніцтва паміж БССР і Польшчай і інш [3].

У 1998 – 2008 гг. У.Е. Снапкоўскі з’яўляўся каардынатарам навуковага праекта “Беларуска-расійскія адносіны: праблемы і перспектывы”, які Факультэт міжнародных адносін БДУ распрацоўваў разам з Інстытутам міжнародных палітычных і эканамічных даследаванняў Расійскай акадэміі навук.

У 2008 – 2014 гг. навуковец шмат увагі надаў выданню гісторыка-дыпламатычнага зборніка “Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4-х т”. Т. 1: 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг. У 2 ч.; Т. II: 19 сакавіка 1921 – 31 жніўня 1939 г.; Т. III: 1 верасня 1939 г. – 3 ліпеня 1944 г., Т. IV: 4 ліпеня 1944 г. – 25 жніўня 1991 г. [4–7].

Вядома, што ў 2008–2015 гг. мела месца выданне гісторыка-дыпламатычнага зборніка “Знешняя палітыка Беларусі: Зб. дак. і матэрыялаў. Т. 8 (1996 – 2000 гг.)”, “Знешняя палітыка Беларусі: Зб. дак. і матэрыялаў. Т. 9 (2001 – 2005 гг.)”, “Знешняя палітыка Беларусі: Зб. дак. і матэрыялаў. Т. 10 (2006 – 2010 гг.)” [8 – 10]. 2009 г. быў адзначаны публікацыяй кнігі У.Е. Снапкоўскага “Беларуска-расійскія адносіны: зб. навук. артыкулаў”, дзе разглядаюцца пытанні фарміравання і развіцця беларуска-расійскіх адносін у 1990-я і пачатку 2000-х гадоў. Змешчаны навукова-аналітычныя агляды прэсы і выніковыя дакументы круглых сталоў беларускіх і расійскіх вучоных па актуальных і перспектывіўных пытаннях двухбаковых адносін паміж Рэспублікай Беларусь і Расійскай Федэрацыяй. У выданні прадстаўлена аўтарская канцэпцыя беларуска-расійскіх адносін – канцэпцыя “стратэгічнага партнёрства” і саюзных адносін паміж дзвюма суверэннымі дзяржавамі, якія павінны затавацца самастойнымі суб’ектамі міжнароднага права. Гэта адна з першых спроб навуковага, узважанага і цвярозага адлюстравання гэтых адносін у беларускай гістарыяграфіі [11].

У 2012 – 2013 гг. адбылося выданне гісторыка-дыпламатычнага зборніка “Государственные границы Беларуси. Сборник документов и материалов. В 2 т. Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926); Т. 2. (ноябрь 1926–декабрь 2010) (с электронным приложением)” [12–13].

У 2013 г. выдаецца манаграфія У.Е. Снапкоўскага “Беларуска-польскія адносіны (1918–1989 гг.): Даследаванні, дакументы,

ілюстрацыі і карты”, дзе прадстаўлены ключавыя праблемы ўзаемаадносін паміж беларускім і польскім народамі на працягу амаль усяго XX ст. Гэта першае ў беларускай навуковай літаратуры даследаванне асноўных этапаў гэтых адносін і сувязей з распрацоўкай іх перыядызацыі ў 1944–1989 гг. [14]. У 2017 г. у працяг гэтай тэмы выйшла яго новая манаграфія “Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. Мінск: БДУ”. Тут, як бачым, разглядаюцца падзеі ў двухбаковых адносінах да 2017 года і даецца іх грунтоўная гістарычная перыядызацыя на працягу стагоддзя [15].

На прафесійны рост Уладзіміра Еўдакімавіча даволі істотна паўплывалі яго стажыроўкі ў аўтарытэтных навуковых цэнтрах Вялікабрытаніі, Злучаных Штатаў Амерыкі, Польшчы, Расіі, Украіны. Тут былі і вывучэнне эксклюзіўных дакументаў і матэрыялаў для будучых навуковых прац, і прадметныя гутаркі з калегамі, імёны якіх заўсёды на слыху ў навуковым свеце.

У 2001 г. Уладзімір Еўдакімавіч выступіў адным з распрацоўшчыкаў Канцэпцыі знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь, якая была адобрана калегіяй Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь і ўвайшла пазней у Закон Рэспублікі Беларусь «Аб зацвярджэнні асноўных кірункаў унутранай і знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь», прыняты Нацыянальным сходам у 2005 г. [19, с.102]. Прафесар з’яўляецца таксама аўтарам шэрагу падручнікаў і навучальных дапаможнікаў па гісторыі знешняй палітыкі Беларусі. 2003–2004 гг. адзначаны публікацыяй першага ў навуковай і адукацыйнай літаратуры падручніка “Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 1. Ад пачаткаў дзяржаўнасці да канца XVIII ст.; Ч. 2. Ад канца XVIII да пачатку XXI ст”. Выданне ўяўляе сабой навукова-метадычную распрацоўку новай вучэбнай і навуковай дысцыпліны “Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі”, якая чыталася і чытаецца аўтарам з 1993-1994 навучальнага года на аддзяленні (з 1995 г. на факультэце) міжнародных адносін БДУ [16–17].

У 2007 г. адбылося выданне кнігі “Знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь: курс лекцый”, дзе зроблена адна з першых у беларускай навукова-адукацыйнай літаратуры спроб падагуліць 15-гадовы перыяд станаўлення знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь [16].

У 2013 г. ўбачыў свет навучальны дапаможнік “Історыя вонешней палітыкі Беларусі”, які выйшаў у серыі БДУ “Класічныя

ўніверсітэцкае выданне”. У кнізе ўпершыню дадзена сістэматызаванае выкладанне знешнепалітычнай гісторыі Беларусі ад пачаткаў беларускай дзяржаўнасці да пачатку ХХІ ст. на рускай мове. Дапаможнік уяўляе сабой скарачанае, перапрацаванае і актуалізаванае выданне кнігі “Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі” у 2 частках, якая выйшла ў 2003–2004 гг. [18].

Распрацоўка і ўкараненне ў практыку навуковых даследаванняў і вышэйшай школы Рэспублікі Беларусь новай навуковай і вучэбнай дысцыпліны “Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі” запатрабавалі сапраўды вялікіх намаганняў з боку прафесара. Не будзе перабольшваннем казаць, што ён уклаў у гэту справу душу і сэрца. Зробленая дае падставаы лічыць гэтага гісторыка заснавальнікам новага навуковага кірунку ў беларускай гістарычнай навуцы – знешнепалітычнай гісторыі Беларусі.

У.Е. Снапкоўскі – член вучонага савета факультэта міжнародных адносін БДУ, член камітэта “Правознаўства і міжнародныя адносіны” камісіі па вылучэнні работ на саісканне прэміі імя першага рэктара БДУ У. І. Пічэты, член рэдкалегій навуковых часопісаў па міжнародных адносінах у Польшчы і Украіне. З’яўляўся членам рэдкалегіі часопіса «Веснік БДУ» (сер. 3), членам спецыялізаваных саветаў па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый па гісторыі знешняй палітыкі і міжнародных адносін і па палітычных навуках пры БДУ. Ён падрыхтаваў аднаго доктара і чатырох кандыдатаў гістарычных навук па спецыяльнасці «Гісторыя знешняй палітыкі і міжнародных адносін».

Навуковец таксама з’яўляецца лаўрэатам прэміі імя акадэміка У. А. Капцюга Сібірскага аддзялення Расійскай акадэміі навук (2003 г.) за выданне кнігі «Нарысы гісторыі беларусаў Сібіры» і прэміі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя акадэміка У.І. Пічэты (2008) за падрыхтоўку цыкла навучальных і навуковых прац па гісторыі знешняй палітыкі Беларусі. Яму прысвоена ганаровае званне “Заслужаны работнік БДУ” [19, с. 102].

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Снапковский, В. Е. Белорусская ССР в ООН (1945--1985 гг.) / В. Е. Снапковский, – Минск: Наука і тэхніка, 1985. – 104 с.
2. Снапковский, В. Е. Путь Беларуси в ООН 1944-1945 гг. / В. Е. Снапковский; АН Беларусі. Ін-т історыі; Под. ред. А. С. Протопопова. – Минск: Наука і тэхніка, 1994.– 139 с.

3. Снапкоўскі, У. Е. Знешнеплітычная дзейнасць Беларусі: 1944–1953гг. / У.Е. Снапкоўскі. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – 207 с

4. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў: у 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг., ч. 1. 1 жніўня 1914 – 31 снежня 1919 гг. / склад: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэдкал.: С.М. Мартынаў [і інш.]. Мінск: Юніпак, 2008. – 539с.

5. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў: у 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг., ч. 2. 3 студзеня 1920 – 18 сакавіка 1921 гг. / склад: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэдкал.: С.М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск: Юніпак, 2008. – 393 с.

6. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў: у 4 т. Т. II. 19 сакавіка 1921 – 31

7. жніўня 1939 г. / склад: А.Ф. Вялікі [і інш.]; рэдкал.: С.М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск: Юніпак, 2012. – 480 с

8. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў: у 4 т. Т. 4 (4 ліпеня 1944 г. – 25 жніўня 1991 г.) / склад.: У.Е. Снапкоўскі, А.В. Ціхаміраў, А.В. Шарапа, А.Ф. Вялікі; рэдкал.: С.М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2015. – 448 с.

9. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 8 (1996–2000 гг.) / склад. У.Е. Снапкоўскі [і інш.]. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2008. – 639 с.

10. Знешняя палітыка Беларусі : зб. дак. і матэрыялаў. Т. 9 (2001–2005 гг.) / склад. : У.Е. Снапкоўскі, А.В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа ; рэдкал. : С. М. Мартынаў (старшыня) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2013. – 688 с. Снапкоўскі, У. Е. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 10 (2006–2010 гг.) / склад. У. Е. Снапкоўскі, А.В. Ціхаміраў, А.В. Шарапа; рэдкал.: С. М. Мартынаў (старшыня) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2014. – 607 с.

11. Снапкоўскі, У. Е. Беларуска-расійскія адносіны: зб. навук, артыкулаў / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: БДУ, 2009. — 139 с.

12. Государственные границы Беларуси : сб. док. и материалов: в 2 т. Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926) / сост.: В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – 495 с.

13. Государственные границы Беларуси : сб. док. и материалов : в 2 т. Т. 2. (ноябрь 1926 – декабрь 2010) (с электронным приложением

ем) / сост.: В. Е. Снапковский, А. В. Тихомиров, А. В. Шарапо. – Минск : БГУ, 2013. – 333 с

14. Снапкоўскі, У. Е. Беларуска-польскія адносіны (1918–1989 гг.): даследаванні, дакументы, ілюстрацыі і карты / У. Е. Снапкоўскі. Мінск: Энцыклапедыкс, 2013. – 234 с.

15. Снапкоўскі, У. Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918-2017 гг.: / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск: БДУ, 2017. – 287 с.: іл.

16. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: у 2 ч. Ч. 1. Ад пачаткаў дзяржаўнасці да канца XVIII ст. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2003. – 281 с.

17. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі : вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін : у 2 ч. Ч. 2. Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск: БДУ, 2004. – 303 с.

18. Снапкоўскі, У. Е. Знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь: курс лекцый / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск: БДУ, 2007. – 183 с.

19. Снапковский, В.Е. История внешней политики Беларуси : пособие / В. Е. Снапковский. – Минск : БГУ, 2013, – 495 с.

20. Шарапа, А. В. Уладзімір Еўдакімавіч Снапкоўскі / А.В. Шарапа // Веснік БДУ. Навуковы часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. – Мінск, 2014. – № 2. – С. 101—102.

РАЗВИТИЕ ВОЙСКОВОЙ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ

Цыбулько В. В.

г. Минск, УО «Военная академия
Республики Беларусь»

История войсковой ПВО – составная часть истории Советских Вооруженных Сил, а в дальнейшем Вооруженных Сил Республики Беларусь. Зарождение и развитие войск ПВО Сухопутных войск, охватывающее более века, неразрывно связано с совершенствованием форм и способов вооруженной борьбы со средствами воздушного нападения противника.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в наследство Красной Армии перешло немногочисленное вооружение отдельных противосамолетных батарей. Зенитную артиллерию по существу пришлось создавать заново. В апреле 1918 г. на Путиловском заводе был сформирован Стальной артиллерийский дивизион, для борьбы с летательными аппаратами противника. На территории Беларуси так же в период гражданской войны в Красной армии создавались подразделения ПВО. Так, при подготовке операции Западного фронта на территории Беларуси (май-июнь 1920 г.) в связи с усилением активности авиации белополяков командующий войсками 16-й армии издал указания по борьбе с самолетами противника, где предусматривалось выделение легких батарей полевой артиллерии и приспособление их для стрельбы по самолетам, а также организация стрельбы по самолетам из пулеметов и винтовок. Кроме того, от всех войск требовались тщательная маскировка от воздушной разведки и использование защитных свойств местности.

После окончания гражданской войны дальнейшее строительство Красной Армии характеризовалось ее переводом на мирное положение, проведением военных реформ и началом технического перевооружения.

Быстрый рост военной авиации и ожидавшееся расширение масштабов ее применения в общевойсковом бою вызвали необходимость принятия мер по усилению ПВО. Развитие войсковых средств ПВО требовало усовершенствования и создания новых средств борьбы с авиацией. Однако недостаточные производственные возможности промышленности, отсутствие квалифицированных кадров и другие факторы, вызванные гражданской войной и послевоенной разрухой, не позволяли приступить к созданию более совершенных зенитных средств. Поэтому было решено принять на вооружение Красной Армии такие артиллерийские системы, производство которых можно было наладить на отечественных заводах. Одновременно проводили работы по модернизации старых зенитных орудий.

В 1927 г. зенитная артиллерия как род войск Красной Армии была выведена из подчинения начальника артиллерии РККА и подчинена непосредственно Революционному Военному Совету СССР. В Штабе РККА создается отдел, который осуществлял руководство

ПВО. В 1930 г. отдел ПВО реорганизуется в 6-е управление ПВО Генерального штаба РККА. В Белорусском военном округе было создано управление ПВО, во главе которого стал начальник ПВО округа. Он и руководил всеми соединениями и частями ПВО, дислоцированными в округе.

Возрастающее значение ПВО войск и объектов, а также численный рост зенитных артиллерийских частей вызвали необходимость реорганизации в органах руководства ПВО. Управление ПВО Генерального штаба в 1940 г. было преобразовано в Главное управление ПВО РККА, а в Западном особом военном округе была введена должность помощника командующего войсками округа по ПВО.

Следует отметить, что первыми руководителями созданного отдела ПВО Генерального штаба РККА, а в дальнейшем управления ПВО Генерального штаба были уроженцы Беларуси. Первым инспектором ПВО и начальником службы ПВО РККА был белорус комдив Блажевич И.Ф. (родился в Поставском районе Витебской области). Далее руководили управлением ПВО: в 1930–1931 гг. комдив Кучинский Д.А. (родился в Минске); в 1931–1934 гг. комбриг Медведев М.Е. (родился в Двинске, Витебской губернии). В дальнейшем руководителями управления были так же связанные с Беларусью военачальники, так в 1938 г. управление возглавил генерал-майор Кобленц Г.М., проведший детство и юность в Витебске, а начальником штаба главного управления ПВО в 1941–1943 гг. и заместителем командующего артиллерией по войскам ПВО в 1944–1945 гг. был генерал-полковник Нагорный Н.Н., белорус, родившийся в Новогрудском районе Гродненской области.

Основное вооружение этого периода, находящееся в воинских частях округа – 76-мм зенитные пушки, прожекторные, звукоулавливающие и пулеметные установки, размещенные в кузовах автомашин. Кроме того, как составная часть созданной ПВО широкое развитие получила истребительная авиация. К концу 30-х гг. на вооружение истребительной авиации Белорусского военного округа поступили новые образцы самолетов: И-5, И-15бис, И-16 и И-153, Як-1, МиГ-3.

Необходимо отметить деятельность генерал-майора артиллерии Сазонова С.С., который руководил управлением ПВО Западного особого военного округа с 1940 г., а с началом войны управлением ПВО Западного фронта. При его руководстве началось развертыва-

ние вновь создаваемых воинских частей ПВО в округе, наращивалась подготовка командирских кадров.

В 1940-1941 гг. в связи с развертыванием новых зенитных дивизионов и батарей возникли большие трудности, связанные с подготовкой младшего и среднего звена командиров. С этой целью в мае 1941 г. в Западный особый военный округ для подготовки молодых командиров выехала большая группа преподавателей Курсов усовершенствования командного состава зенитной артиллерии, зенитных артиллерийских училищ, кроме того, в округе работали инспекторские группы. Были приняты значительные меры по подготовке личного состава зенитной артиллерии округа.

В начале Великой Отечественной войны в составе стрелковых дивизий и корпусов, дислоцирующихся в Западном особом военном округе, имелось по одному зенитному артиллерийскому дивизиону (8 – зенитных пушек 37-мм и 4 – 76-мм). Стрелковые корпуса округа также имели дивизионы из 12 зенитных орудий 76-мм калибра. Кроме войсковой зенитной артиллерии, входившей в состав общевойсковых соединений, на прикрытии важнейших объектов имелось некоторое количество войсковых отдельных дивизионов среднего калибра.

В Великую Отечественную войну войска ПВО Западного особого военного округа вступили, находясь в стадии перевооружения и развертывания, недостаточно укомплектованными зенитными орудиями малого калибра, с большим процентом устаревшего вооружения. Несмотря на недостаточное количество зенитных орудий последних разработок, к началу войны сложилась достаточно стройная система вооружения и организационная структура соединений и частей ПВО округа.

За период войны наземными средствами войсковой ПВО было сбито 21645 самолетов, из них: зенитной артиллерией среднего и малого калибра – 18704 самолетов; зенитными пулеметами – 2401 самолет; ружейно-пулеметным огнем – 540 самолетов. Кроме того, силы ПВО фронтов, в том числе ведущих бои на территории Беларуси уничтожили, свыше тысячи танков, самоходных орудий и бронетранспортеров, десятки тысяч солдат и офицеров противника. Зенитная артиллерия фронтов и предававшееся им дивизии артиллерии внесли весомый вклад в общую победу в Великой Отечественной войне.

Необходимо отметить, что в 1942 г. войсковая ПВО перешла в подчинение командующего артиллерией Красной армии и в составе Главного управления артиллерией было создано управление ПВО. И, как следствие, во фронтах появилась должность – заместитель по ПВО командующего артиллерией фронта. На этих должностных лиц было возложено непосредственное руководство ПВО в операциях фронтов и армий, создание группировок зенитной артиллерии, руководство подготовкой соединений и воинских частей ПВО к боевым действиям. Стоит отметить талант таких полководцев, как генералы: Богдасhevский Ю.Г., начальник отдела ПВО управления начальника артиллерии, а в дальнейшем заместитель по ПВО командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта; Поздняков В.Г., заместитель по ПВО командующего артиллерией 2-го Белорусского фронта; Рыбаков М.И., заместитель по ПВО командующего артиллерией 1-го Прибалтийского фронта, принимавших участие в освобождении Беларуси.

В приказах Верховного Главнокомандующего не раз отмечалось высокое оперативное искусство командира 3-ей гвардейской зенитной артиллерийской дивизии РГК (резерва Главного командующего), выполнявшей задачи по прикрытию войск фронтов, освобождавших Беларусь, от ударов авиации противника, генерала Середина И.М., белоруса, родившегося в Лепеле, Витебской области.

Опыт Великой Отечественной войны со всей убедительностью показал, что возросшая роль авиации, ее массированное применение, маневренность, многочисленные тактические приемы и способы боевого применения в значительной степени влияют на ход и результаты операции (боя) Сухопутных войск и вызывают необходимость дальнейшего развития наземных средств ПВО. Заслуживают внимания выводы руководства 1-го Белорусского фронта в отчете по опыту организации ПВО в Великой Отечественной войне: «Фронт должен иметь достаточно своих средств для использования в собственных интересах вплоть до тыловой границы... Все средства ПВО в полосе фронта до его тыловой границы должны быть подчинены только Военному совету этого фронта. Двойственное деление в полосе фронта (войсковая зенитная артиллерия и части ПВО) должно быть исключено, как искусственное, не оправдавшее себя».

Перешедшая в подчинение командующего артиллерией еще в годы Великой отечественной войны войсковая ПВО и в первые послевоенные годы оставались в подчинении командующего артиллерией. В конце 1947 г. впервые была признана необходимость создания в Сухопутных войсках нового рода войск – войск ПВО. И только в 1957 г. в составе Главного штаба Сухопутных войск создаётся управление войсковой ПВО, а в дальнейшем в состав Сухопутных войск вводится новый род войск – войска ПВО Сухопутных войск.

В этот же период в Белорусском военном округе создается отдел войск ПВО, которому переподчиняются все силы и средства ПВО, находящиеся в составе округа, объединений, соединений и воинских частей округа. В округе, армиях, общевойсковых соединениях вводится должность начальника войск ПВО с соответствующим управленческим аппаратом. Первыми начальниками войск ПВО округа были: генерал-майоры Купревич О.В., Чуприна Н.Г.

На начальном этапе в состав войск ПВО Белорусского военного округа вошли зенитные артиллерийские дивизии округа, радиотехнический полк округа, радиотехнические батальоны трех армий, силы и средства ПВО мотострелковых, танковых полков. В процессе развития войск ПВО Сухопутных войск в округе была создана стройная система вооружения ПВО общевойсковых формирований. До конца 50-х гг. на вооружении зенитные артиллерийские воинских частей округа состояли: ЗАК – КС-30, КС-19, С-60; ЗСУ-57-2; 37-мм АЗП; ЗУ-23 и перевозимый ЗРК С-75. Но для надежного прикрытия войск в подвижных формах боевых действий требовались высокоманевренные и высокоэффективные зенитно-ракетные комплексы (ЗРК). Поэтому в дальнейшем на вооружение воинских частей округа поступали более совершенные ЗАК «Шилка»; ЗРК «Круг», «Куб», «Стрела-10», «Оса».

В середине 80-х гг. на вооружение соединений и воинских частей армий и полков округа поступали ЗПРК «Тунгуска», ЗРК «Бук», ЗРС С-300В. Следует отметить, что все новые средства войсковой ПВО, принимаемые на вооружение в Советской армии, поступали в первую очередь в объединения и соединения ПВО Белорусского военного округа, как передового округа.

К концу 80-х гг. войсковая ПВО округа, действующая в интересах сухопутных войск, имела стройную систему и присутствовала

во всех общевойсковых организационных структурах округа: в полку это зенитный дивизион, состоящий из трёх батарей: ПЗРК «Игла», ЗРК «Стрела-10» и ЗАК «Шилка» или ЗПРК «Тунгуска»; в дивизии – зенитный ракетный полк, имеющий на вооружении ЗРК «Оса» или «Бук»; в армии – зенитная ракетная бригада ЗРК «Бук», отдельный радиотехнический батальон; в округе – зенитная ракетная бригада ЗРС С-300В, запасной зенитный ракетный полк, запасная зенитно-артиллерийская бригада, полк звуковой разведки, радиотехническая бригада.

Войска ПВО округа в послевоенный период участвовали во всех манёврах, проводимых на западных рубежах Советского Союза, таких как: «Днепр» (1967 г.), «Двина» (1970 г.), «Березина» (1978 г.), «Запад-81», «Запад-84» «Осень-88», при этом демонстрируя высокий уровень подготовки и слаженность в действиях.

Ныне войсковая ПВО, как род войск, занимает достойное место в структуре Вооруженных Сил Республики Беларусь. Личный состав воинских частей и подразделений войсковой ПВО успешно выполняет задачи, возложенные на них и с честью, продолжает традиции, заложенные в Советской армии.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ СЕКЦИЙ РКП (б) и БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИССАРИАТА НА ПУТИ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ (1918 г.)

Щавлинский Н. Б.

г. Минск, БНТУ

Неконструктивная политика, проводимая Радой Белорусской Народной Республики (БНР), созданной в марте 1918 г. в условиях немецкой оккупации, вызвала недовольство в среде белорусских национальных организаций и групп, действовавших на неоккупированной части Беларуси и в России. Большинство из них объединила идея создания белорусской государственности на основе Советов в контакте с Россией, носителями которой были Белорусский национальный комиссариат (Белнацком) и Белорусские секции РКП (б).

Белнацком, в руководящий состав которого входили А. Червяков, В. Скорынко, Д. Жилунович и др., был создан в Петрограде декретом Совнаркома РСФСР 31 января 1918 г. [10, с. 48]. В марте 1918 г. Белнацком переехал в Москву, где и работал до марта

1919 г. Необходимо отметить, что среди сотрудников Белнацкома и Белорусских секций РКП (б) было много известных деятелей науки и культуры: И. Петрович (Янка Неманский), Б. Тарашкевич, В. Добровольский, И. Баранкевич, А. Гринкевич, Ф. Турук, Ф. Шантыр, И. Дворчанин, Л. Родевич, М. Мелешко и др.

С целью решения практических задач Белнацком и Белорусские секции РКП (б) развернули активную деятельность среди белорусских рабочих Петрограда (путиловцев, обуховцев, артиллерийского завода и др.), моряков Балтийского флота, но в особенности среди сотен тысяч белорусских беженцев. Весной 1918 г. Белнацком в Калуге, Саратове, Тамбове, и других российских городах, где проживала основная масса беженцев, организовал целую сеть эмиссаров, а в Смоленске, Витебске, Орше создал местные отделы [6, с. 94]. Затем, он открыл в этих городах свои клубы, библиотеки, школы, создал различные политические и культурно-общественные кружки и общества.

Для подготовки руководящих кадров Белнацком организовал курсы белорусоведения в Петрограде, а в Москве – Белорусский народный университет, где для слушателей читали лекции по географии, истории, этнографии и экономике Д. Анучин, В. Пичета, В. Добровольский, П. Расторгуев, Е. Канчер, А. Ясинский и др. [6, с. 95]. Идея создания Советской Беларуси, инспирированная белорусскими секциями РКП (б) и Белнацкомом, выявлялась в принятии соответственных резолюций белорусскими собраниями, конференциями, съездами. Так, белорусы-беженцы из Гродненщины в Казанской губернии на собрании 23 марта 1918 г. приняли резолюцию, которая гласила: «Единый белорусский народ не может и не должен быть разделен на части, он должен остаться целым; и ему должно быть дано, как и другим народам, право определить свою судьбу» [4, с. 391].

Резолюция, принятая на собрании крестьян Королевской волости Витебского уезда 14 мая 1918 г. завершалась словами: «Пусть живет Белорусская Федеративная Советская Республика с великой, свободной трудовой Россией» [4, с. 391].

В период с 17 по 21 июля 1918 г. в Москве состоялся созванный Белнацкомом Всероссийский съезд беженцев из Беларуси. В работе съезда приняли участие делегаты от Владимирской, Казанской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Петроградской, Орлов-

ской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской, Тверской, Тульской, Казанской, Костромской и Воронежской губерний, а также от моряков Балтийского флота, Крестьянской секции ЦИК, Еврейского и Белорусского национальных комиссариатов [3, л. 10]. Съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что «Беларусь павінна ўвайсці ў будучым ў склад саюзу свабодных народаў на аснове аўтаномнасці ў фэдэрацыі з Расейскай Савецкай Рэспублікай». В последнем своем решении съезд вынес «...каб на будучай мірнай канфэрэнцыі народаў былі прадстаўнікі ад працоўнага беларускага народу для абароны ягоных інтарэсаў...» [15, с. 26].

Однако деятельность Белнацкома и Белорусских секций РКП (б), направленная на создание белорусской государственности, наталкивалась на противодействие со стороны Облискомзапа и Северо-Западного обкома РКП(б), которые по существу отвергали право белорусского народа на его самоопределение. Позиция этих двух советских органов была теоретически обоснована в статье «Самоопределение народов и диктатура пролетариата», напечатанной в газете «Звезда» 12 июня 1918 г. В ней утверждалось, что всякое требование самоопределения народов в России в интересах буржуазии. Возрождение национальных государств ранее угнетенных народов – явление реакционное. В конце статьи делались выводы: «Итак: лозунг самоопределения народов мы должны вычеркнуть из программы Советской России» [9, 129-130].

Одновременно с изложением своих позиций по национальному вопросу на страницах газеты «Звезда», Облискомзап и Северо-Западный обком РКП (б) предприняли конкретные шаги, направленные на недопущение осуществления в Беларуси принципа самоопределения народов. Например, в июне 1918 г. Облискомзап ликвидировал в Смоленске отдел Белнацкома. А когда делегация Белнацкома во главе с заведующим отдела труда Н. В. Лагуном прибыла в Смоленск с предложением переименовать Западную область (которая в составе Российской Советской Республики не создавала в то время отдельной области с национальным названием, официально именуемой «Западной»), то пленум Западного областного Комитета РКП (б) 13 сентября 1918 г. отверг предложение Лагуна и переименовал ее в Западную коммуны [7, с. 98]. Из вышеуказанного, следует, что здоровые устремления Белнацкома к консолидации белорусской нации характеризовались «областниками» как

националистические. Такой подход серьезно препятствовал строительству белорусской национальной государственности.

Тем временем в конце лета 1918 г. ситуация в Беларуси коренным образом изменилась. 27 августа Германия вынуждена была пойти на подписание с РСФСР Добавочного протокола к Брестскому мирному договору. В соответствии с ним предусматривалась досрочная эвакуация немецких войск из района между Днпром и Березиной. Кроме того, Германия обязывалась «никаким образом не вмешиваться в отношения между Русским государством и его отдельными областями, ...не вызывать, не поддерживать создание самостоятельных государственных организаций в данных областях» [16, с. 77].

В тех условиях Рада БНР, которая не имела своих вооруженных сил и которая любой ценой стремилась получить из рук оккупантов власть, стала протестовать против Добавочного протокола. Перспектива очутиться лицом к лицу с большевистской властью вынуждала Раду развить дипломатическую активность, искать пути своего признания у иностранных государств. К этому времени БНР установила консульские отношения с Украиной, Доном, Северным Кавказом, Литвой, Латвией, Эстонией, Францией и Советской Россией. 20 октября БНР направила делегацию в Варшаву. В этот день была направлена делегация и в Берлин. В письме от 20 октября 1918 г. на имя императорского канцлера Германии Рада сообщала, что непризнание независимости Беларуси неизбежно повлечет за собой немедленный вывод германских войск с ее территории, а это будет иметь неблагоприятные последствия, как для самой Германии, так и для ее политики на Востоке [19, с. 138].

Однако новый германский канцлер Макс Баденский ничего не ответил на письмо Рады БНР, хотя 5 октября 1918 г. он официально заявлял, что Германия не отрицает права народов на самоуправление и создание ими в той или иной форме своей национальной государственности. Из этого следует вывод, что германское правительство явно отрицательно отнеслось к идее признания независимости БНР. Не помогло в этом случае и письмо, направленное к президенту США Вильсону, где указывалось, что единственным спасением от продвижения революции на Запад может быть только признание БНР [19, с. 138].

Все это свидетельствует о том, что капиталистические страны Западной Европы и США не могли признать БНР, поскольку эта

акция способствовала бы укреплению положения Советской России: ее признание буржуазными государствами лишало бы последних возможности иметь непосредственную границу с Советской Россией. Поэтому Рада БНР которая знала о симпатиях белорусского народа к Советской России, не могла в открытую вести борьбу против Советов. В этой связи Англия, Франция и США предпочли не признавать БНР, оставить границу открытой, иметь ворота для вторжения в Советскую Россию [13, с. 62].

В обстановке непризнания БНР капиталистическими странами правительство БНР во главе с А. Луцкевичем приступило к поискам путей сближения с Советской Россией. К этому шагу руководство БНР подталкивала также реально нараставшая угроза со стороны Польши.

В таких условиях поддержка СНК РСФСР была крайне необходима. В октябре 1918 г. А. Луцкевич во главе делегации направился в Киев, но состоявшиеся там переговоры с представителями Советской России не принесли ожидаемого результата, так как А. Луцкевич все злободневные вопросы того времени рассматривал через призму одного: признание Советским правительством БНР.

Этот и другие факторы свидетельствует о том, что СНК РСФСР, ЦК РКП (б) не стремились воплотить в жизнь провозглашенный Октябрем принцип самоопределения наций на бывших окраинах Российской империи, в том числе и в Беларуси. Сталин еще в январе 1918 г. на 3-ем Всероссийском съезде заявил, что принцип самоопределения наций необходимо толковать как право «...на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть подчинен принципам социализма» [18, с. 31-32]. Пятаков, в свою очередь, самоопределение наций осуждал как буржуазный лозунг, «объединяющий все контрреволюционные силы», и считал, что «раз мы экономики объединяем, строим один аппарат, один Высший Совет народного хозяйства, одно управление железными дорогами, один банк и т.д., то все это пресловутое «самоопределение» не стоит выеденного яйца» [8, с. 221]. К тому же, к вопросу о самоопределении Беларуси примешивалась тактика, которую проводила большевистская власть в целях экспорта революции в западные страны. В.И. Ленин рассчитывал, что после отхода германских войск с территории Польши, национальная буржуазия не сможет восстановить свою власть.

Он писал: «буржуазия разных маленьких государств... ни в коем случае не удержится, что ее господство, ее власть в этих государствах будет весьма кратким...» [11, с. 112].

Не случайно, в постановлении ВЦИК об аннулировании Брестского договора от 13 ноября 1918 г. говорилось, что рабочие массы России, Лифляндии, Эстонии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма, Кавказа призваны сами решить свою судьбу [17, с. 678-680]. Как видно из постановления ВЦИК такое право не предоставлялось белорусскому народу.

В. И. Ленин также не упоминал о Беларуси в телеграмме от 29 ноября 1918 г., адресованной главкому И. И. Вацетису: «С продвижение наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укреплять Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что лишает возможности шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстонии рассматривать движение наших частей как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск» [12, с. 234].

Вопрос о самоопределении Беларуси не поднимался даже тогда, когда советские войска заняли практически всю территорию Восточной Беларуси: 21 ноября 1918 г. они заняли Полоцк и Жлобин, 24 ноября – Дрису, 27 ноября – Новогрудок, 28 ноября – Бобруйск, 2 декабря – Борисов, 8 декабря – Слуцк, 9 декабря – Двинск, 10 декабря – Минск.

К тому времени А.И. Луцкевич и большинство членов Рады БНР оставили Минск и переехали в Гродно и Вильно. А.И. Луцкевич, как председатель Виленской белорусской рады, вступил в переговоры с Литовской Тарибой – органом возникшей власти в Литве. В результате переговоров было принято решение о присоединении Гродненской губернии на началах автономии к Литве. По предложению А. И. Луцкевича, в состав Тарибы было введено шесть членов Виленской белорусской рады: И. Луцкевич, В. Ластовский, Д. Семашко, В. Толочко, К. Фалькевич, И. Станкевич [1, с. 79]. Одновременно в правительстве Литвы было создано Министерство белорусских дел, которое возглавил И. Воронко. 21 декабря 1918 г. в Гродно на совещании Рады БНР был учрежден Совет государственной обороны во главе с В. Ластовским и генералом Кондратовичем. В его распоряжение передавались: 1-й белорусский пехот-

ный полк (командир Щерба-Раевич), 2-й белорусский полк (командир Успенский), полностью неукомплектованный, особый пехотный батальон, Гродненская комендатура и белорусский гусарский эскадрон. Перед этими силами ставилась задача оказать сопротивление противникам независимой белорусской государственности [14, с. 141].

Таким образом, члены Рады БНР возвратились в своей деятельности к идее «конфедерации Великого княжества Литовского», которую пытались воплотить в жизнь еще в 1916 г. во время немецкой оккупации. Однако эта идея оказалась нереальной в условиях начавшейся гражданской войны. Литовские правящие круги вели в тех условиях двойную игру, стремясь, прежде всего, аннексировать белорусские земли, включить их в состав своего государства.

Что касается Беларуси, занятой советскими войсками, то нежелание решить «белорусский вопрос» в какой бы то ни было форме московскими центральными властями вызвало к ним недоверие и подозрение со стороны Белорусских секций РКП (б) и Белнацкома. 19 ноября 1918 г. в газете «Дзянніца» появилась статья с выразительным заглавием «Як жа з Беларусью?». В ней Народный комиссариат национальных дел РСФСР и руководство Западной коммуны обвинялись в том, что они на тот момент не имели ни единого проекта государственного строительства Беларуси. В статье излагалось требование к московским центральным властям «выразна паставіць пытаньне аб лёсе Беларусі» [2, с. 2].

В создавшейся обстановке комитет московской Белорусской секции РКП (б) вынужден был созвать 27 ноября 1918 г. совещание, на котором обсуждалась возникшая ситуация. Кроме того, «1. для большей оперативности было избрано бюро комитета (Д. Жилунович – председатель, П. Клыш – заместитель председателя, З. Чернушевич – секретарь и О. Дыло казначей); 2. принято постановление о созыве съезда белорусских секций РКП (б); избрана в составе О. Дыло, Н. Надецкого и З. Чернушевиа делегация для переговоров со Сталиным» [6, с. 101].

21–23 декабря 1918 г. в Москве состоялась конференция Белорусских секций РКП (б). В ее работе участвовали представители шести секций: Московской, Петроградской, Саратовской, Тамбовской, Минской, Невельской. Конференция избрала Центральное бюро (ЦБ) Белорусских секций РКП (б), председателем которого

стал Д. Ф. Жилунович, членами – А. Г. Червяков, Ф. Д. Балбеко, И. С. Надецкий и др. ЦБ Белорусских секций должно было объединить усилия коммунистов – белорусов, проживающих на территории РСФСР и УССР, на решение вопроса о национальном государственном строительстве в Беларуси. Конференция приняла решение о необходимости образования Белорусской Советской Социалистической Республики и обратилась к В. И. Ленину и во ВЦИК с просьбой оказать содействие в осуществлении этой идеи. В телеграмме, направленной во ВЦИК, отмечалось, что Советское правительство, «...проводя в жизнь принципы федеративного социалистического строительства, осуществит идею создания Советской Белоруссии» [5, с. 100].

В то же время ряд руководящих деятелей (А.Ф. Мясников, В. Г. Кнорин и др.) партийных и советских органов Западной области выступили против национального самоопределения Беларуси. В газете «Западная коммуна» (орган Облкомзапа) 21 декабря 1918 г. была напечатана статья, в которой говорилось: «Провозглашение Советской Республики Белоруссии не только не служило бы интересам борьбы с националистическими тенденциями мелкой буржуазии, но как раз развивало бы простор этим тенденциям. А это не в интересах социалистической революции. То, что мы признаем допустимым в одном месте в силу тактических соображений, не должно быть перенесено в другие места...» [5, с. 99].

Но, несмотря на это, ЦК РКП (б) 24 декабря 1918 г. принял постановление о необходимости провозглашения независимости и суверенитета Белорусской Советской Социалистической Республики. Разумеется, что ЦК РКП (б) при принятии данного решения не мог не учитывать активной деятельности белорусских организаций, как на оккупированной территории, так и на свободной части Беларуси и в России, направленной на создание своей государственности. Кроме того, брался в расчет и тот факт, что в Польше к власти пришло правительство Пилсудского, опирающееся на поддержку Антанты и поднявшее на щит идею «Великой Польши в исторических границах». В этой связи ЦК РКП (б) пришел к выводу, что образование БССР объективно будет способствовать упрочению международного положения Советской страны, защите революции и Советской власти.

Таким образом, активная и многогранная деятельность Белорусского национального комиссариата и Белорусских секций РКП (б) в

1918 г. на неоккупированной территории Беларуси и в России была направлена на создание белорусской государственности на советской основе.

Использованные источники и литература

1. Багалейша, С. В. Беларуска-літоўскія ўзаімаадносіны ў 1915–1924 гг. / С. В. Багалейша. – БНТУ. – Мінск: БДАТУ, 2014. – 232 с.
2. Беларус камуніст. Жылуновіч З. Як жа з Беларусью? / Беларус камуніст. З. Жылуновіч // Дзянніца. – 1918. – 19 лістапада.
3. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 240. – Оп.1. – Д.7.
4. Документы и материалы по истории Белоруссии. Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. – Минск: «Академия наук БССР», 1953. – Т.4. – 513 с.
5. История Беларуси: вопросы и ответы [Составители Г.Я. Голенченко, В.П. Осмоловский] – Минск: «Беларусь», 1993. – 206 с.
6. Калубовіч, Я. Крокі гісторыі / Я. Калубовіч. – Беласток, Вільня, Менск.: «ГаМакс», «Наша Ніва», «Мастацкая літаратура». – 1993. – 288 с.
7. Канчер, Е.С. Белорусский вопрос: Сборник статей / Е. С. Канчер. – Петроград: «Издание Белорусского отдела Комиссариата по делам национальностей СКСО», 1919. – 132 с.
8. Карр, Э. История Советской России. / Э. Карр. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917– 1923. – М.: «Прогресс», – 1990. – 768 с.
9. Круталевич, В.А. Пасля абвяшчэння рэспублікі / В. А. Круталевич // Польша. – 1966. – № 6. – С.129-145.
10. Ладыеў, У.Ф. На пераломе эпох: Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920). / У.Ф. Ладыеў, П.І. Брыгадзін. Мінск: «Беларускі дзяржаўны ун-т, 1999. – 127 с.
11. Ленин, В.И. Доклад на объединенном заседании ВЦИК / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: «Государственное издательство политической литературы», 1963. – Т. 37. – 747 с.
12. Ленин, В. И. Телеграмма главкому И. И. Вацетису // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Москва: «Издательство политической литературы», 1963. – Т. 37. – 747 с.
13. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 2 / М. П. Касцюк, У. Ф. Ісаенка, Г. В. Штыхаў і інш. – Мінск: “Беларусь”, 1995. – 560 с.

14. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: Совмест. рос.белор. исследование. В 3 ч.- Ч. 2.: У истоков политического противостояния: Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь. – Гомель: «Белорусское агенство научно-технической и деловой информации», – 1993. – 227 с.

15. Резолюция, принятая Всероссийским съездом беженцев из Белоруссии, состоявшемся в г. Москве 17-21 июля 1918 г. // Чырвоны шлях. – 1918. – №3. – С.26.

16. Русско-Германский добавочный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, 27 авг. 1918 г. // Спадчына. – 1993. – № 3. – С.77.

17. Советско-германские отношения. Сборник документов 1917–1918 гг. – М.: «Издательство политической литературы», 1968. – Т. 1. – 758 с.

18. Сталин, И.В. Выступление на III-м Всероссийском съезде Советов Р. С. и К. Д. / И. В. Сталин // Соч. – М.: «Издательство политической литературы», 1951. – Т. 4. – 426 с.

19. Щавлинский Н. Б. Государственно-политическое и национально-культурное самоопределение Беларуси в годы Первой мировой войны (1914-1918) / Н.Б. Щавлинский. – Минск: «Мэджик Бук», 2009. – 192 с.

ГІСТАРЫЧНЫ КАНТЭКСТ ПАЭМЫ МАКСІМА ТАНКА “НАРАЧ”

Якубінская А. Дз.

г. Мінск, БНТУ

Беларускае Паазер’е – гэта гісторыка-этнаграфічная прастора з адпаведным комплексам палітычных, сацыяльна-эканамічных і культурных асаблівасцей. Возера Нарач з’яўляецца сімвалічным увасабленнем Беларусі, а вобраз нарачанскага рыбака атаясамліваецца з тыпам сапраўднага беларуса. Адбываецца гэта дзякуючы творчасці Максіма Танка, які эстэтычна ўзняў “азэрны кут з яго жыццём, рыбацкімі клопатамі, бытам на вышыню агульназначнага, беларускага жыцця” [1, с. 102]. А. С. Ліс, падкрэсліваючы агульнаеўрапейскі ўзровень паэзіі Максіма Танка, зазначае, што паэт “у лірыцы і эпасе здолеў глыбока, па-мастацку ёміста выказаць

існае ў сацыяльным лёсе беларуса” [5, с. 267]. Паэт з’яўляўся непасрэдным сведкам тых падзей, што разгарнуліся “над Нараччу” ў 1935–1936 г., якія ў гістарычнай літаратуры называюцца “забастоўкай сялян-рыбакоў” [6, с. 298]. У памяці ж саміх жыхароў Мядзельшчыны падзея жыве пад назвай “паўстанне нарачанскіх рыбакоў”. Паэма Максіма Танка належыць да так званага “даверас-нёўскага перыяду” творчасці паэта і з’яўляецца своеасаблівай мастацкай хронікай падзей “над Нараччу” ў 1935 – 1936 гг.

Маладосць Максіма Танка прайшла ў Вільні, дзесяць год свайго жыцця (1929–1939 гг.) паэт правёў у асяроддзі “Віленскага авангарду”, дзе сфарміраваліся вытокі яго жыццёвых прынцыпаў, паэтычнае майстэрства. “Гэта быў надзвычай складаны і плённы перыяд, пазначаны актыўнымі творчымі пошукамі, эстэтычнымі эксперыментамі, а побач з гэтым – падпольнай дзейнасцю, арыштамі і неаднаразовым турэмным зняволеннем” [11, с. 23]. Так, у знакамітай віленскай турме “Лукішкі” (дзе пазней адбывалі зняволенне і нарачанскія змагары) паэт пабываў двойчы і правёў агульнай колькасцю амаль два гады. Аб вяртанні дадому з Лукішак у 1935 г. паэт успамінае наступнае: “Я ішоў найкарацейшым шляхам, праз закаванае ільдом возера Нарач, на якім у ясны сонечны дзень відаць былі невялікія групы рыбакоў і падводны, якія вярталіся з Мядзеля. На сцяне адной з рыбацкіх хат я ўбачыў загад аб забароне лавіць у Нарачы і ў іншых азёрах рыбу. Ніхто тады яшчэ не думаў, што хутка на гэтых берагах разыграюцца падзеі, водгук якіх разнясецца не толькі па ўсёй Заходняй Беларусі. Ды і сам я, прызнацца, не думаў, што тут разгорнуцца падзеі, якія стануць тэмай маёй першай юнацкай паэмы “Нарач” [1, с. 103]. Летам 1935 г. Я.І. Скурко кіраўніцтвам КПЗБ быў накіраваны на падпольную работу сярод ахопленых паўстаннем рыбакоў нарачанскіх вёсак, і ўжо ў канцы 1935 г. пачаў працу над паэмай [4, с. 104].

Паэт у сваім дзённіку неаднаразова заўважаў, што першапачаткова не меў аніякага плану да напісання паэмы і думаў, што ў яго атрымаецца верш. “Пішу ўступ, ці прадспеў да паэмы пра Нарач, хоць, прызнацца, ніякага плану паэмы ў мяне яшчэ няма” [10, с. 54]. Аднак сюжэтную лінію твора падказалі звесткі пра падзеі “над Нараччу”, якія ў Вільню прывёз ягоны паплечнік, падпольшчык А.І. Багданчук (Стах): “На святанні прыехаў С. Снежныя бураны, казаў, зусім замялі маю Мядзельшчыну... А вёз ён важную навіну –

аб выступленні рыбакоў у Пасынках, Чараўках і Купе” [10, с. 62]. Праца над паэмай была цяжкай. У паэта былі перыяды натхнення і творчага ўздыму. “Танк жыве ў атмасферы нервовай напружанасці, якую стварыў палітэйскі нагляд... матэрыяльная нястача і перагружанасць працай” [10, с. 105]. Так, 9 верасня 1936 г. аўтар змясціў наступны запіс у дзённіку: “Канчаю пісаць чацвёртую частку паэмы “Нарач”. Яна, здаецца, лепш удалася, як папярэдняя. Калі б так пайшло далей, не баяўся б за канец паэмы...” [10, с. 104]. Былі, аднак, і перыяды творчага заняпаду: “Вярнуўшыся дамоў, узяўся трэці раз нанова пісаць пятую частку сваёй паэмы, з якой ніяк не магу справіцца. Усе папярэднія варыянты – нудныя і банальныя” [10, с. 106]. Эпілог паэмы Максім Танк лічыў сваім “палітычным і паэтычным маніфестам”, змясціўшы адпаведны запіс у сваім дзённіку 3 лютага 1937 г. [10, с. 123]. Гэта дата з’яўляецца афіцыйнай датай заканчэння паэмы.

Даследчык творчага шляху Максіма Танка У.А. Калеснік адзначае, што асобныя фрагменты з паэмы былі ўпершыню надрукаваны ў 1936 г. (зборнік “На этапах”), без указання таго, што гэта часткі паэмы “Нарач” [4, с. 105]. Таксама па частках паэма выходзіла на працягу 1936 – 1937 гг. на старонках артыкула “Калоссе”, а асобная кніга ўбачыла свет у 1937 г. у Вільні (гэта так званае “давераснёўскае выданне” паэмы таксама было няпоўным з-за прыдзірак цензуры) [4, с. 106]. Вядома, што падчас Вялікай Айчыннай вайны па матывах паэмы Максіма Танка быў створаны літаратурны сцэнарый мастацкага фільма “Бура над Нараччу”, для кінастудыі “Савецкая Беларусь”. Ён складаецца з 29 аркушаў, напісаны ў стылістыцы даваенных савецкіх кінастужак з бяспаспэчнымі героямі, сапраўднымі змагарамі, панамі-прыгнятальнікамі і іх памагатымі [8, с. 125]. У 1947 г. убачыла свет асобнае выданне паэмы. У 1952 г. паэма ўвайшла ў зборнік Максіма Танка “Выбраныя творы”. У 1978 г. выйшаў з друку збор твораў Максіма Танка ў шасці тамах (самы поўны па той час), паэма была надрукавана ў першым томе. Апошні раз паэма была надрукавана ў трынаццацітомным зборы твораў паэта, які выходзіў на працягу 2006 – 2012 гг.

Паўстанне над Нараччу мела некалькі лідараў сярод рыбакоў. Адным з іх з’яўляўся Міхаіл Іванавіч Субач, ураджэнец вёскі Мікольцы. М. І. Субач і Максім Танк былі сябрамі, у пасляваенныя гады паэт неаднаразова гасцяваў у хаце рыбака, а пасля яго смерці

дапамагаў дзецям Міхаіла Іванавіча. Верагодна, Міхаіл Іванавіч Субач з’яўляецца адным з прататыпаў герояў паэмы і сцэнарыя да кінастужкі, напісанага Максімам Танкам падчас Вялікай Айчыннай вайны.

У 1932 г. польскі ўрад прыняў закон аб нацыяналізацыі рэк і азёр, згодна з якім было нацыяналізавана возера Нарач і перададзена ў эксплуатацыю Віленскай Дырэкцыі дзяржаўных лясоў. У мастацкай апрацоўцы гэтая падзея ў паэме апісана Максімам Танкам так:

Паны азёры адабралі,
Няма дабра.
Сягоння горш нам, як калісьці
Бацькі жылі,
Не хлеб, а камень будзем грызці
З сваёй раллі [9, с. 162].

Такім чынам свабодная рыбная лоўля ў Нарачы была забаронена. Быў парушаны традыцыйны ўклад мясцовых жыхароў. “Замах новых акупацыйных улад на спрадвечныя жыццёвыя правы і інтарэсы сапраўдных гаспадароў гэтай зямлі выклікаў страшэннае абурэнне, пратэст – не толькі іх, наднарочанцаў, але і ўсяго беларускага народа” [1, с. 102]. Тым самым сем’і рыбакоў былі пазбаўлены асноўных сродкаў існавання, якія яны раней атрымлівалі ад продажу вылаўленай рыбы.

У 1935 г. дырэкцыя здала возера ў арэнду мясцовым памешчыкам – панам Бешарту і Яблонскаму, апошні прапанаваў рыбакам наймацца лавіць рыбу і за невялікую плату ўсю без выключэння здаваць яе арандатару. Рыбакам загадалі павялічыць памер вочак у сетках, каб дробная рыба не пападалася ў невад [4, с. 110]. На сходзе прысутнічалі арандатар, мясцовая паліцыя, абураныя несправядлівасцю рыбакі. Максім Танк так апісвае гэты сход:

Камнем лягла цішыня
На спінах рыбацкіх...
Солтыс пачаў гаварыць,
Што Рэч Паспалітая хоча
Усім рыбакам памагчы
Рыбу лавіць невадамі... [9, с. 183]

Раптам з сялянскага натоўпу хтосьці крыкнуў, каб пан Яблонскі ўбіраўся з возера вон. Гэта быў Міхалюк Субач. У паэме “Нарач” хтосьці з рыбакоў прамаўляе:

Але як жыць нам, скажы,
Калі вы адбіраеце Нарач? [9, с. 184]

Рыбакі вёсак Пасынкі, Мікольцы, Гатавічы, Чараўкі, Урлікі, Занарач былі вымушаны выходзіць лавіць рыбу незаконна. Софія Міхайлаўна Субач, старэйшая дачка М. І. Субача, успамінала, што “у адзін з такіх адловаў паліцыя паспрабавала канфіскаваць рыбу, забуксіраваўшы і прыцягнуўшы да берага нагужаныя рыбай рыбацкія чаўны. Тым часам на беразе Нарачы сабраліся сем’і рыбакоў. Як толькі паліцэйская лодка наблізілася да берага, жанчыны кінуліся ў ваду і перакулілі яе, а мужчыны-рыбакі здолелі атагнаць свае лодкі на край возера. Улоў рыбакі прадаць не змаглі, бо ён быў канфіскаваны паліцыяй па дарозе ў Вільню.” У пятай частцы паэмы Максім Танк маляўніча апісвае гэтую падзею:

Дзеці, жанчыны, старыя
Сёння на бераг прыйшлі
З віламі, з пешнямі [9, с. 193].

Неўзабаве на Мядзельшчыне пачалі стварацца нелегальныя камітэты барацьбы, якія арганізоўвалі дружныя для аховы рыбацкіх сетак і лодак, бо іх магла канфіскаваць паліцыя:

Відаць, ідуць змяняць начную варту
На бераг нарачанскі рыбакі [9, с. 222].

Рыбакі адмаўляліся выходзіць лавіць рыбу на возера і перашкаджалі дырэкцыі наладзіць лоўлю. Аб падзеях на Нарачы стала вядома ў ЦК КПЗБ, які паспрабаваў надаць супраціўленню рыбакоў арганізаваны характар, для чаго на Мядзельшчыну для падпольнай работы быў накіраваны А.І. Багданчук (Стах). У паэме “Нарач” падпольшчык з’яўляецца прататыпам вобраза Грышкі. Ва ўспамінах А.І. Багданчука ёсць звесткі аб стварэнні забастовачнага камітэту барацьбы, у склад якога увайшлі некалькі сялян-рыбакоў з прыбрэжных нарачанскіх вёсак: К.І. Субач, А.І. Чарняўскі з вёскі Мікольцы, М.І. Субач з вёскі Пасынкі, І.М. Зарніцкі з вёскі Чараўкі, Т.В. Міхайловіч з вёскі Гатавічы [3, с. 258]. Акруговы камітэт ЦК КПЗБ у жніўні 1935 г. выдаў зварот да рыбакоў: “Возера Нарач не належыць польскім акупантам, а нарацкім рыбакам і сялянам. Толькі пры дапамозе масавай барацьбы вы зможаце адстаяць свае правы. Дабівайцеся права свабоднай лоўлі і продажу рыбы арганізаванай і масавай барацьбой” [6, с. 300]. Жыхары вёсак Пасынкі і Мікольцы першымі выйшлі лавіць рыбу, спачатку ўлады

не рашыліся іх спыніць, і хутка да рыбакоў далучыліся сяляне іншых вёсак.

Сярод рыбакоў пачаліся арышты: за краты трапілі арганізатары рыбацкай забастоўкі В. Талайка, І. Чарняўскі, В. Роліч. Марозным зімовым вечарам быў арыштаваны М. Субач, у якога дома засталіся чацвёра малых дзяцей і хвора я жонка, якая толькі што нарадзіла дзіця. Софія Міхайлаўна ўспамінала: “Мой тата, апрануты ў худы дамаатканы армячок і як вельмі небяспечны злачынца закаваны ў кайданы, быў дастаўлены ў паліцэйскі ўчастак Кабыльніка. Тата казаў, што мароз быў настолькі моцным, што паліцэйскія вартаўнікі, пашкадаваўшы яго, накрылі яго закаваныя рукі сенам, пакуль везлі ў паліцыю. Праз суткі Міхаіла Іванавіча разам з іншымі “забастоўшчыкамі” павезлі ў Паставы, дзе знаходзілася польская ваенная камендатура. Па дарозе ў Паставы адзін з рыбакоў не вытрымаў і пачаў бедаваць па сваёй сям’і. Міхаіл Іванавіч суцяшаў яго, гаворачы наступнае: “Не бядуй, братка, у цябе два сыны, як дубы, пракормяцца. Гэта ў мяне дзеці, што гарох...”

Аб жорсткіх умовах, у якіх давялося пабываць бацьку ўспамінала Марыя Міхайлаўна Субач, малодшая дачка змагара. “Падчас следства М. І. Субача трымалі ў камеры-адзіночцы, якая не абагравалася нават у люты мароз і называлася “каменны мяшок”. Допыты вяліся штодзённа, дазвалялася толькі пяціхвілінная прагулка ў кайданах па калідоры. На сцяне вісеў вялізны плакат, на якім быў намалюваны польскі герб з арлом, які трымае ў кіпцюрах стылізаваную карту другой Рэчы Паспалітай. Уражаны гэтым малюнкам, Міхаіл Іванавіч аднойчы звярнуўся да свайго вартаўніка з наступнымі словамі: “Вось як гэты арол трымае ў кіпцюрах Польшчу, так і мы, рыбакі, хочам хоць адным пальцам зачапіцца за Нарач...” Ва ўнісон гучаць радкі паэмы:

Прыехалі асаднікі, паны.

Азёры пахнуць ім не толькі рыбай,

Яны глыбей упушчаюць кіпцюры

Ў нашы нівы, у прадзедаў сялібы,

І ў нашы песні, і ў лясы-бары [9, с. 210].

За гэта Міхаіл Іванавіч быў жорстка збіты, з рота і вушэй хлынула кроў. У рэшце рэшт суд прыгаварыў М. Субача і В. Роліча да чатырох гадоў пазбаўлення волі, тэрмін адбываць “забастоўшчыкі” былі павінны ў віленскай турме “Лукішкі”. У сваім дзённіку

Максім Танк 15 мая 1936 г. запісаў: “У Паставах адбыўся суд над 28 рыбакамі – удзельнікамі нарачанскага бунту. Чакаю С., які спецыяльна паехаў, каб прысутнічаць на гэтай расправе, а потым пра ўсё напісаць у нашу газету. Трэба будзе дома даведацца, хто такі арандатар Бештарт, якому падчас гарачай сутычкі на возеры рыбакі параўнялі бакі...” [10, с. 85].

Тым часам нарачанскія рыбакі працягвалі адмаўляцца ад працы на арандатара возера, патрабавалі вызвалення арыштаваных. У гміне, што знаходзілася ў вёсцы Кабыльнік, пабілі вокны. “Яны асаджалі косы насторч і зімой умарожвалі дрэўкі ў лёд, апусціўшы лязо пад ваду, а летам заганялі дрэўкі ў дно возера на тонях. Аб такую загароджу з кос рэзаліся на шматкі дзяржаўныя невады” [4, с. 111]. З Паставаў прыбыў павятовы стараста, а з Вільні ваявода Славой-Складоўскі, якія спрабавалі ўгаворамі і пагрозамі прымусіць рыбакоў выконваць закон. У памяці Соф’іі Міхайлаўны захаваліся наступныя ўспаміны: “Ішоў моцны дождж, сем’і рыбакоў сабраліся на сустрэчу з уладамі. Размову з сялянамі пачаў ксёндз. Гэты старэнькі чалавек падазваў да сябе дзяцей, благаславіў іх і ўвогуле спагадліва ставіўся да сялян. Тыя ў сваю чаргу паднеслі ксяндзу пакаштаваць невялічкую талерку смажаных нарачанскіх яжгуркоў даўжынёй у далонь. Святы айцец дужа хваліў нарачанскую рыбу і тады хтосьці з сялян сказаў: “Так дазвольце нам, шанюўныя паны, рыбку такога памеру пакідаць сабе, а большую мы будзем здаваць арандатару. Толькі вызваліце нашых рыбакоў з турмы...” У выніку гэтай сустрэчы праз некалькі месяцаў “забастоўшчыкі” вярнуліся дадому, а рыбакам дазволілі здаваць вылаўленую рыбу на рыбалавецкую базу арандатара часткова.

Такім чынам, паэма Максіма Танка “Нарач” напісана на аснове рэальных гістарычных падзей у Нарачанскім краі Заходняй Беларусі, а менавіта паўстання рыбакоў за права карыстацца іх азёрамі, за спрадвечнае права лавіць рыбу. Сюжэт паэмы – рыбацкае паўстанне, напісанае ў форме гераічнай хронікі. Максім Танк па-мастацку апрацаваў наступныя падзеі паўстання: перадача возера ў эксплуатацыю Віленскай Дырэкцыі дзяржаўных лясоў, сход рыбакоў, сход сем’яў рыбакоў на беразе Нарачы падчас “незаконнага” лову рыбы і некаторыя іншыя. Героі паэмы маюць рэальных прататыпаў, напрыклад прататыпам вобраза Грышкі з’яўляецца падпольшчык А.І. Багданчук. Вобраз Прахора –

збіральны, у ім увасоблены рысы многіх сялян-рыбакоў, у тым ліку Міхаіла Іванавіча Субача.

У паэме “Нарач” выкарыстоўваюцца разнастайныя элементы вуснай народнай творчасці, якія таксама надаюць твору гістарычны характар. У аснове сюжэта паэмы ляжыць творчая пераапарацоўка старадаўняй легенды нарачанскага краю, у якой апавядаецца пра трагічнае каханне і ўзнікненне возера. Так, вобразы закаханых Грышкі і Таццяны з’яўляюцца адлюстраваннем драматычнай інтымнай лініі [1, с. 106].

У паэме Максімам Танкам выкарыстоўваюцца фальклорныя элементы памінальнай абраднасці беларусаў – плачы-галашэнні. У галашэннях у паэтычна-вобразнай форме, з выкарыстаннем інтанацыі плачу ўслаўляўся нябожчык, паказвалася яго жыццё, працоўная дзейнасць, раскрываліся яго лепшыя маральныя рысы [7, с. 6]. Падчас пахаванняў Прахора вясковыя жанчыны галосыць:

– ...Ды ўстань, падыміся, паглядзі ты, наш родненькі,

Колькі ў хаце людзей назбіралася!

Як не ў беднага, а ў багатага на вяселейка.

Толькі ўсе маўчаць, не п’яе ніхто і не цешыцца [9, с. 225].

Для таго каб падкрэсліць аптымізм і невычарпальную энергію народа, Максім Танк выкарыстоўвае народныя прыпеўкі:

Эх ты, доля, з лыка звіта,

Нарач – наша старана!

Скрыпка кнігаўкай падбітай

Доўга плакала адна [9, с. 170].

Пэўны гістарызм паэме надаюць выкарыстаныя аўтарам сапраўдныя тапонімы Нарачанскага краю – назвы азёр, вёсак, мясцін, шляхоў. Падрыхтоўка паўстання апісваецца Максімам Танкам ў сапраўдных геаграфічных межах – на азёрах Мядзельшчыны:

Так разбівалі

Свае пугы-гора

Азёры:

Нарач,

Мястра і Баторын [9, с. 175].

Сяляне, пазбаўленыя спрадвечнага права лавіць рыбу, былі вымушаны ісці на кірмаш, каб прадаць рамесныя вырабы – абутак, тканіну, хамуты і іншае. У сувязі з гэтым Максім Танк ўзгадвае

цэнтр тагачаснага гандлю ў Мядзелі:

Быў пагодны, быў сонечны час.

На шырокім на Мядзельскім рынку

Надрывалася хрыпла катрынка –

Пачынаўся вясенні кірмаш [9, с. 187].

На Мядзельскі кірмаш збіраліся рыбакі з навакольных вёсак, каб абмеркаваць новыя распараджэнні польскіх улад:

...Шмат баторынскіх ёсць рыбакоў,

Нехта з Гатавіч, з Пасынак будзе [9, с. 189].

Беларускае Паазер’е з’яўляецца ўнікальным культурна-этнаграфічным рэгіёнам Беларусі, для якога характэрны своеасаблівы дыялект беларускай мовы. У паэме Максім Танк ужывае шмат дыялектных слоў, характэрных для Мядзельшчыны. Так, у творы замест словазлучэння “лоўля рыбы” некалькі разоў ужываецца дыялектызм “палоў”, прыкладам: “Нарачанскія арцелі выплывалі на палоў” [9, с. 168]. Сімвалам возера Нарач з’яўляецца белая птушка-чайка, дыялектная назва якой кагарка: “Прамільгнуў белай кагаркі цень над вадой” [9, с. 214]. Ужыванне дыялектнага слова “рызманы” замест “ласкуты” узмацняе адчуванне трагізму лёсу Прахора: “Рве на грудзях рызманы” [9, с. 182].

Выразным адлюстраваннем беднага сялянскага харчавання з’яўляецца ўпамінанне Максімам Танкам дзіцячых прысмакаў беларускага адмысловага печыва – “куракоў”:

Ціха спрачаліся дзеці

На згорбленай печы,

Дзелячы з ранніх зажынак

З асцём куракі [9, с. 222].

Для надання большай гістарычнай даставернасці Максім Танк выкарыстоўвае ў паэме характэрную “рыбацкую лексіку”. Тоні – віры, затоны або заходы падчас лоўлі рыбы сеткай, невадам [16, с. 300]. Сялява – гэта рыба сямейства ласасёвых, рапушка еўрапейская, нарачанская прамысловая рыба [16, с. 147]. Арцелі – калектывы рыбакоў, у якія сяляне аб’ядноўваліся для рыбнага промыслу [2, с. 28]. Таксама ў гэтым паэме сустракаюцца этнаграфічныя назвы прылад працы рыбакоў. Падвалока – гэта невялікая рыбацкая сетка [14, с. 102]. Пешня – гэта прылада (лом з драўлянай ручкай) для прасякання лёду [15, с. 117]. Сак гэта прылада, што складвалася з сеткавага мяшка, прывязанага да абруча

ў форме паўкруга і ручкі [2, с. 72]. Невад – гэта сеткавае палотнішча з увязаным пасярэдзіне сеткавым мяшком [2, с. 48].

Падзеі паэмы апісваюцца ў рэальных гістарычных абставінах. Для гэтага аўтар паэмы выкарыстоўвае назвы тагачасных пасады чыноўнікаў, надзвычайных падаткаў. Солтыс – сельскі староста ў Заходняй Беларусі [12, с. 387]. Секвестратар – гэта чыноўнік, які кантраляваў, каб рыбакі не парушылі забарону ці “абмежаванне, якое накладваецца дзяржавай на карыстанне якой-небудзь маёмасцю” [12, с. 275]. Асаднікі – дэмабілізаваныя афіцэры польскай арміі, што атрымалі ў Заходняй Беларусі зямлю і здавалі яе ў арэнду мясцовым сялянам. Шарваркі – гэта натуральныя павіннасці па будаўніцтве і рамонце замкаў, дарог, мастоў, плацін, млыноў і іншых дзяржаўных ці панскіх збудаванняў, ачыстцы берагавых палос (перажытак прыгонніцтва) [19, с. 197].

Такім чынам, у паэме “Нарач” пры дапамозе мастацкай фантазіі паэт творча перапрацаваў фальклорныя матывы, вобразы, сюжэты. Сярод фальклорных матываў і вобразаў у паэме “Нарач” пастаўлена перапрацавана легенда аб узнікненні возера, выкарыстаны такія элементы вуснай народнай творчасці як плачы-галашэнні, прыпеўкі, псіхалагічны паралелізм. Сапраўдныя тапонімы Нарачанскага краю надаюць зместу паэмы рэалізм і гістарычнасць. Акрамя таго, гістарычны характар паэмы створаны Максімам Танкам пры дапамозе слоў, характэрных для дыялекту Мядзельшчыны: палоў, кагарака, рызманы, мыляецся, куракі. Таксама паэт выкарыстоўвае некаторыя словы з “рыбацкай лексікі”, этнаграфічныя назвы традыцыйных прылад працы рыбакоў: човен, невад, тоні, пешня, сак, сялява, снасці рыбацкія, падвалокі, рыбацкія арцелі. Выкарыстанне назваў пасады чыноўнікаў, падаткаў, паліцыі 1930-х гг. у Заходняй Беларусі ўзмацняе мастацкае адлюстраванне гісторыі ў паэме. Такім чынам, паэт пры дапамозе мастацкіх сродкаў стварыў гістарычны вобраз Заходняй Беларусі і сацыяльны партрэт сялян-рыбакоў Нарачанскага краю.

Выкарыстаныя крыніцы і літаратура

1. Арочка, М. М. Максім Танк : Жыццё ў паэзіі / М.М. Арочка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984г. – 272с.

2. Браім, І. М. Рыбаловства ў Беларусі (гісторыка-этнаграфічны нарыс) / І. М. Браім. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 136 с.

3. Богданчук, А. В. На озере Нароч / А. В. Богданчук // Годы испытаний и мужества / Сост.: Орехво Н.С., Сташкевич Н.С. – Минск : Беларусь, 1973. – 416 с. – С. 256 – 264.

4. Калеснік, У. Паэзія змагання: Максім Танк і заходнебеларуская літаратура / У. Калеснік. – Мінск : Дзярж. выд. БССР, 1959. – 253 с.

5. Ліс, А. С. Літаратура Заходняй Беларусі / А. С. Ліс / Гісторыя Беларускай літаратуры XX стагоддзя: У 4 т. Т. 2. / Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – 903 с. – С. 210 – 281.

6. Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927 – 1939 гг.) / В.А. Полуян. – Минск : Наука и техника, 1978. – 360 с.

7. Рагойша, В. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах / В. Рагойша. – Мінск : “Бел. Энц.”, 2001. – 384 с.

8. Рублевская, Л. Время и бремя архивов и имён / Л. Рублевская, В. Скалабан. – Минск : Літаратура і Мастацтва, 2009. – 230 с.

9. Танк, М. Збор твораў у шасці тамах. Том 1. Вершы, паэмы. 1930 –1945. / М. Танк. — Мінск : Мастацкая літаратура, 1978. – 528 с.

10. Танк, М. Лісткі календара / М. Танк. – Мінск : Беларусь, 1970. – 312 с.

11. Тычко, Г. К. Максім Танк і Віленскі авангард / Г. К. Тычко // Танкаўскія чытанні: “Максім Танк і сучасны літаратурны працэс” : Матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., 17 – 18 верас. 2002 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал. : В. Д. Гарадніцкі, А. І. Лугоўскі, М. Ф. Шаўлоўская ; адк. рэд. А. І. Лугоўскі, М. Ф. Шаўлоўская. – Мінск : БДПУ, 2003. – 83 с. – С. 23 – 29.

12. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал. : Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2001. – 591 с.

13. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : У 6 т. Т. 6. Кн. 2: Усвея – Яшын / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал. : Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2003. – 616 с.

14. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 8. / Уклад. Г. А. Цыхун [і інш.]; Рэд. В.У. Мартынаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 270 с.

15. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 9. / Уклад. І. І. Лучыц-Федарэц [і інш.]; Рэд. Г. А. Цыхун. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 367 с.

16. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 13. / Уклад. М. Л. Абрахімовіч [і інш.]; Гал. рэд. Г. А. Цыхун. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 351 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Бобков В. А. Советский опыт как кладезь знаний и умений.....	4
Багдановіч А. І. Культурнае будаўніцтва ў заходняй Беларусі пасля ўз'яднання з БССР.....	11
Боголейша С. В. Деятельность правительства Литовско-Белорусской ССР в области внутренней и внешней политики.....	17
Божанов В.А. Проблемы послеоктябрьского становления советской государственности в Беларуси (1917–1921 гг.).....	26
Василевич Г. А. Проект Союзного договора как отражение борьбы между Союзным центром и республиками.....	34
Глеб М. В. Политика и наука в БССР конца 1920-х – начала 1930-х гг. в отражении эго–документов.....	43
Давидович А. В., Киселёва С. А. Соцреализм в изобразительном искусстве Беларуси 1930-х – 1950-х гг. XX века.....	49
Денисов А. В. Политическое и идеологическое значение первой всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки 1930 г.....	57
Доўнар Л. А. Падаткаабкладанне прыватных прамысловых прадпрыемстваў на беларускіх землях у перыяд НЭПа.....	63
Дубовик А. К., Дубовик Е. А. Профсоюзы Беларуси в политической системе советского общества.....	68
Дубовік А. А. 3 гісторыі дзяржаўнага рэгулявання працоўных адносін у БССР.....	74
Иоффе Э. Г. Формирование и состав политической элиты БССР...82	
Казак О. Г. Национально-культурная политика в Советской Беларуси в контексте функционирования Минского Польского педагогического техникума (1920-е гг.).....	89
Каляда І. У. Уплыў палітыкі беларусізацыі на развіццё беларускай культуры (1920-я гг.).....	94
Крючек П. С. Роль белорусов в формировании этнического пространства Кубани и Северного Кавказа (историографический аспект проблемы).....	100
Кукса А. Н. Государственная идея в Беларуси: проблемы становления в начале XX века.....	105
Лепеш О. В. Борьба с контрабандой в БССР на советско-польской границе в первой половине 1920-х гг.....	108

Литвиновская Ю. И. Экономическая реформа 1965 г. в Беларуси	116
Панченко А. В. К вопросу о горбачевской перестройке	124
Райчонак А. А. Гістарыяграфія працэса утварэння беларускай дзяржаўнасці ў працах другой паловы 50-х - сярэдзіны 80-х гг.	130
Рогач С. А. Автобиографии в памяти о советской истории: женские рассказы о войне	136
Саракавік И. А. Некаторыя аспекты партыйнага кіраўніцтва міліцыяй беларусі ў другой палове 1960 – 1980 гг.....	141
Семенова Л. Н. Партия в системе советского государства	161
Снапкоўскі У. Е. Аб самастойнасці і залежнасці ў знешнепалітычнай дзейнасці Беларускай ССР: па матэрыялах беларускіх, расійскіх і ўкраінскіх дыпламатычных архіваў (1944–1991 гг	167
Соловьянов А. П. Социально-экономическое положение населения в БССР в 1920-е гг.....	178
Стралец М. В. Снапкоўскі У.Е. як заснавальнік новага кірунку ў беларускай гістарычнай навуцы	186
Цыбулько В. В. Развитие войсковой противовоздушной обороны в советский период истории.....	192
Щавлинский Н. Б. Деятельность белорусских секций РКП (б) и белорусского национального комиссариата на пути создания Советской Беларуси (1918 г.....	198
Якубінская А. Дз. Гістарычны кантэкст паэмы Максіма Танка “Нарач.....	207

Научное издание

СОВЕТСКИЙ ЭТАП В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Сборник научных статей участников Республиканской
научно-теоретической конференции

Минск, 5 декабря 2019 г.

Подписано в печать 19.11.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 12,85. Уч.-изд. л. 10,05. Тираж 100. Заказ 812.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.